

**Жозеф Рони-старший
Борьба за огонь**

**Жозеф Рони-старший
Борьба за огонь
(с иллюстрациями)**

Часть первая

Глава I Смерть огня

В непроглядную ночь бежали уламы, обезумев от страданий и усталости; все их усилия были тщетны перед постигшим их несчастьем: огонь был мертв! Они поддерживали его в трех клетках. По обычаю племени четыре женщины и два воина питали его день и ночь.

Даже в самые тяжелые времена поддерживали они в нем жизнь, охраняли его от непогоды и наводнений, переносили его через реки и болота; синеватый при свете дня и багровый ночью, он никогда не расставался с ними. Его могучее лицо обращало в бегство львов, пещерного и серого медведей, мамонта, тигра и леопарда. Его красные зубы защищали человека от обширного страшного мира; все радости жили только около него! Он извлекал из мяса вкусные запахи, делал твердыми концы рогатин, заставлял трескаться камни, он подбадривал людей в дремучих лесах, в бесконечной саванне, в глубине пещер. Это был отец, страж, спаситель; когда же он вырывался из клетки и пожирал деревья, он становился более жестоким и диким, чем мамонты.

И вот теперь он мертв! Враг разрушил две клетки; в третьей же, уцелевшей во время бегства, огонь слабевал, бледнел и постепенно уменьшался. Он был так слаб, что не мог поедать даже болотные травы; он дрожал, как больное животное, обратившись в небольшое насекомое красноватого цвета, и каждое дуновение ветра грозило его погасить... потом он вовсе исчез... Уламы бежали, осиротевшие, в осеннюю ночь. Звезд не было. Тяжелое небо опускалось над тяжелыми водами; растения протягивали над беглецами свои похолодевшие стебли, слышно было только, как шуршат пресмыкающиеся. Мужчины, женщины, дети поглощались тьмою. Прислушиваясь к голосам своих вожаков, они старались двигаться по сухой и твердой земле, переходя вброд встречавшиеся ручьи и болота. Три поколения знали эту тропу. На рассвете они подошли к саванне. Холодный свет просачивался сквозь меловые слои облаков. На жирных, как горная смола, водах кружился ветер. Как гнойники, раздувались водоросли, оцепеневшие ящерицы лежали, свернувшись, среди кувшинок. На иссохшем дереве сидела цапля. Наконец в рыжем тумане развернулась саванна с дрожащими от стужи растениями. Люди воспрянули духом и, пройдя сквозь заросли камыша, очутились наконец среди трав, на твердой почве. Но тут их лихорадочное возбуждение сразу упало, люди ложились на землю, застывали в неподвижности; женщины, более выносливые, чем мужчины, потеряв своих детей в болотах, выли, как волчицы, те, что спасли своих малюток, поднимали их вверх, к облакам. Когда рассвело, Фаум с помощью пальцев и веток пересчитал свое племя. Каждая ветка соответствовала количеству пальцев на обеих руках. Остались: четыре

ветки воинов, более шести веток женщин, около трех веток детей, несколько стариков.

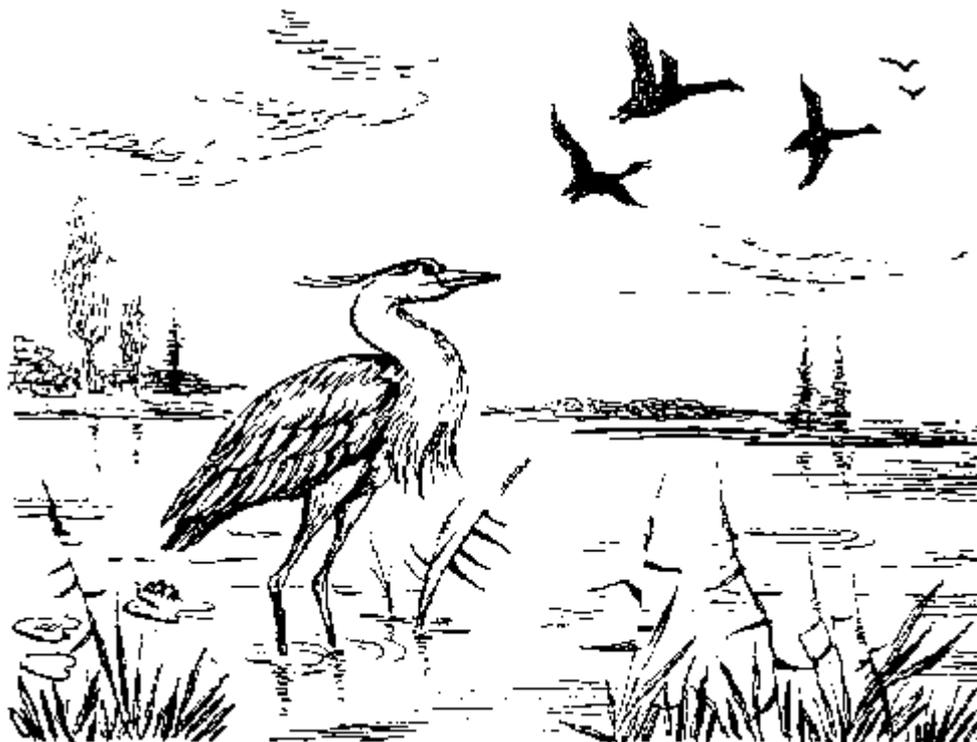
Старый Гун сказал, что уцелели – один мужчина из пяти, одна женщина из трех и один ребенок из целой ветви.

Уламы почувствовали всю огромность несчастья. Они поняли, что их потомству угрожает гибель. Силы природы становились все более грозными. Люди будут бродить по земле, жалкие и нагие.

Отчаяние овладело даже мужественным Фаумом. Он уже не полагался больше на свои огромные руки. На его большом, заросшем жесткой щетиной лице, в его желтых, как у леопарда, глазах была смертельная усталость; он рассматривал свои раны, нанесенные копьем и дротиками врага, слизывая языком кровь, сочившуюся из его раненого плеча.

Он старался восстановить в памяти картину битвы. Уламы кинулись в бой. Его палица крушила головы врагов. Уламы уничтожат мужчин, уведут женщин, убьют вражеский огонь, прогонят врагов в саванны и непроходимые леса. Что же произошло? Почему уламы обратились в бегство, почему начали трещать их кости, почему из их животов стали вываливаться внутренности, из их уст вырываться предсмертные стоны, в то время как враг, наводняя лагерь, уничтожал священный огонь? Так спрашивал себя Фаум, уставший и отяжелевший. Он приходил в бешенство при одном воспоминании об этой битве, извиваясь, как гиена, он не хотел быть побежденным, он чувствовал в себе еще достаточно сил, храбрости, жестокости.

Солнце взошло. Его яркие лучи разлились над болотом, проникая в грязь, осушая саванну. В них была радость утра, свежесть растений. Вода казалась теперь более легкой, менее вероломной и опасной. Она серебрилась среди медно-ржавых островов; она покрывалась легкой зыбью из малахита и жемчуга, она расстилала чешую из слюды. Сквозь заросли ивы и ольхи доносился ее тонкий запах. В игре светотеней сверкали водоросли, лилии, желтые кувшинки, мелькали водяные касатки, болотные молочайники, вербейники, стрелолистники. Заросли лютиков с аконитовыми листьями, узоры из мохнатой заячьей капусты чередовались с диким льном, горьким крессом, рясками. В зарослях кустов и камышей кишели водяные курочки, чирки, ржанки и зеленокрылые чибисы. На берегах маленьких рыжеватых бухточек стояли, как на карауле, цапли, на мысу, хлопая крыльями, резвились журавли; зубастая щука охотилась за линиями. Стрекозы, сверкая зелеными огоньками, летали в расщелинах камней из ляпис-лазури.

Фаум созерцал свое племя. Несчастье лежало на людях, как помёт пресмыкающегося. Лимонно-желтые, кроваво-красные, зеленые, как водоросли, люди распространяли запах лихорадки и

гниющего мяса. Одни лежали, свернувшись, как змеи, другие – вытянувшись, как ящерица, а иные хрипели, охваченные предсмертной агонией. Раны, нанесенные в живот, становились черными и отвратительными; раны на головах казались больше своих размеров от запекшейся на волосах крови. Все эти люди будут здоровы. Смертельно раненные погибли на том берегу или во время переправы. Фаум, оторвав взор от спящих, стал рассматривать тех, кто страдал от поражения больше, нежели от усталости. Это были настоящие уламры: большие, тяжелые головы, низкие лбы и сильные челюсти; кожа рыжеватого тона, волосатые торсы, крепкие руки и ноги. Остротой своих чувств, особенно обонянием, они могли соперничать с животными. В их взглядах сверкала угрюмая свирепость. Особенно красивы были глаза детей и молодых девушек.

Хотя по многим своим признакам племя уламов и приближалось к современным нам дикарям, но это сходство было далеко не полным.

Палеолитические племена таили в себе молодость, которая никогда больше не вернется, цветение жизни, энергию и силу которой мы с трудом можем себе представить.

Фаум воздел руки к небу с протяжным стенанием:

– Что же станет с уламами без огня? – воскликнул он. – Как будут они жить в саванне и в лесу, кто защитит их от мрака и ветров зимы? Им придется есть сырое мясо и горькие овощи. Кто согреет их озябшие тела? Острые рогатины останутся мягким. Лев, зверь с раздирающими зубами, медведь, тигр, большая гиена пожрут их ночью! Кто завладеет снова огнем, тот станет братом Фаума, тот получит третью часть охоты, четвертую часть всей добычи; он получит Гаммлу – мою дочь, и после моей смерти станет вождем племени.

Тогда Нао, сын Леопарда, поднялся и сказал:

– Пусть дадут мне двух быстроногих воинов, и я пойду, завоюю огонь у сыновей мамонта или у пожирателей людей, которые охотятся на берегах Большой реки.

Фаум посмотрел на него недружелюбно. Нао был самым рослым из всех уламов. Его плечи были широки. Не было более ловкого и быстрого воина, чем Нао. Он победил Му, сына Кабана, сила которого равнялась силе Фаума. Фаум боялся его. Он давал ему унижительные работы, отдалял от племени, подвергал смертельным опасностям.

Нао не любил вождя, но при виде Гаммлы он приходил в восхищение; она была стройна, гибка, загадочна, ее волосы напоминали густую листву. Нао часто подстерегал ее в ивовом кустарнике, спрятавшись за деревья, или в овраге. При виде ее его охватывали то нежность, то гнев, иногда он раскрывал свои объятия, чтоб прижать ее тихо и нежно, иногда же ему хотелось накинуться на нее, как это делают с девушками из вражеских племен, опрокинуть на землю ударом палицы. Однако он не хотел причинять ей зла: если бы она была его женой, он обращался бы с ней без грубости. Ему не нравилось на лицах людей выражение страха; оно делало людей чужими.

В другое время Фаум рассердился бы на слова Нао. Но несчастье скрутило его.

Быть может, союз с сыном Леопарда принесет пользу? В противном же случае он сумеет предать его смерти. И, обернувшись к молодому человеку, он сказал:

– У Фаума только один язык. Если ты принесешь огонь, ты получишь Гаммлу без всякого выкупа. Ты станешь сыном Фаума.

Он поднял руку и говорил медленно и сурово. Затем сделал знак Гаммле.

Она подошла, дрожащая, подняв свои прекрасные глаза, полные влажного блеска. Она знала, что Нао подкарауливал ее среди трав, во мраке, и, когда он появлялся оттуда, как бы желая броситься на нее, она пугалась; но иногда его образ был ей мил; она желала одновременно, чтобы он погиб под ударами пожирателей людей и чтобы он оказался победителем и принес огонь.

Фаум положил свою тяжелую руку на плечо девушке:

– Кто из девушек может сравниться с Гаммлой? Она легко может нести на плече оленью самку, ходить без усталости от восхода до захода солнца, терпеть голод и жажду, выделывать шкуры зверей, переплывать озера. Она произведет на свет здоровых детей. Если Нао принесет огонь, он получит ее, не давая взамен ни топоров, ни рогов, ни мехов, ни раковин.

Тогда Аго, сын Зубра, самый волосатый из уламов, подошел, полный вождения:

– Аго хочет завоевать огонь! Он пойдет со своими братьями и будет подстерегать врагов по ту сторону реки. Он либо погибнет от ударов топора, копья, зубов тигра, когтей льва-великана,

либо вернет уламрам огонь, без которого они слабы и беспомощны, как олень или сайга.

На его лице были видны только рот, обрамленный сырым мясом губ, и глаза убийцы. Его коренастая фигура подчеркивала еще больше длину его рук и ширину плеч; все его существо выражало необычайную силу, неутомимую и безжалостную. Никто не знал ее пределов: он не применял ее ни против Фаума, ни против Му, ни против Нао. Знали только, что сила его огромна. Он ни разу не испытывал ее в мирной борьбе: но никто из тех, кто вставал на его пути, не мог устоять против него. Он либо уродовал своих противников, либо уничтожал их, присоединяя их черепа к своим трофеям. Он жил вдали от других уламов с двумя своими братьями, такими же волосатыми, как и он, и несколькими женами, которых держал в ужасном рабстве. Хотя уламы и сами не отличались мягкостью характера, но жестокость сыновей Зубра страшила даже самых жестоких из них. Сыновья Зубра возбуждали в уламах смутное недовольство. Это недовольство было первым проблеском сознания общности интересов перед лицом опасности.

Многие из уламов упрекали Нао в недостаточной суровости. Но порок этот в грозном воине был по душе тем, кто не обладал ни сильными мускулами, ни ловкостью.

Фаум ненавидел Аго не меньше, чем Нао, но еще больше он боялся его. Скрытая сила братьев ему казалась неуязвимой. Если один из них желал смерти человека, значит, все трое хотели того же. Всякий, кто объявлял им войну, должен был либо погибнуть сам, либо уничтожить их всех.

Вождь искал союза с сыновьями Зубра, но его заискивания натыкались на глухую стену их недоверия. Фаум был, пожалуй, и сам не менее жестоким и недоверчивым, чем Аго и его братья, однако он обладал некоторыми качествами вождя: снисходительностью к своим приверженцам, заботливостью об их нуждах и редким мужеством.

Он ответил с грубым безразличием:

– Если сын Зубра вернет огонь уламрам, он получит Гаммлу без выкупа, он будет вторым человеком в орде, в отсутствие вождя ему будут подчиняться все воины.

Аго слушал со свирепым видом. Повернув к Гаммле свое заросшее волосами лицо, он смотрел на нее алчно, с вожделием. В его круглых глазах сверкала угроза.

– Дочь Болота будет принадлежать сыну Зубра; всякий, кто посягнет на нее, погибнет.

Нао, разгневанный этими словами, тотчас принял вызов и заявил:

– Гаммла будет принадлежать тому, кто вернет огонь.

– Его вернет Аго!

Они посмотрели друг на друга. До этого дня между ними не было повода к раздорам.

Сознавая взаимную силу, они, не будучи ни противниками, ни друзьями, ни разу не сталкивались даже на охоте. Речь Фаума породила в них ненависть.

Аго, который накануне даже не взглянул на Гаммлу, когда она тайком пробиралась по саванне, задрожал всем телом, как только Фаум стал расхваливать девушку. Его охватила внезапная страсть. Ему казалось, что он уже давно стремится обладать этой девушкой. Но отныне у него не должно быть соперников. Он почувствовал это всем своим существом.

Нао это понял. Он крепче сжал левой рукой свой топор, а правой рогатину. На вызов Аго появились его братья, молчаливые, угрюмые и страшные. Они до странности походили на него, такие же рыжие, с пучками красноватой щетины на лице, с глазами, сверкающими, как надкрылья жужелицы. Их ловкость была не менее опасна, чем их сила.

Все трое, готовые к убийству, подстерегали каждое движение Нао. Но среди воинов поднялся ропот. Даже те, кто осуждал Нао за мягкость к противнику, не хотели его смерти, особенно после того, как погибло столько уламов. А кроме того, ведь он обещал вернуть им огонь! Все знали, что он искусен в военных хитростях, неутомим в борьбе, знает секрет, как поддерживать самое слабое племя и заставить его возродиться из пепла. Многие верили в его успех.

Правда, Аго тоже обладал необходимыми для этого дела терпением и хитростью, и уламы понимали пользу двойной попытки раздобыть огонь.

Они с шумом поднялись. Странники Нао, подбадривая себя криками, приготовились к бою.

Чуждый страха, сын Зубра не пренебрегал, однако, осторожностью. Он отложил поединок. Гун Сухие Кости выразил неясные мысли толпы:

– Разве уламы хотят исчезнуть с лица земли? Разве они забыли, что враг и наводнение уни-

чтожили много воинов: из четверых остался один. Всякий, кто способен носить рогатину, топор и палицу, должен жить. Нао и Аго – сильнейшие из мужчин, которые охотятся в лесу и в саванне; если один из них умрет, уламы еще больше ослабеют. Дочь Болота будет принадлежать тому, кто вернет нам огонь. Такова воля племени!

– Пусть так и будет, – подтвердили хриплые голоса.

Женщины, грозные своей многочисленностью, страшные своей нетронутой силой и общностью своих чувств, воскликнули:

– Гаммла будет принадлежать тому, кто завоюет огонь!

Аго приподнял свои волосатые плечи. Он ненавидел толпу, но не счел нужным вступать в пререкания. Уверенный в том, что опередит Нао, он твердо решил, при случае, уничтожить соперника.

Сердце его наполнилось жестокостью.

Глава II Мамонты и зубры

Это было на рассвете следующего дня. В облаках трепетал ветер, а низко над землей и болотами нависал недвижимый, благоухающий, теплый воздух. Небо дрожало, как озеро, на котором колыхались водоросли, кувшинки и бледные камыши. Утренняя заря катила по небу свою пену; она расширялась, разливалась желтыми лагунами, берилловыми лиманами, реками из розового перламутра.

Уламы, повернувшись к этому огромному огню, чувствовали, как в глубине их душ поднимается что-то величественное, что заставляет петь в траве саванны и ивняках маленьких птичек.

Раненые стонали от жажды; мертвый воин лежал, раскинув свои посиневшие члены; какое-то ночное животное уже изгрызло его лицо. Гун бормотал нараспев неясные жалобы. Фаум велел бросить труп в воду.

Затем внимание племени обратилось к завоевателям огня, Аго и Нао, которые готовились к походу. Волосатые братья вооружились палицами, топорами, рогатиной и дротиками с нефритовым и кремневым наконечниками. Нао, рассчитывавший больше на храбрость, чем на силу, выбрал себе двух молодых воинов, ловких и быстрых в беге. Они были вооружены топорами, рогатинами и дротиками. Нао добавил к этому дубовую обожженную палицу. Он предпочитал это оружие всякому другому и пускал его в ход в борьбе с крупными хищниками.

Фаум обратился сперва к сыну Зубра:

– Аго появился на свет раньше, чем сын Леопарда. Пусть он первым выберет путь. Если он пойдет к Большой реке, Нао повернет к болотам, к заходящему солнцу... Если Аго пойдет к болоту, Нао повернет к Большой реке.

– Аго еще не знает, куда он пойдет, – возразил волосатый. – Аго ищет огонь; он может пойти утром к реке, вечером к болотам. Разве охотник, преследуя кабана, знает, где он его убьет?

– Аго может изменить дорогу, – вмешался Гун, поддержанный ропотом толпы, – но он не может одновременно идти и к заходящему солнцу, и к Большой реке. Пусть он скажет, куда он пойдет!

В глубине своей темной души сын Зубра понял, что он совершит ошибку не тем, что не послушается вождя, а тем, что возбудит этим подозрения Нао. Обратив на толпу свой волчий взгляд, он воскликнул:

– Аго пойдет к заходящему солнцу! – и, сделав знак своим братьям, он пустился в путь вдоль болот.

Нао не сразу последовал его примеру. Он пожелал еще раз запечатлеть в своих глазах образ Гаммлы. Она стояла под ясенем позади вождя, Гуна и других стариков. Нао приблизился к ней; она не шелохнулась, обернувшись лицом к саванне. В ее волосах были вплетены цветы стрелолистника и неньюфары цвета луны; казалось, будто от кожи ее излучается свет, более яркий, чем от речной струи и от зеленого тела деревьев.

Нао почувствовал жажду жизни, беспокойное, могучее желание, которое овладевает живот-

ными и растениями. Его сердце сильно забилося, он задыхался от нежности и гнева; всякий, кто мог разъединить его с Гаммлой, казался ему теперь столь же ненавистным, как сыновья Мамонта или пожиратели людей.

Он поднял руку, вооруженную топором, и сказал:

– Дочь Болота! Нао или не вернется совсем, – он исчезнет в земле, в воде, в животе гиены, – или принесет огонь уламрам. Он принесет Гаммле раковины, зубы леопарда, голубые камни, рога зубров!

При этих словах девушка бросила на воина взгляд, в котором трепетала радость ребенка. Но Фаум прервал его с нетерпением:

– Сыновья Зубра уже скрылись за тополями!

Тогда Нао пошел по направлению к югу.

Целый день шли Нао, Гав и Нам по саванне. Она была в расцвете своих сил; травы качались, набегали друг на друга, как морские волны, саванна колыхалась под легким ветерком, трескалась на солнце, излучала в воздух бесчисленные ароматы. Она была грозна и обильна, монотонна в своей необъятности и вместе с тем разнообразна. Среди моря злаков, островов дрока, полуостровов вереска цвели зверобой, шалфей, лютики, сердечники. Местами обнаженная земля жила медлительной жизнью камней, устоявших против натиска растительности. Дальше снова тянулись поля, усеянные цветущими мальвами, шиповником, васильками, красным клевером и кустарниками.

Невысокие холмы перемежались с ложбинками и болотами, где кишели насекомые и пресмыкающиеся. Кой-где причудливые скалы поднимали над равниной свой профиль мамонта. Антилопы, зайцы то появлялись, то исчезали в траве, преследуемые волками и собаками. В воздухе скользили дрофы, куропатки, парили журавли и вороны. Табуны лошадей и стада лосей пересекали зеленую равнину, где медленно бродил серый медведь с повадками большой обезьяны и носорога, более сильный, чем тигр, и столь же грозный, как лев-великан. Нао, Нам и Гав расположились на ночлег у подножия кургана; они не прошли еще и десятой части саванны, они видели лишь бушующие волны трав. Кругом была ровная, однообразная степь. Заходящее солнце таяло в сумрачных облаках. Глядя на бесчисленные отсветы облаков, Нао думал о маленьком пламени, которое он должен завоевать. Казалось, достаточно было подняться на холмы, протянуть сосно-

вую ветку, чтобы зажечь ее от потухающего на западе костра.

Тучи почернели. Пурпуровая бездна залегла в глубине пространства, один за другим появлялись маленькие, сверкающие камешки звезд. Повеяло дыханием ночи.

Нао, привыкший к сторожевым кострам, к этому светлому барьеру, ограждающему людей от моря мрака, теперь острее почувствовал свою слабость и беспомощность. Каждое мгновение мог появиться серый медведь или леопард, тигр или лев, хотя они и редко проникали в глубь саванны; стадо зубров могло растоптать слабое человеческое тело; многочисленность придавала волкам силу крупных хищников, голод вооружал их храбростью.

Воины поели сырого мяса. Это была печальная трапеза; они предпочитали запах жареной пищи. Нао первым стал на стражу. Он всем своим существом вдыхал ночь. Он воспринимал ее тончайшие, неуловимые оттенки. Его зрение улавливало свечение предметов, их бледные формы, перемещение теней. Его слух различал шелест ветерка, треск растений, полет насекомых и хищных птиц, шаги и ползание животных. Он издали узнавал визг шакала, смех гиены, вой волков, крик орла; в его ноздри проникало дыхание влюбленного цветка, приятный запах трав, вонь хищников, приторный запах пресмыкающихся. Его кожа воспринимала тысячи впечатлений, получаемых от холода и тепла, от сырости и сухости, от малейшей перемены ветра. Его жизнь сливалась с жизнью природы.

Эта жизнь была полна опасностей. Созидание сопровождалось разрушением; жизнь покупалась только силой, хитростью, неутомимой борьбой. В каждом кусте Нао подстерегала опасность: зубы, которые могли его перегрызть, когти, которые могли его разорвать. Огненные глаза хищника грозили ему из мрака ночи.

Однако большинство зверей, считая человека сильным животным, проходили мимо него. Прошли гиены; их пасти были страшнее львиных, но гиены избегали нападать на живых людей, они искали мертвечины; остановилась стая волков, но волки не тронули людей, так как не были очень голодны и, предпочитая более легкую добычу, двинулись по следам антилоп; появились похожие на волков собаки, долго выли вокруг кургана. Иногда одна или две из них подкрадывались совсем близко к становищу людей, но страх перед двуногими удерживал их от нападения.

Было время, когда они в большом количестве бродили вокруг лагеря уламров, пожирая отбросы, принимая участие в охоте. Старый Гун подружился с двумя собаками, он кормил их внутренностями и костями животных. Обе они погибли в схватке с кабаном. Приручить других не удалось, так как Фаум, ставши вождем, приказал убивать всех собак. Нао нравилась дружба с собаками, она делала человека более сильным и уверенным. Но здесь, в саванне, он считал встречу с ними опасной, – собак была целая стая, а людей всего трое.

Между тем собаки теснее обступили курган; они перестали лаять, учащенно дышали. Нао забеспокоился. Он взял камень и бросил в самую дерзкую из стаи.

– У нас есть рогатины и палицы, они могут уничтожить медведя, зубра и льва! – крикнул он.

Камень попал собаке в голову. Испуганная ударом и звуком человеческого голоса, собака скрылась в темноте. Остальные собрались в кучу. Казалось, они о чем-то совещались. Нао снова бросил в них камень.

– Где вам сражаться с уламами! Подите, охотьтесь за сайгой и волками. Посмейте только подойти, я выпущу вам кишки!

Разбуженные голосом своего вождя. Нам и Гав вскочили на ноги; появление новых противников заставило собак отступить.

Семь дней шел Нао. До сих пор ему благополучно удавалось избегать опасностей; число их увеличивалось по мере приближения к лесу. Хотя лес и находился еще в нескольких днях ходьбы, но уже стали появляться его первые предвестники: островки деревьев, крупные хищники. Уламы уже встретили тигра и большую пантеру. Ночи становились все опаснее. Уламам приходилось с вечера искать себе убежище; они укрывались в расщелинах скал, среди кустарников, ночевать на деревьях они не решались. На восьмой и девятый день их стала мучить жажда. Ни ручейка, ни болотца, кругом выжженная пустыня; иссохшие пресмыкающиеся светились среди камней; насекомые наполняли воздух беспокойным трепетанием, они летали, вычерчивая медные, нефритовые, перламутровые спирали, они впивались в кожу воинов и кололи их своими острыми хоботками.

На девятый день земля стала свежей и мягче, с холмов спускался аромат вод; уламы увидели стадо зубров, направляющееся к югу. Тогда Нао сказал своим товарищам:

– Мы утолим жажду еще до захода солнца! Зубры идут на водопой.

Нам, сын Тополя, и Гав, сын Сайги, выпрямили свои истомленные жаждой тела. Это были ловкие юноши, но им не хватало решимости, в них нужно было воспитать мужество, веру в себя, выносливость. Зато они были покорны, склонны к радости, легко забывали страдания. Предоставленные самим себе, они легко приходили в замешательство перед любой опасностью, поэтому они предпочитали не разъединяться. Нао ощущал в них продолжение своей собственной силы. Их руки были проворны, ноги гибки, глаза зорки, слух остер. Они были верными слугами и легко покорялись мужеству и воле вождя. За десять дней пути они крепко привязались к Нао. Он был для них представителем рода, воплощением силы, защитником и покровителем. И когда Нао шел впереди них, опьяненный утром, радуясь своему сильному телу, они всем существом тянулись к нему, как дерево тянется к свету.

Нао это скорее чувствовал, чем понимал, это ощущение поднимало его в собственных глазах и вселяло в него уверенность в победе.

От деревьев легли длинные тени, травы всласть напились земного сока. Закатное солнце, большое и желтое, освещало стадо зубров, похожее издали на мутный поток воды.

Последние сомнения Нао рассеялись: по ту сторону холмов была вода – это подсказывал ему инстинкт, об этом свидетельствовали пробиравшиеся следом за зубрами многочисленные животные. Подобно Нао, его спутники учуяли в воздухе прохладную влажность.

– Надо опередить зубров, – сказал Нао.

Он боялся, что водоем окажется слишком мал и зубры займут его берега. Воины ускорили шаг.

Зубры двигались медленно – старые быки были осторожны, молодые устали. Уламы быстро достигли вершины холма. Другие животные тоже спешили, им тоже хотелось быть первыми у водооя. Торопливо бежали легкие сайги, муфлоны, джигетаи, наперерез им неся табун лошадей. Многие из них уже перевалили через холм. Нао опередил зубров: можно будет пить не торопясь. Когда люди достигли перевала, зубры были еще у его подножия. Нам и Гав еще больше ускорили шаг; жажда их усиливалась; они перевалили через холм и увидели воду. Она была матерью, творцом, более благотворным и менее жестоким, чем огонь. Их глазам открылось озеро, вытянутое у подножия скал, перерезанное островками, справа питавшееся потоками реки, слева падавшее в бездну. К нему можно было пройти тремя путями: по реке, тем перевалом, что миновали уламы, и еще другим, между скал. В остальных местах озеро было окружено базальтовыми стенами.

Воины радостными возгласами приветствовали воду, оранжевую от заходящего солнца. У водооя уже теснились сухопарые сайги, маленькие коренастые лошадки, дикие ослы с тонкими копытами, муфлоны с бородатыми мордами, несколько козочек, хрупких, как осенние листья; отдельно от них стоял старый олень, на лбу которого росло как будто целое дерево. Но из них один только кабан утолял свою жажду, не торопясь, без страха, остальные животные пили, наострив уши, готовые каждую секунду пуститься в бегство. «Слабые должны жить в постоянном страхе» – так гласил закон первобытной жизни.

Вдруг головы животных повернулись в одну сторону. Это произошло быстро и вызвало замешательство. Через мгновение – лошади, олени, дикие козы, муфлоны уже бежали на запад под ливнем алых лучей. Один только кабан остался на месте; он стоял, вращая своими кровавыми маленькими глазами в шелковистых ресницах. Появилась стая крупных волков, на высоких ногах, с большою пастью, с близко посаженными желтыми глазами. Уламы схватились за рогатины и дротики. Кабан оскалил свои искривленные клыки и неистово заревел. Волки своими острыми глазами и тонкими ноздрями измерили силу врага и, сочтя его опасным, бросились в погоню за убежавшими животными.

Их уход принес успокоение, и уламы, утолив жажду, стали совещаться. Надвигались сумерки; солнце опускалось за скалы, продолжать путь было уже поздно. Где же искать ночлега?

– Зубры подходят! – сказал Нао. Он посмотрел на западный перевал. Все трое прислушались, затем легли на землю.

– Это не зубры! – прошептал Гав.

– Это мамонты! – сказал Нао.

Уламы поспешно обследовали местность. Между базальтовым холмом и стеной из красного порфира с довольно широким выступом, по которому легко мог пройти крупный зверь, протекала река. Уламы взобрались на гору. Во мраке каменной бездны бурлила вода; над пропастью горизонтально вытянулись деревья, сломанные обвалами или собственной тяжестью, иные из них поднимались из глубины ущелья, очень тонкие и высокие. Вся энергия их ушла на то, чтобы дотянуть пучок листьев к бледному свету; обросшие мохом, обвитые лианами, изъеденные грибками, они выказывали ненарушимое долготерпенье побежденных.

Нам первый увидел пещеру. Низкая, не очень глубокая, неправильной формы. Уламы сначала долго и пристально ее разглядывали. Затем Нао, пригнув голову к земле, расширив ноздри, вошел в нее, опередив своих товарищей. В пещере валялись скелеты с кусками кожи, рога, челюсти. Очевидно, хозяин пещеры был сильный и грозный охотник. Нао старался уловить его запах.

– Это пещера серого медведя, – заявил он. – Прошло больше одного новолуния, как она опустела.

Нам и Гав еще не знали этого чудовищного животного, – уламы кочевали в местах, где водились тигры, львы, зубры, даже мамонты, но серый медведь попадался редко. Нао встречал его во время своих дальних странствий, он знал его слепую, как у носорога, жестокость и силу, почти равную силе льва-великана, его чудовищную неустрашимость. Возможно, что медведь покинул пещеру совсем или переселился лишь на короткое время, быть может, с ним приключилось какое-нибудь несчастье. Уверенный, что животное не придет этой ночью, Нао решил занять его жилище. В это время ужасный рев потряс скалы и пронесся по реке: пришли зубры! Их могучие голоса отдавались эхом в этом странном месте. Нао не без волнения прислушивался к реву этих огромных животных. Человек редко охотился на зубров. Быки обладали таким ростом, такой силой и ловкостью, которых потомки их уже не знали; они чувствовали свою силу и не боялись даже самых крупных хищников.

Уламы вышли из пещеры. Они были взволнованы необычайным зрелищем, их темный ум улавливал без мысли, без слов ту мужественную красоту, что таилась в глубине их собственного существа; они предчувствовали ту тревогу, что через сотни веков породит поэзию великих варваров.

Едва только уламы вышли из пещеры, как снова раздался рев, менее сильный, менее ритмичный, непохожий на рев зубров; тем не менее он возвещал о приближении животных, наиболее могучих из всех, что бродили в ту пору по земле.

В те времена мамонт был непобедим. Его появление обращало в бегство льва и тигра, лишало храбрости серого медведя. Прошли тысячелетия, прежде чем человек рискнул напасть на него. И только один носорог, слепой и глупый, осмеливался вступать с ним в бой. Мамонт был ловок, проворен, неутомим, легко лазал по горам, обладал устойчивой памятью. Его хобот схватывал и измерял предметы, его клыки рыли землю, в его жилах текла ярко-красная кровь; без сомнения, он обладал более ясным сознанием, чем, скажем, наши ручные слоны, сознание которых притуплено длительной неволей.

Вожаки зубров и мамонтов подошли к воде одновременно. Мамонты, привыкшие к тому, что им все уступают дорогу, пожелали напиться первыми. Обычно это не встречало противодействия ни со стороны бизонов, ни со стороны зубров. Однако на этот раз зубры заупрямились.

Ими предводительствоваали быки, которые еще плохо знали мамонтов. Быки-предводители были гигантских размеров – самый крупный был ростом с носорога. Томимые сильной жаждой, они неудержимо стремились к воде. Завидев, что мамонты хотят пройти первыми, они пронзительно заревели, задрав кверху морды и раздувая шеи. Мамонты преградили им дорогу. Пять старых самцов выстроились в ряд, их тела возвышались, как холмы. Клыки, длиною не меньше десяти локтей, способны были проткнуть дуб, их хоботы казались черными питонами, головы – скалами, их толстая кожа походила на кору старых вязов. За ними следовало огромное стадо. Устремив свои маленькие проворные глазки на быков, мамонты рассматривали их с невозмутимым спокойствием.

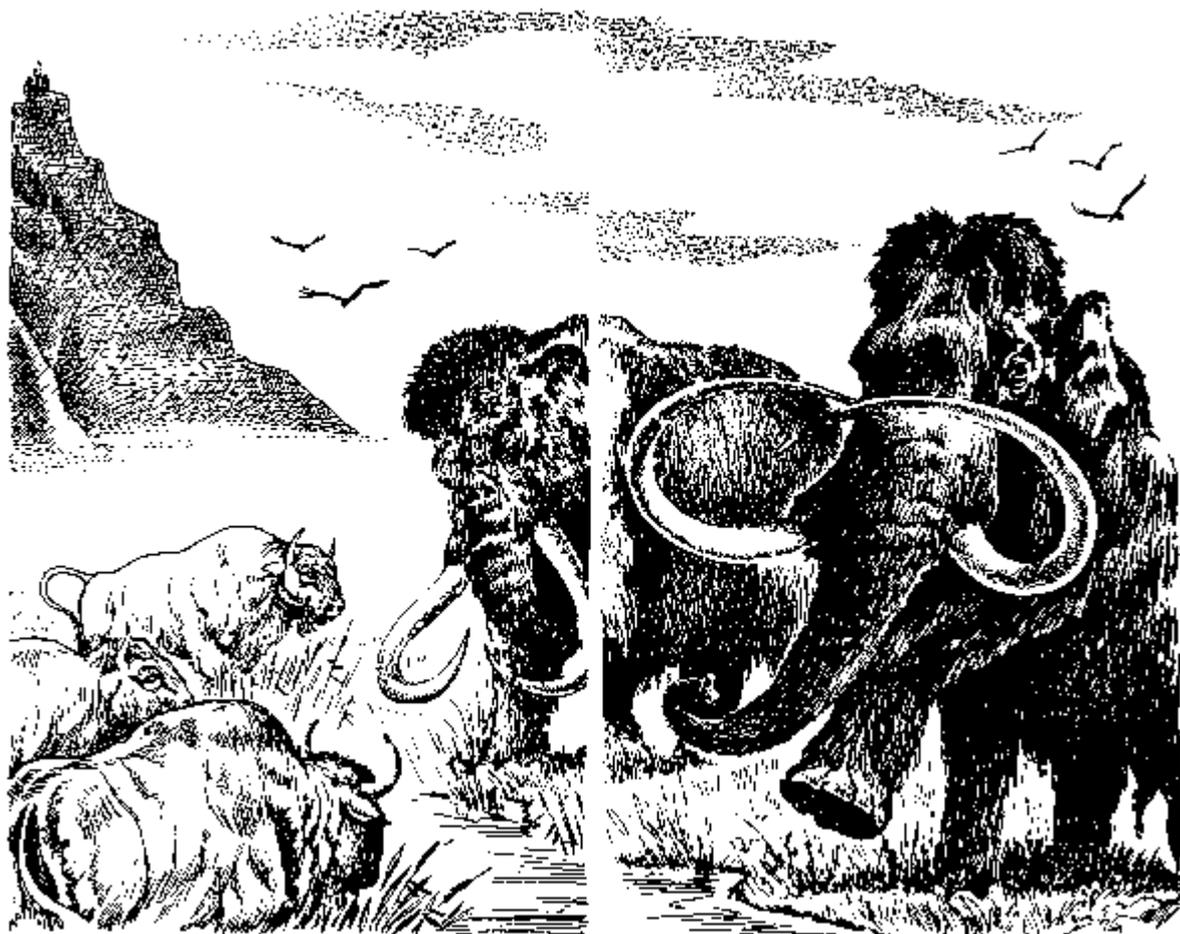
Восемь зубров с неподвижными зрачками, с буграми на спине, с курчавыми, бородастыми головами, дугообразными, расходящимися рогами встряхивали густыми гривами, тяжелыми и грязными; инстинктивно они чувствовали силу врага, но рев стада возбуждал в них воинственный задор. Самый сильный из них – вожак вожаков, наклонив свои сверкающие рога, кинулся на мамонта, который стоял к нему ближе других. Мамонт, пораженный в плечо, упал на колени. Зубр продолжал бой с упорством, свойственным его роду. Преимущество было на его стороне, он крепко стоял на ногах, его острые рога были неотразимы, мамонт же мог защищаться только хоботом. Зубр был грозен своей яростью, сквозившей во всем, – в его затуманенных глазах, в дрожащем затылке, в пене на морде, в уверенных и быстрых движениях. Он стремился опрокинуть противника и распороть ему живот. Тогда победа останется за ним.

Мамонт сознавал это, он всячески старался не дать повалить себя на бок. Опасность вернула ему хладнокровие. Он ждал, чтоб зубр замедлил свои удары и тем самым дал ему подняться на ноги.

Это неожиданное нападение озадачило остальных вожаков. Четыре мамонта и семь зубров застыли в зловещем ожидании. Никто из них не решался вмешаться, они чувствовали, что им тоже угрожает опасность. Мамонты первые выказали признаки нетерпения. Самый крупный из них подошел ближе к бойцам. Тяжело дыша, он зашевелил своими перепончатыми ушами, похожими на крылья гигантских летучих мышей. В этот момент мамонт, который сражался с быком, сильно ударил хоботом по ногам противника. Зубр покачнулся. Воспользовавшись этим, мамонт поднялся с земли. Огромные животные стояли теперь друг против друга. Ярость вихрем крутилась в мозгу мамонта; громко затрубив, он поднял свой хобот и повел наступление. Его кривые клыки с такой силой отбросили зубра в сторону, что у того треснул костяк. С возрастающей яростью мамонт вспорол ему клыками живот и растоптал его внутренности, погрузив в кровь свои чудовищные ноги.

Вопль побежденного растворился в общем шуме; сражение между вожаками началось. Семь зубров и четыре мамонта ринулись друг на друга. Волнение вожаков передалось их стадам. Глухое мычание зубров смешивалось с пронзительными голосами мамонтов; ярость вздыбила огромные волны их тел. Головы, рога, хоботы и клыки смешались в общей свалке.

Вожак целиком отдался битве. Это была огромная толчея тел, месиво из ярости и боли. При первом столкновении численное превосходство дало преимущество зубрам. Один из мамонтов был повален на землю тремя быками, второй упал замертво при обороне; но зато два других одержали быструю победу. Набросившись на противника, они стали потрошить его клыками, топтать и душить. Заметив опасность, грозящую товарищам, мамонты бросились им на помощь. Три зубра, терзавшие упавшего мамонта, были застигнуты врасплох. В один миг они были опрокинуты, двое раздавлены тяжелыми ступнями, третий обратился в бегство. Его побег увлек за собой остальных быков. Паника овладела всем стадом. Сперва это была тишина, странная неподвижность, затем стадо дрогнуло, послышался топот, похожий на шум дождя, через мгновение отступление превратилось в бегство. Зажатые в узком проходе животные бросались друг на друга, сильные опрокидывали слабых, более ловкие взбирались на спину упавших. Их кости трещали, как деревья, поваленные циклоном.

Мамонты и не думали о преследовании. Они только лишний раз доказали степень своей мощи, свое право считать себя хозяевами земли. Колонна гигантов глиняного цвета, с длинной жесткой шерстью, с жесткими гривами направилась к водопою. Они пили с такой жадностью, что уровень воды в маленьких бухтах быстро понизился.

Обитатели леса, напуганные борьбой, смотрели со склонов холмов, как пьют мамонты. Уламры тоже созерцали их в почтительном оцепенении.

Нао сравнил хрупкие руки, тонкие ноги, узкие торсы своих товарищей с ногами мамонтов, крепкими, как дуб, с их телами, похожими на скалы. Каким ничтожным и слабым казался ему теперь человек, всю свою жизнь блуждающий в саванне! Он думал также о желтых львах, о львах-великанах, о тиграх, которые могли ему встретиться и под когтями которых человек слаб и беспомощен, как пташка в когтях орла.

Глава III В пещере

Это было после полуночи. Как цветок вьюнка, плыла вдоль облака белая луна; она катила свои волны по реке, по безмолвным скалам, тени которых падали на озеро. Мамонты ушли. Было тихо. Лишь изредка проползало какое-нибудь пресмыкающееся или бесшумно пролетала ночная сова.

Гав дежурил у входа в пещеру, – была его очередь сторожить. Он дремал от усталости, его внимание пробуждалось лишь при каких-нибудь внезапных шумах, при новых или усиливающихся запахах, при порывах ветра. Им овладело оцепенение, поглотившее все, кроме чувства опасности. Пробежала сайга – это заставило его поднять голову и оглядеться: вдаль показался чей-то массивный силуэт, который двигался покачиваясь. Тяжелые и в то же время гибкие конечности, крупная голова, заостренная книзу, какое-то странное очертание туловища, схожее с человеком. Это медведь, – Гав знал пещерного медведя, великана с выпуклым лбом, который мирно жил в

своей берлоге, пасся на своих пастбищах и питался растительной пищей. Только сильный голод мог принудить его к нападению на животных. Но тот, что приближался, не походил на пещерного медведя. Гав окончательно убедился в этом, когда увидел его, освещенного луной: сплюснутая голова сероватой масти, в походке чувствовалась уверенность, жестокость и хитрость плотоядных животных: это был серый медведь, соперник крупных хищников. Гав вспомнил рассказы своих соплеменников, бывавших в горах. Серый медведь справляется с зубром и буйволом и перетаскивает их с такой же легкостью, как леопард антилопу. Его когти одним ударом могут распороть грудь и живот человека; он может задушить лошадь и не боится ни тигра, ни рыжего льва. Старый Гун полагает, что серый медведь уступает только льву-великану, мамонту и носорогу. Однако сын Сайги не испытал того внезапного страха, который внушал ему обычно тигр. Встречаясь неоднократно с пещерным медведем, он считал всех медведей добродушными и бесхитростными. Это воспоминание успокоило молодого воина, но вскоре поведение приближавшегося зверя внушило ему подозрение. Гав подбежал к вождю. Ему стоило только коснуться его руки, и высокая фигура Нао появилась из мрака пещеры.

– Чего хочет Гав? – спросил Нао.

Гав протянул руку по направлению к вершине холма. Лицо вождя выразило изумление.

– Серый медведь!

Нао обвел взглядом пещеру. Поблизости было несколько валунов, которыми можно было загородить в нее вход. Нао подумал о бегстве, но отступление было возможно только в сторону водоема, где медведь легко мог их настичь. Оставалось единственное средство – забраться на дерево. Серый медведь не лазает по деревьям, но зато он способен караулить под деревом бесконечно долго, да к тому же поблизости не было деревьев с толстыми ветками.

Заметил ли зверь Гава, присевшего на корточки, или он просто возвращался в свое логово после длительного путешествия? Но пока Нао размышлял об этом, медведь уже спускался по крутому откосу холма. Здесь он поднял голову, понюхал влажный воздух и пустился бежать рысью. Воины подумали было, что он удаляется от них, но зверь остановился как раз у того места, где скала была более доступной. Отступление было отрезано. У верховьев реки выступ обрывался, скала становилась неприступной; в низовьях пришлось бы бежать на виду у медведя: он успеет перейти узкую речку и загородить дорогу беглецам. Оставалось только ждать, пока зверь уйдет или нападет на пещеру.

Нао разбудил Нама, и все трое принялись загромождать вход в пещеру валунами.

После некоторого колебания медведь решил переплыть реку. Он не спеша достиг берега и взобрался на выступ скалы. По мере того как он приближался, все отчетливее вырисовывалась его мускулистая туша; иногда при свете луны сверкали его зубы. Нам и Гав дрожали от страха. Любовь к жизни наполняла их сердца; сознание своей слабости затрудняло дыхание. Нао тоже был встревожен. Он знал силу противника и понимал, что медведю понадобится немного времени, чтобы умертвить трех человек; его толстая кожа, кости, подобные граниту, были почти неуязвимы для дротика, топора и рогатины.

Вскоре перед входом в пещеру выросла стена из валунов, осталось незакрытым лишь небольшое отверстие в рост человека. Когда медведь подошел близко, он, рыча, наклонил голову и удивленно оглянулся. Он давно уже почуял людей и услышал шум, производимый их работой, но он никак не ожидал найти закрытым вход в свою берлогу, где он провел столько лет. Он смутно уловил связь между появлением препятствия и теми, кто занял его обиталище. Почуввав запах слабых животных, которыми он рассчитывал полакомиться, он не выказал им ни малейшей осторожности. Он потягивался, освещенный луной, расправлял серебристую грудь, покачивал остроконечной мордой. Затем вдруг беспричинно и зловеще зарычал. В беспокойстве встал на задние лапы, – в этой позе он казался огромным волосатым человеком, только с чересчур короткими ногами и чрезмерно развитым торсом, – и двинулся к пещере.

Нам и Гав, скрывшиеся в темноте пещеры, держали наготове топоры; сын Леопарда поднял свою палицу: они ждали, что животное просунет в отверстие передние лапы, и тогда их можно будет отрубить. Но вместо лап показалась огромная голова, заросшая свальной шерстью, лоб, слюнявые губы, острые белые зубы. Нам и Гав с силой опустили свои топоры. Нао взмахнул палицей,

но низкий потолок помешал нанести удар. Медведь зарычал и отступил. Он не был даже ранен, на морде не выступило ни единой капли крови, только движение челюстей и вспыхнувшие зрачки говорили о негодовании оскорбленной силы. Однако он не пренебрег уроком и тотчас же изменил тактику. Обладая утонченной способностью распознавать опасности, зверь отлично знал, что иногда лучше обойти препятствие, нежели идти напролом. Он толкнул стену, она дрогнула под его тяжестью. Медведь с удвоенной силой заработал лапами, плечом, головой, то напирая на стену, то вцепляясь в нее своими когтями. Отыскав слабое место, он налег на него всей своей тяжестью. Люди не могли достать его здесь своими короткими руками. Они не пытались больше нападать на него. Нао и Гав подпирали стену, успешно оберегая ее от сотрясений, в то время как Нам через отверстие наблюдал за животным, нацеливаясь дротиком в его глаз.

Вскоре нападающий понял, что стена перестала шататься. Такое открытие, опрокидывавшее весь многолетний опыт животного, крайне удивило его и привело в отчаяние. Медведь остановился, присел на задние лапы и стал обнюхивать стену, наклонив голову с недоверчивым видом. Наконец, решив, что он ошибся, медведь снова принялся штурмовать препятствие лапами, плечом и всем корпусом. Но препятствие не поддавалось. Медведь пришел в ярость и забыл всякую осторожность. Его привлекало к себе отверстие, оставшееся свободным, оно казалось единственным удобным проходом в пещеру, и, обезумев от гнева, медведь бросился в него. Брошенный дротик попал ему в самое веко, но это не приостановило нападения, которое стало непреодолимым. Ярость клокотала в этой массе тела, кровь бурлила в ней потоками – животное удвоило усилия. Стена рухнула.

Нао и Гав отскочили в глубь пещеры; Нам очутился в объятиях чудовищных лап. Он и не думал защищаться; он походил на антилопу, схваченную пантерой, на лошадь, поваленную львом. Опустив руки, широко раскрыв рот, он ждал смерти в приступе какого-то оцепенения. Но Нао, вначале растерявшийся, быстро обрел тот воинственный пыл, что порождает героев. Он отбросил топор, считая его бесполезным, и схватил обеими руками дубовую, суковатую палицу. Заметив Нао, медведь бросил свою слабую, трепещущую в его лапах добычу и двинулся на более опасного противника. Но не успел он пустить в дело свои лапы и зубы, уламр занес над ним палицу.

Оружие опередило. Удар пришелся по челюсти медведя, задев его ноздри. От боли зверь заревел и осел на задние лапы; второй удар, нанесенный Нао, пришелся по несокрушиму черепу. Но огромное животное уже оправилось и бросилось вперед. Уламр едва успел спрятаться за выступ скалы, медведь с размаху ударился о камень. Воспользовавшись оплошностью зверя, Нао выскочил из засады и с воинственным криком ударил дубиной по длинному позвоночнику медведя,

позвоночник треснул, зверь, уже ослабевший от ушиба о скалу, покачнулся и упал. Нао, опьяненный своей силой, дробил ему лапы, челюсти, в то время как Нам и Гав вспарывали живот ударами топоров. Когда, наконец, вся эта масса перестала трепыхаться, воины молча переглянулись. Это была торжественная минута. Итак, Нао – самый неустрашимый, самый грозный из уламров, ибо никому – ни Фауму, ни Го, сыну Тигра, ни даже одному из тех легендарных воинов, о которых рассказывал Гун Сухие Кости, – не удавалось еще убить серого медведя ударом палицы. Этот подвиг запечатлелся навсегда в мозгу молодых воинов: он окрылит их надежды, они передадут его потомству, если только Нам, Гав и Нао не погибнут в борьбе за огонь.

Глава IV

Лев-великан и тигрица

Прошло одно новолуние. Давно уже Нао миновал саванну, продвигаясь все время на юг. Теперь он проходил через лес. Лес казался бесконечным. Изредка попадались поляны, озера, болота и скалы. Лес то опускался в ложбины, то вновь поднимался на холмы, порождая все виды растений, все разновидности животных. В нем можно было встретить тигра, желтого льва, леопарда, лесного человека, который жил уединенно с несколькими самками, более сильный, чем обыкновенные люди. В лесу водились гиены, волки, кабаны, лани, козы, муфлоны, носороги в тяжелом панцире и даже львы-великаны, встречающиеся все реже и реже; вымирание этой породы началось уже сотни веков тому назад. Встречался там и мамонт, губитель деревьев; пребывание его в лесу было более опустошительным, нежели циклоны и наводнения.

В этом страшном месте уламы обнаружили изобилие пищи; но они знали прекрасно, что и сами они представляют собою лакомую добычу для плотоядных животных. Поэтому они продвигались с большой осторожностью, треугольником, чтобы владеть возможно большим пространством. Днем обостренные чувства предохраняли их от опасностей, к тому же наиболее страшные враги охотились лишь с наступлением темноты. При дневном свете глаза хищников видят хуже, чем глаза человека, но зато обонянием люди уступали волкам.

К счастью, в лесу, обильном добычей, волкам не было надобности охотиться за такими сильными животными, как люди. Могущественный пещерный медведь почти никогда не нападал на животных, разве только в том случае, когда был очень голоден; будучи травоядным, он находил, чем утолить мирно, без борьбы, свою прожорливость. Серого же медведя, который только случайно попадался за пределами холодной полосы, можно было видеть лишь издали.

Тем не менее дни уламров были полны тревог, ночи – опасностей. Они с большой осторожностью выбирали места для ночлега; располагались в убежище задолго до захода солнца, часто ночевали в пещерах, иной раз укрывались среди пней или в густых ямах, преграждая доступ к своему ночлегу множеством всяких преград.

Больше всего они страдали от отсутствия огня. В безлунные ночи им казалось, что они навсегда погрузились во мрак, который наваливался на них огромною тяжестью и поглощал их целиком. По ночам они подолгу всматривались в чашу леса, словно надеясь увидеть в его клетке пламя, пожирающее сухие ветки, но они видели лишь мигающие, далекие огоньки звезд или глаза животных. И тогда их охватывало чувство беспомощности и одиночества.

Быть может, они меньше страдали бы в своей орде, среди толпы, шумящей вокруг них, но это полное, беспредельное одиночество заставляло сжиматься их сердца.

Наконец лес расступился. Страна деревьев осталась на западе, на востоке же раскинулась равнина с зарослями, с островками деревьев. Трава защищала свои владения от больших растений с помощью зубров, оленей, лошадей, джигетаев, которые ошипывали молодые побеги деревьев. По равнине протекала река, обрамленная серебристыми тополями, ивами, осинами, ольхой и тростником; несколько валунов, оставшихся от ледникового периода, громоздились в ней рыжеватой массой. Хотя день еще был в разгаре, длинные тени пересекали равнину.

Уламы с недоверием рассматривали местность, она была небезопасна: по вечерам сюда на водопой должны были стекаться многочисленные хищники. Поэтому они поспешили напиться. Затем занялись поисками безопасного ночлега. Разбросанные кое-где камни не могли им служить

достаточным убежищем. Правда, некоторые из них лежали грудями, но их пришлось бы долго укреплять. Молодых воинов охватило отчаяние, и они уже решили было вернуться в лес, как вдруг Нам увидел огромные валуны, лежащие очень близко друг от друга: два из них соприкасались верхушками, образуя внутри пещеру с четырьмя отверстиями. Через три из этих отверстий могли проникнуть только мелкие животные: волк, собака, пантера, через четвертое мог пролезть человек; но оно было недоступно для крупных хищников, вроде медведей, львов и тигров.

Итак, уламры обрели убежище более надежное, чем все те, что встречались им до сих пор, ибо камни были так тяжелы и так крепко сложены, что целое стадо мамонтов не смогло бы их сдвинуть с места. В пещере смело могли укрыться десять человек. Уламры были рады этой находке. Впервые за все время их пути они могли спокойно провести ночь, не опасаясь нападения. Подкрепившись сырым мясом молодого оленя и орехами, набранными в лесу, они занялись осмотром местности. Несколько ланей и коз прошли на водопой; с воинственным криком взлетали вороны; в облаках парил орел; прыгнула рысь в погоне за чирком; в ивняке неслышно крался леопард. Вскоре тень покрыла саванну; солнце гасло за деревьями, как огромный круглый костер; близилось время, когда хищники выходят на добычу. Но пока их еще не было видно.

Слышался неясный шум – это в одиночку или стайками пели птицы, они пели радостный гимн солнцу и гимн страха и печали зловещей ночи.

Из лесу вышел бизон. Куда он направляется?! Почему один? Спешил ли он к стаду или бежал куда попало, преследуемый врагами? Уламам это было безразлично; их охватила жажда добычи. Охотники их племени никогда не нападали на стадо бизонов, они выслеживали одиночек – слабых и раненых.

Нао с глухим ворчанием поднялся с земли. Победа над бизоном была не менее славной, чем над любым крупным хищником. В Нао проснулся инстинкт охотника. Его пыл возрастал по мере приближения зверя. Но в это же время в нем заговорил другой инстинкт, который требовал не уничтожать без надобности запасы пищи: ведь свежее мясо было у них уже в изобилии. Вспомнив о своей победе над медведем, Нао решил, что уж не так велика заслуга победить бизона. Он опустил дротик, отказавшись от охоты, на которой он мог только испортить свое оружие. И бизон медленно прошел мимо него к реке.

Вдруг воины подняли головы, они почуяли приближение опасности. Сомнение длилось недолго. Нам и Гав, по знаку вождя, скользнули под камни. Нао сам последовал за ними. Из леса появился большерогий олень (*Megaceros*). Животное мчалось с головокружительной быстротой. Его голова с большими рогами была закинута назад, с губ капала пена, смешанная с кровью, ноги сгибались, как ветви в бурю. Следом за оленем из лесу выскочил тигр. Сильный, с гибкой спиной, он двигался огромными прыжками до двадцати локтей каждый. Казалось, что он не бежит, а скользит в воздухе. Касаясь земли, он весь сжимался, сосредоточивая силы для нового взлета. Было видно, что хищник скоро догонит оленя. Тот мчался безостановочно, делая короткие, всеубыстряющиеся скачки. Он бежал издалека и был утомлен, в то время как тигр только что вышел на охоту со свежими силами.

– Тигр схватит большого оленя! – сказал Нам дрожащим от волнения голосом.

Нао, с азартом следивший за этой погоней, ответил:

– Большой олень неутомим!

Неподалеку от реки олень на мгновение приостановился, но затем, напрягши все силы, снова пустился в бегство. Оба животных бежали теперь с одинаковой быстротой, но вскоре прыжки тигра сократились. Он, несомненно, отказался бы от преследований, если бы не близость реки. Он надеялся во время переправы догнать оленя, который был от него на расстоянии пятидесяти локтей. Тигр бросился в воду и быстро поплыл. Однако олень не уступал ему в скорости. Это был решительный момент. Река была неширока, и олень быстро ее переплыл. Перед ним был крутой берег. Пока он будет на него взбираться, тигр его настигнет и схватит. Олень это понял и повернул в сторону, по направлению к пологой отмели мыса. На это ушло несколько лишних мгновений, во время которых тигр успел сократить разделявшее их расстояние. Олень не успел отбежать и двадцати локтей, как тигр, в свою очередь, достиг берега и сделал первый прыжок.

Однако он слишком поторопился, споткнулся и упал. Это спасло оленя. Дальнейшая погоня

была бесполезна. Тигр это понял. Он вспомнил о промелькнувшем перед его глазами бизоне и, бросившись в воду, поплыл обратно. Бизон был еще виден...

Во время погони он отступил к лесу. Увидев, что тигр его не преследует, а наоборот, от него удаляется, он в замешательстве замедлил свой бег. В это время он почувствовал какой-то новый опасный запах. Он вытянул шею и в испуге заметался, отыскивая наиболее безопасный путь. Таким образом, он очутился неподалеку от валунов, где укрывались уламы; запах человеческих испарений напомнил ему о столкновении, когда он, еще молодой и неокрепший, был ранен камнем; бизон решил свернуть и с этого пути.

Теперь он бежал рысцей по направлению к лесу, который был уже совсем близко, и вдруг остановился как вкопанный: огромными прыжками к нему приближался тигр. Хищник знал, что бизон не убежит от него, но предшествующая неудача сделала его нетерпеливым. Опасность вывела бизона из нерешительности. Не рассчитывая на скорость своих ног, он приготовился к бою и, яростно роя копытами землю, низко опустил голову. Он был неплохим бойцом, – крепыш с широкой рыжей грудью, с глазами, в которых светились фиолетовые огоньки. Бешенство заглушило в нем страх; кровь, стучавшая в его сердце, стала кровью борьбы, инстинкт самосохранения перевоплотился в храбрость.

Тигр оценил силу противника. Он не решился напасть на него сразу; стал лавировать, ползая, как пресмыкающееся, подкарауливая каждое поспешное или неловкое движение врага, которое позволило бы ему вскочить противнику на круп, сломать ему позвоночник или перегрызть горло. Но бизон, внимательный ко всем движениям нападающего, все время подставлял ему свой лоб и заостренные рога.

Вдруг хищник застыл на месте. Он съежился, его большие желтые свирепые глаза устремились в ту точку, откуда приближалось какое-то новое огромное животное. Ростом и сложением оно походило на тигра, гривой, грудью и величественной походкой напоминало льва. Зверь приближался, не останавливаясь. В его величавых движениях чувствовалась, однако, некоторая неуверенность охотника, попавшего в незнакомую для него местность. Тигр же был у себя дома. В течение десяти сезонов он владел этими местами; леопард, пантера, гиена жили здесь под его защитой, любая добыча становилась его собственностью, стоило только ему пожелать; ни одно живое существо не осмеливалось восстать против него. Серый медведь проходил иногда по его владениям, но лишь в холодное время, тигры жили на севере, а львы в местах, где есть вода; здесь не было никого, кто мог бы оспаривать его могущество. Он сторонился только неуязвимых носорогов

и мамонтов с их массивными ногами, считая победу над ними слишком трудной. Странное существо, которое только что появилось, было ему незнакомо, поэтому чувства его пришли в смятение.

Это было очень редкое животное, животное древних времен, род которого уже вымирал. Инстинктивно тигр почувствовал, что враг сильнее его, лучше вооружен и так же ловок, как и он сам. Помня о своих победах, он всячески противился страху. И все же он колебался.

По мере приближения врага он не отступал, но старался спрятаться от него, сохраняя, однако, боевое положение.

Когда расстояние между ними достаточно сократилось, лев-великан расправил свою могучую грудь и зарычал. Затем, вытянувшись, сделал первый прыжок, прыжок в двадцать пять локтей. Тигр отскочил назад. При втором прыжке он повернулся, чтобы отступить еще дальше, но движение это было лишь подготовкой к нападению; охватившая ярость заставила его вернуться, его желтые глаза позеленели, он принял битву, тем более что он был теперь не один: из зарослей появилась тигрица; она бежала, стремительная, великолепная, на помощь своему самцу.

Лев-великан, в свою очередь, заколебался, он усомнился в своей силе. Быть может, он и отступил бы, оставив тиграм их владения, если бы противник, возбужденный мяуканьем приближающейся тигрицы, не перешел в наступление. Противников разделяло теперь расстояние одного прыжка. Лев легко покрыл это расстояние, но промахнулся. Враг схитрил и повел нападение сбоку. Лев остановился, готовый к обороне. Смешались когти и морды, послышалось щелканье зубов и страшный хрип. Тигр был ниже ростом, поэтому он стремился схватить противника за горло, и это ему почти удалось. Но могучая лапа льва подмяла его под себя, острые когти вонзились в живот, вспарывая внутренности, алая кровь обагрила траву, невероятный рев потряс саванну. В этот момент подоспела тигрица. Колебаясь, она вдыхала запах теплого мяса, мяса своего самца, и призывно мяукала.

Услышав ее голос, тигр встал, волна новой отваги захлестнула его мозг, он хотел броситься на противника, но волочащиеся внутренности помешали ему. И он остался на месте, силы покинули его, и только в глазах еще горела жизнь. Тигрица инстинктом поняла, как мало осталось жизни в том, кто так долго разделял с ней добычу, охранял молодое потомство, защищал их род от многочисленных напастей. Она вспомнила общность их борьбы, радостей, страданий, и смутная нежность поколебала ее крепкие нервы. Но инстинкт самосохранения взял верх: убедившись, что перед ней было животное более сильное, чем тигр, она, бросив прощальный взгляд на своего самца, с глухим стоном убежала в лес. Лев-великан не преследовал ее, он уже испытал превосходство своих мускулов; теперь он спокойно вдыхал ночной воздух, воздух приключений, любви и добычи. Тигр больше его не беспокоил; он не спешил прикончить его, ибо был осторожен, и даже будучи победителем, боялся ненужных ранений.

Настал час заката; красный, медлительный и коварный свет пронизывал глубину лесов. Дневные животные замолкали. Изредка слышался вой волков, лай собак, смех гиен, вздох хищника, волнующий зов лягушек. Солнце умирало за океаном деревьев. На востоке поднялась огромная луна. Бизон исчез во время борьбы; лев-великан остался в одиночестве. Бесчисленная добыча наполняла заросли и долины, и, тем не менее, ему всегда угрожал голод, присущий ему запах выдавал его больше, чем его шаги, дрожание земли, листья и трав. Острый и зловещий, этот запах был ощутим всюду, даже на поверхности воды; он был ужасом слабых. Учувяв его, животные мгновенно прятались и убегали. Земля становилась пустынной, добыча исчезала, казалось, будто лев был один в целом мире.

С приближением ночи лев почувствовал голод. Изгнанный из своих владений наводнением; он немало переплыл рек и потоков, бродя по незнакомым местам. И вот новая победа – над тиг-

ром. Он расширил ноздри, стремясь уловить в ветерке запах местных обитателей. Но вблизи ничего не было. Всего только несколько мелких животных, спрятавшихся в траве, несколько воробьиных гнезд, да две цапли на осоках, но птицы были начеку, и поймать их было трудно, даже если бы он взобрался на дерево. К тому же после нескольких неудачных падений он теперь взбирался только на деревья с толстыми ветвями.

Голод заставил его повернуться в сторону того теплого запаха, который шел из внутренностей побежденного тигра; он подошел к жертве, обнюхал ее: она была отвратительна, как отрава. С внезапной свирепостью он прыгнул на тигра, сломал ему позвоночник и, бросив труп, пошел дальше в саванну.

Очертания камней, в которых спрятались уламы, привлекли его внимание. Но камни находились против ветра, и лев, не обладая острым чутьем, не догадывался о присутствии людей. И только подойдя ближе, он понял, что в камнях скрывается добыча. От жадности у него захватило дыхание.

Уламы уже давно с трепетом следили за могучим зверем. Они видели все, что произошло после бегства оленя, и вот теперь страшный хищник бродил около их убежища; его морда тыкалась во все щели; его глаза метали зеленые искры, все его существо дышало прожорливостью. Найдя отверстие, через которое пролезали люди, лев наклонился, пытаясь просунуть в него голову и плечи. Напор был так силен, что уламы усомнились в прочности убежища. При каждом новом толчке Нам и Гав съезживались со вздохом отчаяния. Гнев охватил Нао, гнев разумного существа против слепого инстинкта и его чрезмерного могущества. Нао еще больше рассвирепел, когда увидел, что зверь начал рыть землю. Хотя лев-великан и не был из породы землероек, – все же он умел рыть ямы и опрокидывать препятствия. Нао присел на корточки и ударил зверя рогатиной по голове; лев дико заревел и отошел от входа. Его глаза, хорошо видящие в темноте, ясно различали людей. Они были совсем близко, и это обстоятельство еще сильнее раздражало голодного зверя.

Он еще раз обошел камни, пробуя входы, и опять вернулся к тому, через который пролезали люди. И снова принялся рыть землю. Новый удар прервал его занятия и заставил его отойти. Он осознал, что вход в убежище недоступен, но все же решил не терять из виду добычу, надеясь, что, будучи близко, она все равно никуда от него не уйдет. Он бросил последний взгляд на камни, понюхал воздух и, казалось, совсем позабыв о существовании людей, направился к лесу.

Радость охватила уламов: их убежище оказалось неприступным! Они в упоении вдыхали ночь; это был один из тех моментов, когда чувства особенно обостряются и в их мускулы вливается непобедимая сила.

Столько чувств порождает первобытная красота в этих темных сердцах! Не умея выразить словами своих ощущений, не подозревая даже о том, что ими можно поделиться, они просто смеялись, глядя друг на друга, – заразительная веселость, освещающая только человеческие лица. Уламы не сомневались, что лев-великан еще вернется, но, не имея точного понятия о времени, они ощущали настоящее во всей его полноте. Промежуток между сумерками и рассветом казался им бесконечным.

Нао, как всегда, первым стал на стражу. Ему не спалось. В его сознании, возбужденном зрелищем схватки между тигром и львом-великаном, слагался новый опыт, возникали новые понятия и образы. Уламы уже многое знали о мире. Они знали о круговращении солнца и луны, о чередовании темноты и света, о последовательности холодных и теплых времен, о течении рек и потоков. Знали, что человек рождается, стареет и умирает. Они различали наружность, привычки и силу бесчисленных животных, наблюдали, как растут деревья и травы. Умели делать палицу, топор, скребок и дротик и знали, как надо ими пользоваться; знали о направлении ветров и движении облаков, о причудах дождя и жестокости молний. Наконец, они знали огонь – самое страшное и самое приятное во всем мире. Огонь, который один мог победить саванну и лес со всеми их мамонтами, носорогами, львами, зубрами и бизонами.

Жизнь огня всегда очаровывала Нао. Огню, как и животным, нужна добыча: он питается ветками, сухими травами, птичьим пометом; он способен расти и порождать другие огни, но он может и умереть. Рост его беспределен, и в то же время его можно приостановить, каждая его часть в отдельности может жить самостоятельно. Он убывает, как только его лишают пищи: дела-

ется маленьким, как пчела, как муха, но может возродиться от одной былинки и стать обширным, как болото. Огонь – это животное, и в то же время он не похож ни на одно из них. У него нет ни ног, ни туловища, но он быстрее антилопы, у него нет крыльев, но он летает в облаках; нет пасти, но он дышит, ревет, рычит; у него нет ни рук, ни ногтей, но он овладевает всем миром. Нао любил его, ненавидел и боялся. Будучи ребенком, он много раз претерпевал его укусы. Он знал, что огонь никому не отдает предпочтения и готов пожрать даже тех, кто его питает; он хитрее гиены и кровожадней, чем пантера, но присутствие его – прекрасно, он смягчает жесткость холодных ночей, дает отдых усталым и делает людей сильными.

В полумраке, среди базальтовых камней, Нао со сладким замиранием сердца представлял себе очаг своего кочевья и огни, освещающие лицо Гаммлы. Восходившая луна напоминала ему пламя. Откуда появляется луна и почему она, как солнце, никогда не угасает? Правда, она иногда уменьшается. Бывают ночи, когда она превращается в слабый огонек, вроде того, что бежит вдоль веточки или сучка. Затем она снова оживает. Без сомнения, какие-то люди-невидимки следят за ней и питают ее... Сегодня она во всей своей силе. Вечером она была большой и мутной, затем, поднимаясь выше, стала меньше, но свет от этого не уменьшился, а сделался ярче. Вероятно, люди-невидимки дали ей сегодня много сухого дерева.

Пока сын Леопарда занимается размышлениями, ночные животные один за другим выходят на охоту. Их тени скользят по траве. Нао различает землероек, тушканчиков, агути, каменную куницу, ласку. Вот идет сохатый, Нао рассматривает его тонкие сухие ноги, его туловище цвета земли и дуба, рога, которые он закидывает на спину. Следом за сохатым появляются волки с тонкими мордами, быстрыми ногами. Живот у них белесый, спина и бока рыжеватые, а вдоль хребта черная полоска; сильные мускулы вздувают затылок, походка крадущаяся, взгляд предательский. Они учуяли сохатого, но чуткие ноздри давно уже предупредили его об их приближении. Он ускорил свой бег, стараясь выиграть расстояние. Волки преследуют его по саванне, вплоть до зарослей. Гнаться за ним дальше – бесполезно. Волки медленно возвращаются, обманутые в своих ожиданиях. Некоторые из них урчат и воют. Затем их носы снова начинают исследовать воздух. Поблизости нет никого, кроме мертвого тигра и людей, спрятавшихся среди камней. Но люди – слишком опасные противники, а мясо тигра отвратительно на вкус. Тем не менее стая подходит к нему ближе, минуя убежище человека.

Сначала волки бродили вокруг мертвого тигра с большой осторожностью. Затем наиболее нетерпеливые из них стали обнюхивать его тело, полуоткрытую пасть, откуда еще так недавно вырывалось горячее дыхание, и лизать кровь его ран. Однако ни один не решился попробовать это терпкое мясо, полное отравы, которое могли переваривать только желудки гиены и ястреба.

Внезапно раздавшиеся стоны и смех привели волков в замешательство. На поляне, освещенные луной, появились шесть гиен. Они двигались скачущей походкой, – кривоногие, с сильной грудью и короткими мордами. Они то припадали к земле, то скакали, как саранча, испуская ужасное зловоние. Силой своих челюстей они могли состязаться с тигром. Они редко подвергались нападению: животные, питавшиеся падалью, были слабее их, крупные хищники брезговали их зловонием. Хотя гиены и знали свое превосходство над волками, они все же колебались: то подходили, то отступали, издавая время от времени пронзительные крики. Наконец, пошли на приступ всем стадом. Волки не испугались, но и не оказали сопротивления. Уверенные в своей ловкости, они с завыванием кружились около гиен, пускаясь на хитрости, довольные, казалось, тем, что доставляют им беспокойство. Не обращая внимания на выходы волков, гиены с угрюмым ворчанием накинулись на тигра. Конечно, они предпочли бы этому свежему трупу гнилое, кишашее червями мясо, но последняя их трапеза была слишком скудной, а присутствие волков еще больше возбуждало их жадность. Сначала они отведали внутренностей, раздирая бока тигра своими несокрушимыми зубами, вырвали сердце, легкие, печеньку, затем – шершавый язык, который в предсмертной агонии вывалился наружу. Это было наслаждением – наполнять живое тело мертвечиной, зная, что оно насыщается и что не надо больше бродить с пустым желудком, думая о добыче. Голодные волки с завистью наблюдали их пиршество. Обманутые в своих ожиданиях, они направились к валунам, под которыми скрывались люди. Один из волков даже просунул голову в отверстие пещеры, но Нао с презрением ткнул его рогатиной, удар пришелся в плечо, животное

заскакало на трех лапах, оглашая воздух жалобным воем. В ответ ему завывала вся стая. Силуэты зверей резче обозначились при свете луны, глаза засверкали, на губах показалась пена, тонкие ноги скребли землю. Голод становился нестерпимым, но, зная, что за камнями скрываются существа хитрые и сильные, которых трудно одолеть, волки сняли осаду и собрались на охотничий совет. Некоторые уселись в выжидательной позе, вытянув морды, другие взволнованно терлись друг о друга. Старики требовали внимания, в особенности один – большой волк светлой масти, с желтыми зубами; его слушали, на него смотрели, его обнюхивали с уважением.

Нао не сомневался, что у волков есть свой язык, что они могут договариваться о том, как устроить засаду, вести преследование, как окружать добычу и делить ее между собой. Он рассматривал их с любопытством, стараясь разгадать их планы и намерения.

Часть волков переплыла реку. Остальные разбрелись по зарослям. Слышно было только, как остервенело трудились над тигром гиены.

Яркая луна бледнила звезды; мелкие стали совсем невидимыми, крупные потускнели, утопая в волнах лунного света. Оцепенение охватило лес и саванну. Лишь изредка филин бороздил голубой воздух, бесшумный на своих мягких крыльях. С болота доносилось кваканье древесных лягушек. Летали летучие мыши.

Волчий вой возобновился. Он слышался одновременно у реки и в глубине зарослей. Нао догадался, что волки окружили добычу. На равнине появилось животное, похожее на лошадь, но только с очень узкой грудью и с коричневой полосой вдоль позвоночника. Это был джигетай. За ним гнались три волка. Они бежали медленнее джигетая и как будто вовсе не торопились, то и дело перекликаясь с волками, сидевшими в засаде. Вскоре высыпала и остальная стая. Джигетай был окружен со всех сторон. Он остановился, весь дрожа, выбирая дорогу для отступления. Пробраться можно было только на север, где маячил всего-навсего один волк. Затравленный зверь избрал этот путь. Волк с кажущимся безучастием смотрел на его приближение, но едва джигетай сделал движение, чтобы обойти его стороной, волк испустил страшный вой. На холме появились еще три волка.

Джигетай остановился с протяжным стоном. Вокруг него была смерть. Его легкому телу негде было развернуться, чтобы избежать противника. Его хитрость, его быстрые ноги, его сила – все сразу ослабело. Он оглянулся вокруг и жалобно заржал, как бы умоляя о пощаде. Волки ответили ему злобным подвыванием, еще теснее сжимая свой круг. Их глаза грозили смертью. Волки старались сбить с толку джигетая, боясь его крепких копыт; те, что были впереди, делали вид, будто хотят напасть на него. Но это была хитрость, они хотели отвлечь его внимание. Круг сузился до нескольких локтей. Джигетай решил сделать последнюю попытку. Со всех ног он ринулся на противника. Опрокинул ближайшего волка, отбросил второго. Путь был свободен. Перед ним открывался опьяняющий простор саванны. Но в это мгновение сбоку на него бросился матерый самец.

За ним – еще несколько хищников. В отчаянии джигетай пустил в дело копыта. Один из нападающих отлетел в сторону с переломанной челюстью, но остальные успели уже вцепиться в горло джигетая. Хлынула кровь. Захрустели кости. Джигетай упал под грудой пожиравших его живьем врагов. Нао видел, как тело джигетая, трепеща и стелая, боролось со смертью. С радостным рычанием волки терзали теплое мясо и пили теплую кровь, наполняя свои ненасытные желудки. Старые волки с опаской поглядывали в сторону гиен. Без сомнения, нежное мясо джигетая было привлекательней ядовитых останков тигра, но гиены понимали, что волки будут драться до последнего издыхания и не отдадут добычу, доставшуюся им с таким трудом, поэтому они безропотно довольствовались своей участью.

Луна поднялась высоко. Нао лег спать, вместо него на стражу встал Гав. В наступившей тишине слышался отдаленный шум водопада. И вдруг все вновь всполошилось. В чаще раздался рев. Затрещал кустарник, волки и гиены испуганно подняли свои окровавленные морды. Гав, высунув голову из-за камней, напряг слух, зрение и обоняние...

Чей-то предсмертный крик, короткое рычание. Раздвинулись ветки, и лев-великан вышел из леса, держа в пасти лань. Рядом с ним подобострастно кралась уже покорная прирученная тигрица. Оба направлялись к убежищу людей. Испуганный Гав разбудил Нао. Уламры долго следили за хищниками: лев-великан разрывал добычу привычным широким взмахом, но тигрица боялась к ней прикоснуться, бросая косые взгляды на победителя ее самца. Нао почувствовал, как сильный страх сжал его грудь и остановил дыхание.

Глава V Под валунами

Вплоть до рассвета лев-великан и тигрица оставались на прежних местах. Они дремали возле остова лани, освещенные первым солнечным лучом. И три человека, укрывшиеся под защитой камней, не могли отвести глаз от ужасных соседей. Счастливая радость спускалась на лес, на саванну и реку. Цапли вели своих детенышей на рыбную ловлю, перламутром отсвечивали нырцы, погружаясь в воду; всюду, в траве, в ветвях, порхали птички, внезапный отсвет оповещал о том, что пролетел зимородок, сойка расстилала в воздухе свое серебристо-голубое с рыжим платье, насмешница-сорока, болтая на ветке, раскачивала свой хвост. Вороны долго каркали на скелетах джигетая и тигра, пока, разочарованные, не улетели к останкам лани. Там им преградили дорогу

два жирных пепельных ястреба. Не осмеливаясь в присутствии льва воспользоваться его добычей, они подолгу кружились над ней, прежде чем оторвать от нее кусочек мяса, после чего немедленно взмывали и застывали в воздухе, пока промелькнувшая в листве белка не заставила их сделать резкое движение в ее сторону.

Кругом не было видно никого из млекопитающих – запах льва удерживал их в надежных логовах.

Нао полагал, что лев-великан вернулся в эти места, чтобы отомстить за удары рогатиной. Молодой уламп пожалел об этом бесполезном поступке. Он не сомневался, что звери умеют сговариваться и что каждый из них по очереди будет сторожить людское убежище. В его уме промелькнули воспоминания о рассказах, в которых говорилось о хитрости и упорстве животных, оскорбленных человеком. Временами, в порыве гнева, он вскакивал, хватая палицу или топор. Но осторожность брала верх; несмотря на победу над серым медведем, Нао признавал свою слабость. Хитрость, к которой он прибегнул в полумраке пещеры, к сожалению, была неприменима по отношению к льву-великану и тигрице. Тем не менее он не предвидел иного конца, кроме схватки. Придется или умереть с голоду под камнями, или выждать момента, когда тигрица будет одна. Мог ли он рассчитывать на Нама и Гава?

Нао съезжился будто от холода, увидев устремленные на него глаза молодых воинов. Он почувствовал необходимость подбодрить их:

– Нам и Гав избежали зубов медведя: они ускользнут от когтей льва-великана!

Молодые уламы повернули головы в сторону страшной пары.

Нао ответил на их мысли:

– Лев-великан и тигрица не всегда будут вместе. Голод разъединит их. Когда лев уйдет в лес, мы сразимся с тигрицей. Нам и Гав должны слушаться моих приказаний.

Слова вождя наполняли надеждой сердца молодых воинов, сама смерть казалась им менее страшной, если они будут сражаться бок о бок с Нао.

Сын Тополя воскликнул:

– Нам будет подчиняться Нао до самой смерти!

Другой воин поднял обе руки:

– Гав ничего не боится с Нао!

Вождь посмотрел на них с нежностью. Они почувствовали прилив новых сил и, не умея выразить свои чувства словами, издали воинственный крик, размахивая топорами. От их крика звери проснулись и вздрогнули.

Уламы закричали еще громче в знак вызова; звери ответили рычанием.

И снова наступила тишина. Солнце повернуло к лесу. Пользуясь сном хищников, мелкие животные тайком пробирались к реке; ястребы смело клевали остатки лани. Венчики цветов тянулись к солнцу. Земля была полна могучей, разнообразной жизнью, которая, казалось, должна охватить небеса.

Три человека терпеливо ждали. Нам и Гав время от времени засыпали. Нао строил планы побега. У них имелся еще небольшой запас пищи, но их начинала уже мучить жажда; впрочем, она станет невыносимой лишь через несколько дней.

В сумерки лев-великан проснулся и встал на ноги. Бросив взгляд на валуны, он убедился, что враг не ушел. Знакомый запах людей возбудил в нем инстинкт мести; он гневно засопел, обошел людское убежище, высматривая щели. Вспомнив, что пещера неприступна и что оттуда высовываются когти, он оставил пещеру и остановился возле трупа лани, уже расклеванного коршунами. Тигрица была уже там. Они вместе доели остатки. Насытившись, лев повернул к тигрице свою большую красноватую голову. В его взгляде светилась нежность. Тигрица ответила мяуканьем, растянув свое гибкое тело в траве. Лев терся мордой о спину своей подруги, лизал ее своим гибким шершавым языком. Она отдавалась его ласкам, полузакрыв глаза, затем сделала внезапный скачок и приняла угрожающую позу. Самец зарычал приглушенно, но ласково. Тигрица резвилась: она извивалась в траве, словно огромная змея, пряталась в кустах и снова появлялась, делая огромные прыжки. Рыжеватые отсветы делали ее похожей на танцующее пламя. Лев, вначале неподвижный, стал подкрадываться к ней на своих могучих лапах; его глаза вспыхнули точно от

солнца. Тигрица скользнула в заросли, лев последовал за ней, расстилаясь по земле.

Увидев, что звери исчезли, Нао сказал:

– Они ушли, надо перейти реку.

– Нам потерял слух и чутье? – возразил Нао. – Или он думает, что может прыгать быстрее льва-великана?

Нам опустил голову. Приглушенный стон раздался среди ясеневых зарослей. Молодой воин понял, что опасность теперь так же близка, как и днем, когда животные спали рядом с убежищем людей. Тем не менее какая-то надежда жила в сердце уламров. Лев-великан и тигрица, соединившись, почувствуют еще больше необходимость в логовище. Хищники редко ночуют под открытым небом, особенно в период дождей.

Когда солнечный костер опустил во мрак, людьми овладела та непонятная тоска, которая охватывает в сумерки всех травоядных животных. Она возросла с появлением врагов. Поступь льва была степенна, почти тяжела; тигрица резвилась возле него в грозной веселости. С наступлением сумерек голодный рев зверей поднялся над равниной. Они кружили вокруг пещеры уламров, показывая им свои свирепые морды с зелеными глазами. Лев-великан сторожил пещеру, присев на задние лапы. Его подруга ушла к реке, подстерегая животных, идущих на водопой.

В небесах зажглись огромные звезды. Вслед за ними показался архипелаг Млечного Пути с его заливами, проливами и островами. Гав и Нам никогда не интересовались небесными светилами, но Нао рассматривал их с большим вниманием. Его темная душа черпала в них ощущение ночи, темноты, пространства. Он был уверен, что большинство звезд являлось искрами большого костра, меняющимися каждую ночь, кроме немногих, которые возвращались с необычным постоянством. Бездеятельность, в которой жил Нао со вчерашнего дня, вернула ему утраченную силу. Он размечтался, глядя на маленькие небесные огоньки и черную массу растений, и что-то восторженное рождалось в его сердце, что крепче соединяло его с землей.

Луна струила свой свет по веткам деревьев. Она освещала льва-великана, лежавшего среди высоких трав, и тигрицу, блуждавшую по саванне в поисках зверья.

Тигрица ушла далеко, можно было начать бой с львом-великаном, но Нао не был уверен в отваге своих спутников. Кроме того, его мучила жажда. Нам страдал еще больше: он не мог даже уснуть и лежал во мраке пещеры с широко раскрытыми глазами. Нао был грустен. Никогда еще расстояние, отделяющее его от орды, не казалось ему таким огромным, никогда он еще не чувствовал так остро свое одиночество. Женские образы витали вокруг него.

В своих мечтаниях Нао уснул тем тревожным сном, который обрывается от малейшего шороха. Время проходило под звездами. Нао проснулся, когда вернулась тигрица. Она пришла без добычи и казалась усталой. Лев-великан, встав, долго ее обнюхивал и, в свою очередь, ушел на охоту. Он тоже пошел вдоль реки, по направлению к лесу. Нао жадно следил за ним. Несколько раз он порывался разбудить товарищей (Нама одолел сон), но каждый раз откладывал: лев находился еще поблизости. Наконец, он тронул за плечо молодых воинов и, когда те встали, прошептал:

– Нам и Гав готовы к бою?

Те ответили:

– Сын Сайги последует за Нао!

– Нам будет сражаться дротиком и палицей.

Уламры рассматривали тигрицу. Она лежала неподалеку, спиной к пещере, но не спала. Нао потихоньку освободил от камней выход. Один человек, а то и двое успеют выйти из убежища раньше, чем тигрица обратит на них внимание. Осмотрев оружие, Нао просунул наружу дротик и палицу, затем с величайшей осторожностью вылез сам. Случай ему благоприятствовал: вой волков, крик лесной совы заглушали легкий шум, производимый телом, ползущим по земле. Нао очутился на поляне; голова Гава просунулась в отверстие пещеры. Вылезая, молодой воин сделал неосторожное движение, тигрица повернулась и пристально посмотрела на уламров. От удивления она замедлила с нападением, и Нам успел встать на ноги. Тогда только тигрица с призывным мяуканьем стала приближаться к людям, не спеша, уверенная в том, что они не ускользнут.

Уламы схватились за дротики. Нам и Гав целили в лапы тигрицы. Сын Тополя выжидал удачный момент. Дротик просвистел и вонзился в предплечье зверя. Тигрица, казалось, даже не почувствовала боли: только зарычала и ускорила шаг. Гав в свою очередь бросил дротик, но животное метнулось в сторону, и дротик воткнулся в землю. Теперь была очередь Нао. Он выждал, когда тигрица приблизилась на расстояние двадцати локтей. Дротик вонзился ей в затылок. Но и эта рана не остановила ее. Она обрушилась на людей, как лавина. Гав упал, раненный в грудь. Тяжелая палица Нао опустилась на зверя; тигрица зарычала, одна ее лапа была сломана, в это время сын Тополя ударил ее рогатиной; она увернулась с необычайной быстротой, повергла Нама на землю и, встав на задние лапы, готовилась броситься на Нао. Он уже чувствовал над собой ее горячее, зловонное дыхание, ее когти уже касались его тела. Палица еще раз мелькнула в воздухе. Удар ошеломил зверя. Пользуясь этим, Нао перебил вторую лапу; тигрица завертелась на месте, теряя равновесие.

Удары падали один за другим, пока животное не свалилось на землю. Нао мог бы тут же прикончить врага, но его беспокоили раны его спутников. Гав уже встал, кровь струилась по его груди из трех длинных ран. Нам лежал оглушенный; он не был ранен, но не мог подняться от боли в пояснице. Он с трудом ответил на вопрос Нао.

– Гав может дойти до реки?

– Гав пойдет к реке, – прошептал молодой уламы.

Нао лег и приложил ухо к земле, потом долго принюхивался к воздуху. Ничто не обнаруживало присутствия льва. После боя жажда стала невыносимой. Вождь поднял на руки Нама и отнес его на берег реки. Там он напился вволю и напоил Нама, вливая ему с ладони воду между губ. Затем вернулся к валунам, неся на руках Нама и поддерживая Гава, который то и дело спотыкался.

Уламы не умели врачевать ран; они просто покрывали их ароматными листьями, следуя инстинкту животных. Нао отыскивал листья ивы и мяты, размял их в ладонях и приложил к груди Гава. Кровь приостановилась, по-видимому, раны не были смертельны. Нам пришел в себя, хотя его ноги все еще оставались неподвижными. Желая ободрить товарищей, Нао сказал:

– Нам и Гав хорошо сражались... Сыновья уламов прославят их храбрость...

Щеки молодых воинов зарделись от радости: еще раз их вождь одержал победу!

– Нао победил тигрицу, – прошептал сын Сайги глухим голосом. – Нао победил серого медведя.

– Нет воина сильнее Нао, – простонал Нам.

– Мы вернем огонь! – воскликнул сын Леопарда. И добавил: – Лев еще далеко... Нао пойдет отыскивать добычу.

Проходя мимо тигрицы, Нао поглядел на нее. Она еще была жива. Оставшиеся неповрежденными глаза ее с ненавистью следили за победителем. Раны в боку и на спине были легкие, но лапы – совсем изуродованы.

Нао остановился, и думая, что тигрица его поймет, крикнул ей:

– Нао переломал лапы тигрице... Он сделал ее слабее волка.

Когда воин приблизился, животное привстало с угрожающим рычаньем. Уламр поднял палицу.

– Нао может убить тигрицу. Тигрица не может причинить вреда Нао.

Послышался какой-то неясный шум; воин прилег в траву. Это олени самки убегали от собак, которых еще не было видно, слышен был только их отдаленный лай. Самки прыгнули в воду, и в тот же миг одна из них упала, раненная в бок дротиком Нао. Нао настиг ее и прикончил ударом палицы. Потом взвалил ее на плечо и понес к убежищу, ускоряя шаг, ибо почуял близкую опасность... Едва он успел проскользнуть между камнями, как из лесу появился лев-великан.

Глава VI Ночное бегство

Шесть дней прошло после битвы с тигрицей. Раны Гава зарубцевались, но от потери крови он чувствовал еще большую слабость. Что касается Нама, то хотя боли его и прошли, но одна нога все еще не двигалась. Нао снесало беспокойство и нетерпение. С каждой ночью отлучки льва становились все продолжительнее, – ему нужно было кормить себя и поддерживать тигрицу, – часто оба хищника терпели голод; им жилось хуже, чем волкам.

Тигрица выздоравливала; она передвигалась теперь с такой медлительностью, что Нао даже не убегал от нее. Он намеренно не убивал тигрицу, так как забота об ее пропитании изнуряла льва и делала его отлучки более продолжительными. С течением времени уламы и тигрица начали понемногу привыкать друг к другу. В первые дни появление человека вызывало в раненом животном ярость и страх. Заслышав человеческий голос, такой не похожий на рев и вой других зверей, тигрица поднимала голову, оскаливая зубы.

Нао, вращая своей палицей или поднимая топор, повторял:

– Чего стоят теперь когти тигрицы? Нао может выбить ей зубы палицей, распороть живот рогаатиной. Тигрица бессильна против Нао, как лань или сайга!

Но понемногу тигрица привыкла к его речам и его оружию. Воспоминание о нанесенных ей ударах больше не пугало ее. Поднимая палицу, Нао не бил больше тигрицу, поэтому она перестала бояться его угроз. С другой стороны, она поняла, что человек – опасный враг, и, уважая его силу, она больше не рассматривала его как добычу. В конце концов она свыклась с людьми, а привычка у животных равносильна симпатии.

Нао не раскаивался в том, что оставил в живых хищницу; это увеличивало блеск его победы и делало ее более продолжительной. Он даже привязался к своему побежденному врагу.

Скоро Нао стал ходить на реку уже вдвоем с Гавом. Утолив свою жажду, они приносили воду для Нама в полой бересте. На пятый вечер тигрица кое-как доползла до берега, но она не могла достать до воды, так как берег был крутой. Нао и Гав посмеивались над ней.

Сын Леопарда сказал:

– Гиена теперь сильнее тигрицы. Ее могли бы растерзать даже волки!

Затем, зачерпнув в бересту воды, он ради шутки поднес ее тигрице. Она осторожно лизнула воду и стала пить. Это настолько понравилось уламам, что Нао возобновил игру. Затем он крикнул насмешливо:

– Тигрица больше не умеет пить из реки!

Он был горд своей властью над хищницей.

На восьмой день Нам и Гав почувствовали себя достаточно сильными, чтобы двинуться в дальнейший путь. Нао назначил побег на ближайшую ночь. Ночь выдалась сырая и душная. Закат

цвета красной глины долго маячил в небе; травы и деревья никли под мелким дождем; листья падали, шумя, как крылья, или шелестя, как насекомые. Из чащи лесов и дрожащих кустарников поднимались стоны голодных зверей, а те, что не были голодны, попрятались в свои логовища. После полудня лев-великан проснулся, дрожа от холода. В его памяти возникла пещера, в которой он жил до наводнения. Он стал искать себе логово, нашел глубокую яму и поселился в ней вместе с тигрицей. Но это не было настоящим логовом.

Нао рассчитывал этой ночью, пока лев будет на охоте, отыскать себе тоже какое-нибудь убежище. Отсутствие зверя будет продолжительным. Уламы успеют переплыть реку; дождь облегчит побег: он прибьет землю, сотрет запах следов, и льву будет трудно преследовать беглецов.

В сумерки хищник отправился на поиски пищи. Сначала он обследовал места по соседству, затем, убедившись, что поблизости нет добычи, углубился в лес.

Нао ждал, он боялся обмануться, влажный аромат растений заглушал запахи зверей, шум листьев и дождя, рассеивал слух. Наконец, Нао подал сигнал и первым вышел из пещеры. Нам и Гав следовали за ним по обе стороны. В таком порядке легче было распознать приближение опасности. Сначала надо было переплыть реку. Во время своих отлучек Нао нашел брод, он вел до середины реки; затем надо было плыть по направлению к скале, а там снова можно было достать ногами дно. Прежде чем перейти реку, воины постарались запутать свои следы; они сделали около берега несколько петель и, останавливаясь, долго топтались на месте. Чтобы скрыть место переправы, они добрались до него вплавь.

На другом берегу они снова стали замечать следы, выписывая длинные петли, причудливые кривые. И только пройдя триста или четыреста локтей, оставили все эти предостережения и продолжали путь по прямой линии.

Некоторое время они шли молча, затем Нам и Гав стали перекликаться. Нао напряженно прислушивался. Издали раздалось рычание, оно повторилось три раза, за ним последовало продолжительное мяуканье.

Нам сказал:

– Это лев-великан!

– Идемте быстрее, – прошептал Нао.

Они сделали еще сто шагов; ничто не нарушало покоя сумерек. Затем рычание раздалось ближе.

– Лев на берегу реки!

Уламы ускорили шаг. Рычания следовали одно за другим, прерывистые, пронзительные, полные гнева и нетерпения. Уламы поняли, что зверь бежит по их запутанным следам.

Очувтившись в саванне, они нарвали травы и, раскладывая ее перед собой кучками, ступали по этим кучкам и убирали их следом за собою. Это была хитрость, которая могла ввести в заблуждение самого чуткого зверя. Их сердца били в грудную клетку, как клюв дятла в древесную кору. Они чувствовали себя слабыми и незащищенными среди давящего мрака. Но в то же время темнота защищала их от хищных взоров. Если даже лев переплывет реку, он, благодаря их хитрости, совсем собьется с пути.

Оглушительный рев пронизал пространство; Нам и Гав подбежали к Нао.

– Лев перешел реку! – прошептал Гав.

– Идите вперед! – приказал вождь.

Сам он остановился и приник ухом к земле. Вставая, он воскликнул:

– Лев еще на том берегу!

Грозный рев стал утихать; очевидно, хищник бросил преследование и ушел на север. Опасность миновала, путь был свободен. Серый медведь редко встречался в этих низких местах, а пантеры и леопарды были не опасны трем отважным воинам.

Они шли очень долго. Дождь перестал, туман рассеялся, но тьма оставалась непроницаемой. Толстый слой туч покрывал звезды. Только слабое свечение, исходящее от гниющих растений, мерцало в темноте. В тишине вздыхало какое-то животное, было слышно, как скользят его лапы.

Уламы иногда останавливались, стараясь уловить шумы и запахи, этот как бы воздушный путь животных. Наконец Нам и Гав почувствовали усталость. У Нама разболелись кости, рубцы

Гава размягчались; надо было искать убежище. Тем не менее отряд прошел еще много локтей, воздух стал влажным, похолодало. Где-то поблизости было большое количество воды. Все казалось спокойным. Лишь изредка доносился шум пробежавшего легкого животного, мелькал его темный силуэт. Нао выбрал убежище вблизи огромного осокоря. Дерево представляло собой плохую защиту от хищников, но как отыскать в темноте более надежное убежище? Мох был мокрый, земля холодная. Но это не страшило уламров. Подобно медведям и кабанам, они легко переносили перемены и суровости климата. Нам и Гав растянулись на земле и тотчас погрузились в сон; Нао бодрствовал. Он не устал; он хорошо отдохнул в пещере под камнями. Привычный к переходам, труду и битвам, он решил дежурить всю ночь, чтобы Нам и Гав набрались побольше сил.

Часть вторая

Глава I Пепел

Темнота задерживала передвижение уламров. Наконец на востоке небо начало светлеть. Как покрывало из жемчуга, спускался мягкий свет на пену облаков. Нао увидел на юге огромное озеро. Вождь размышлял: обогнуть ли его с востока, где поднималась гряда холмов, или с запада, лесистой равниной.

Легкое дуновение рябило поверхность воды, но высоко в небе дул сильный ветер, прорезавший облака, сквозь которые показался тонкий серп луны. Нао выбрал путь на восток.

Царила полнейшая тишина, она наполняла все пространство от воды до серебряного полумесяца; чуть слышно вздыхали растения.

Нао устал от неподвижности; он вышел из тени осокоря и побрел вдоль берега. Многочисленные следы свидетельствовали о том, что это место часто посещается животными.

Уламр остановился, его глаза и ноздри расширились, сердце учащенно забилося; воспоминания встали перед ним с такой ясностью, что ему показалось, будто он снова видит лагерь уламров, дымящийся очаг, стройную фигуру Гаммы, – в чаще зеленой травы чернела плешь с обгорелыми ветвями и кучками золы; ветер еще не успел развеять серый налет пепла.

Нао представил себе спокойствие привала, запах жареного мяса, нежную теплоту, рыжие языки огня... Он опустился на колени, чтобы лучше рассмотреть следы вокруг костра. Здесь, по-видимому, останавливался один из тех охотничьих отрядов, что уходят в дальние разведки. В отряде было трижды столько воинов, сколько пальцев на обеих руках. Множество костей, разбросанных на земле, подтверждали эти наблюдения.

Необходимо было узнать, откуда пришли охотники и каким путем они проникли сюда? Быть может, они были из племени кзаммов – пожирателей людей, которые, по рассказам старого Гуна, занимали во времена его молодости южные земли по обеим сторонам Большой реки. Люди этого племени превосходили ростом уламров и все прочие племена, виденные когда-либо стариками. Они, единственные, питались человеческим мясом, правда, все же отдавая предпочтение мясу оленя, кабана, лани, коз, лошадей и джигетаев. По-видимому, племя кзаммов не отличалось многолюдством, по крайней мере Уаг, сын Рыси, самый отажный бродяга из всех уламров, встретил во время своих странствований всего только три становища людоедов, все остальные виденные им племена чуждались человеческого мяса. В то время как эти воспоминания одно за другим приходили на ум Нао, он не переставал рассматривать оставленные на земле следы. Это было нетрудно сделать, так как уверенные в своей силе охотники даже не пытались их замаскировать. По-видимому, они направлялись на восток, к берегам Большой реки.

Две возможности предстали перед Нао: догнать отряд, прежде чем он попадет на свои охотничьи земли, и добыть у него огня хитростью или, опередив охотников, достигнуть их становища и, пользуясь отсутствием лучших воинов, отнять огонь силой.

Чтобы не сбиться с дороги, надо было идти по следам отряда, который уносил с собою через степи, реки и холмы самое драгоценное, что было у людей, – огонь. Мечта Нао становилась действительностью; он был полон энергии и сил. Все его мысли были теперь сосредоточены только на одном – как раздобыть огонь.

Ветер понемногу стихал, перепархивая с листка на листок, с одной былинки на другую.

Глава II Становище у огня

Три дня шли уламы по следам кзаммов, сначала вдоль озера, до подножия холмов, затем среди зарослей и деревьев, перемежающихся с лугами. Следы были ясно видны.

Охотники не стремились их замести. Они разжигали костры, чтобы поджаривать добычу или согреться в свежести туманных ночей. Нао, напротив, все время прибегал к хитростям, чтобы обмануть тех, кто захотел бы его преследовать: старался идти по твердой почве или по мягким травам, которые вставали тотчас же после того, как по ним проходили, он пересекал вплавь или вброд изгибы озера и вообще всячески запутывал свои следы.

Тем не менее он все же быстро продвигался вперед. К концу третьего дня его отделял от людоедов всего лишь один дневной переход.

– Пусть Нам и Гав приготовят оружие и вооружатся храбростью! – сказал Нао. – Сегодня вечером они увидят огонь!

Молодые воины то радовались, то сокрушались, смотря по тому, думали ли они о возможности скоро увидеть огонь, или о том, как трудно будет им овладеть.

– Сначала отдохнем! – сказал сын Леопарда. – Мы подойдем к пожирателям людей, когда они уснут, и постараемся обмануть стражу.

Из этих слов Нам и Гав поняли, что их ожидает самая большая опасность. Своей жестокостью кзаммы превосходили все другие племена. Изредка уламы нападали на них, уничтожая небольшие отряды; но чаще гибли сами под ударами их топоров и тяжелых дубовых палиц. По рассказам старого Гуна, кзаммы были потомками серого медведя; от него они унаследовали руки непомерной длины, густые волосы на теле, такие же, как у Аго и его братьев. Но больше всего они

наводили ужас тем, что пожирали трупы своих врагов.

Нам и Гав слушали сына Леопарда с поникшими головами, затем они легли и до полуночи отдыхали.

Уламры поднялись раньше, чем полумесяц осветил своим бледным светом глубину неба. Нао еще до наступления темноты напал на след кзаммов, и теперь уламры шли по нему наугад, в темноте. Когда взошла луна, они увидели, что заблудились, но, к счастью, им быстро удалось снова отыскать дорогу. Они прошли через заросли вдоль болотистых мест и переплыли реку.

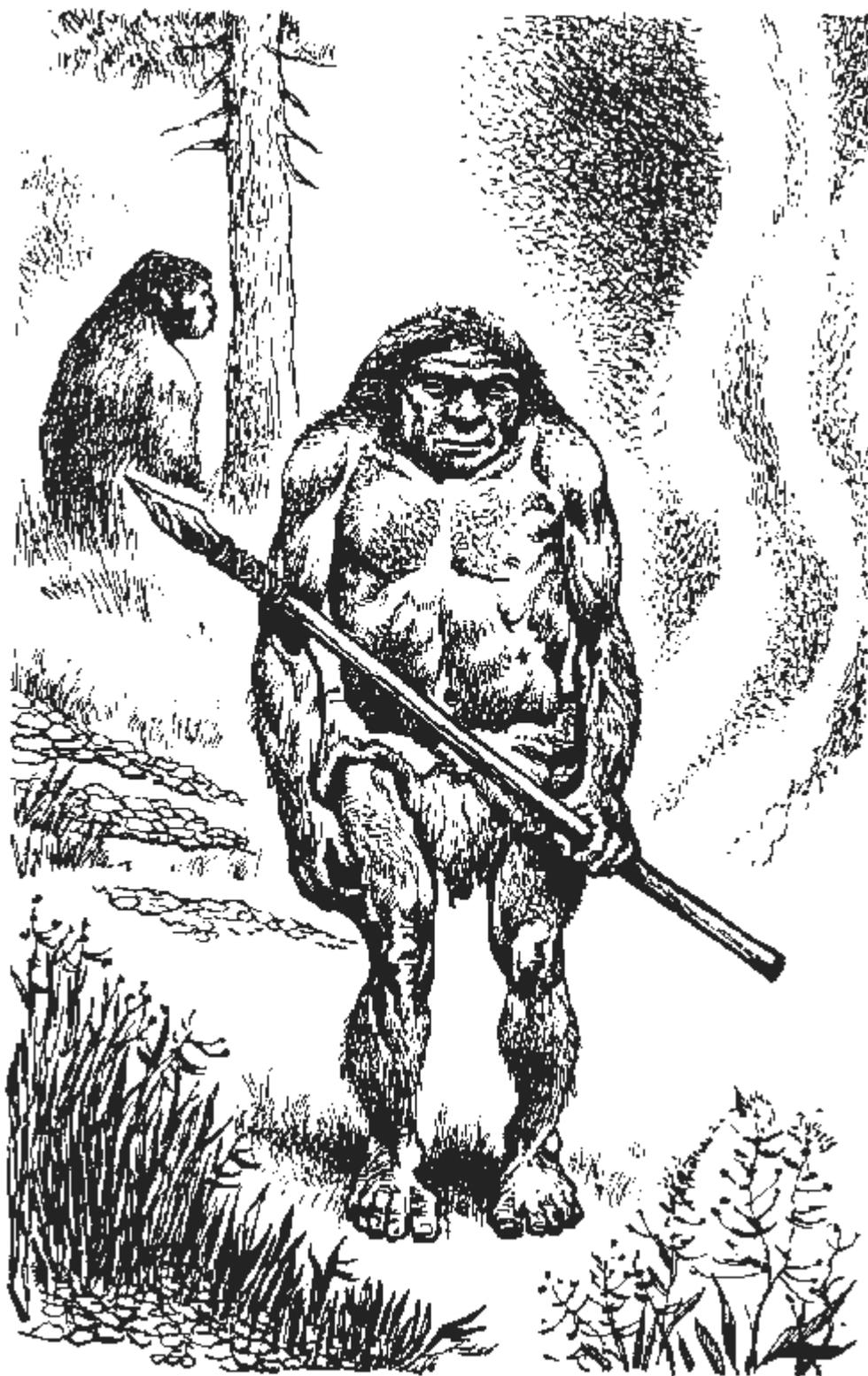
Наконец с вершины небольшого холма они увидели невдалеке огонь. Притаившись в высокой траве, Нам и Гав дрожали всем телом; Нао хрипло дышал. После стольких ночей, проведенных в холоде, под дождем, во мраке, после голода, жажды, борьбы с медведем, тигрицей, львом-великаном, огонь показался им ослепительно прекрасным.

Костер горел среди равнины, вблизи озера, на берегах которого росли фисташковые деревья и смоковницы. Угасающее пламя отбрасывало слабый свет, оживляя окружающие предметы.

Искры, как красные кузнечики, умирали, уносимые ветром, их алые крылышки трещали. Легкий дымок спиралью поднимался в небо, рассеиваясь в лунном свете; пламя то извивалось, как змея, то колыхалось, как волны, меняя свои очертания.

Кзаммы спали, прикрывшись оленьими и волчьими шкурами, шерстью к телу. Около них валялись на земле топоры, палицы и дротики. Двое воинов бодрствовали. Один сидел, опираясь на рогатину, на кучке хвороста; на плечах у него висел козий мех; отблеск костра освещал его лицо, заросшее до глаз волосами. Его тело покрывала густая, как у муфлона, шерсть, плоский нос с круглыми ноздрями едва возвышался над толстыми выпяченными губами. Непомерно длинные руки не соответствовали коротким кривым ногам.

Второй страж расхаживал вокруг костра. Время от времени он останавливался, чтобы прислушаться, понюхать свежий воздух, который спускался на равнину по мере того, как с нее поднимались испарения. Воин был ростом с Нао, но отличался от него огромной головой и волчьими ушами, острыми и торчащими; волосы на голове и борода росли пучками, разделенными плешинами шафрановой кожи; под высокой конической грудью виднелся плоский, впалый живот. У него были треугольные бедра и голень, как лезвие топора. Ноги маленькие, но с длинными пальцами. Все его тяжелое, крепко сколоченное тело выражало огромную силу, но в скорости бега он, конечно, должен был уступать быстроногим уламрам.

Страж остановился и повернул лицо к холму, на котором скрывались уламы. По-видимому, его обеспокоил незнакомый запах. Второй страж, одаренный менее чувствительным обонянием, продолжал дремать.

– Мы слишком близко подошли к пожирателям людей! – сказал шепотом Гав. – Ветер доносит наши запахи.

Нао кивнул головой; он больше опасался обоняния врага, чем его зрения или слуха.

– Нужно повернуть против ветра, – прибавил Нам.

– Ветер дует от нас к пожирателям людей, – ответил Нао, – если мы обойдем ветер, они окажутся сзади.

Ему не пришлось разьяснять свою мысль: Нам и Гав знали так же хорошо, как и звери, что

надо всегда следовать за добычей, а не опережать ее.

Между тем страж сказал что-то своему товарищу, но тот сделал отрицательный жест. Воин хотел было сесть рядом с ним, но передумал и пошел по направлению к холму.

– Надобно отступить, – сказал Нао.

Он стал отыскивать глазами какое-нибудь убежище, которое могло бы ослабить их запах. Они спрятались в густых кустарниках на склоне холма. Легкий ветерок, задержанный зарослями, сделался теперь неуловимым для самого чуткого обоняния. Вскоре дозорный остановился; вдохнув несколько раз глубоко воздух, он вернулся к огню.

Уламры долго оставались в своей засаде. Сын Леопарда, не отрывая глаз от потухающего костра, обдумывал план военных действий. Но он ничего не мог придумать. Можно укрыться от острого зрения, можно прокрасться по степи, обмануть антилопу или джигетая, но как уничтожить человеческий запах, который распространяется вместе с движениями, задерживается на следах? Его может рассеять только расстояние или встречный ветер.

Визг шакала вывел Нао из задумчивости. Сначала он молча прислушивался, потом тихонько рассмеялся.

– Мы в стране шакалов, – сказал он. – Нам и Гав должны убить одного из них!

Воины повернули к нему удивленные лица. Он продолжал:

– Нао будет сторожить в этом кустарнике. Шакал хитер, как волк; он не подпустит человека. Но он всегда голоден. Нам и Гав положат кусок мяса и будут ждать неподалеку. Шакал приблизится, потом отойдет. Еще раз подойдет и снова удалится. Потом станет кружить вокруг мяса. Если ваши головы и ваши руки будут как каменные, шакал бросится на мясо и побежит. Ваши дротки должны его догнать.

Нам и Гав отправились на поиски шакалов. Их нетрудно было найти, их выдавал лай. Возле фисташковых деревьев уламры встретили четырех шакалов, которые с остервенением грызли кости какого-то животного.

Устремив на людей свои зоркие глаза, они глухо заворчали, готовые удрать, как только люди подойдут ближе.

Нам и Гав сделали так, как сказал Нао. Они положили на землю кусок оленьего мяса и, отступив на несколько шагов, замерли на месте. Шакалы заметили приманку, но отнеслись к ней с недоверием. Им уже не раз приходилось встречаться с людьми, и все же они никак не могли разгадать их хитростей. Они считали людей сильнее себя и старались держаться от них подальше, так как были умны и осторожны. Поэтому они долго бродили около неподвижных уламов, то забираясь в чашу деревьев, то снова выходя на поляну. Полумесяц уже заалел на востоке, прежде чем терпение шакалов иссякло и сомнения их окончательно рассеялись; они стали более дерзкими, подошли к приманке на расстояние двадцати локтей и подолгу с ворчанием разглядывали ее. Наконец алчность победила. Они набросились на мясо все сразу, чтобы всем досталось поровну. Все это, как и предсказывал Нао, произошло очень стремительно. Но дротки воинов были еще проворней; они проткнули бока двум шакалам; двое других убежали, унося добычу. Топоры уламов прикончили раненых животных.

Когда Нам и Гав принесли добычу, Нао сказал:

– Теперь мы можем обмануть пожирателей людей, запах шакалов сильнее нашего.

Огонь оживился, подкрепившись хворостом и зелеными ветками. Над равниной высоко поднялись его дымящиеся языки; теперь легче можно было различить тела спящих кзаммов, их оружие и съестные припасы. Охрана сменилась. Двое новых дозорных сидели, опустив головы, не подозревая ни о какой опасности.

– Этих легче захватить, – сказал Нао, рассматривая внимательно дозорных. – Нам и Гав охотились на шакалов, теперь сын Леопарда пойдет на охоту.

Захватив с собой шкуру шакала, он спустился с холма и пропал в зарослях. Сперва он отошел в сторону от пожирателей людей, чтобы его не могли заметить. Потом, пройдя через кустарники, пополз в высокой траве вдоль озера, защищенного тростниками, свернул в лес и очутился на расстоянии четырехсот локтей от огня.

Стражи не шелохнулись. Один, правда, почуял запах шакала, но это ему не внушило никако-

го беспокойства. Нао сумел подробно рассмотреть становище. Он определил сперва число и сложение кзаммов. Почти все они обладали сильной мускулатурой, крепким туловищем и длинными руками, но ноги были короткие. Уламр сразу решил, что ни один из них не опередит его в беге; затем он оглядел окрестность. Пустое, оголенное пространство отделяло его справа от небольшого кургана, дальше шли кустарники. Слева, на расстоянии пяти или шести локтей от огня, – заросшая высокой травой поляна.

Нао колебался недолго. Так как стражи сидели к нему спиной, он пополз к кургану. Нельзя было торопиться – при каждом движении стражей он останавливался, стараясь сделатьсь плоским, как пресмыкающееся. Он чувствовал на себе двойной свет – костра и луны. Свет этот обнимал его, как чьи-то искусные проворные руки. Попав в защищенное место, Нао прополз позади кустарников, добрался до поляны и очутился наконец у самого огня. Со всех сторон на расстоянии не более длины копья его окружили теперь спящие кзаммы. Малейшая неосторожность – и стражи могут поднять тревогу. Тогда он погиб. Но ему благоприятствовал встречный ветерок, который уносил и растворял в дыму человеческий запах и запах шакала. Кроме того, стражи спали и только изредка поднимали головы.

Врываясь в пламенный круг, Нао сделал прыжок леопарда и схватил головешку. Он уже успел повернуть назад, как вдруг раздался крик: один из стражей бросился за ним, другой метнул в него дротик. Почти в то же мгновение вскочили еще десять воинов, но, прежде чем они успели отрезать ему отступление, Нао, издав воинственный клич, помчался прямо к холму, где его поджидали Нам и Гав.

Кзаммы с грозным рычанием бросились за ним в погоню. Несмотря на свои короткие ноги, они были проворны, но не настолько, чтобы нагнать уламра, который, размахивая горячей головешкой, делал прыжки, как большой олень. Он достиг холма, опередив преследователей на пятьсот локтей. При виде его Нам и Гав вскочили.

– Бегите вперед! – крикнул он.

Их гибкие тела замелькали в беге, не менее быстром, чем бег вождя. Нао был рад, что предпочел этих ловких юношей более крепким и пожилым воинам, ибо, превосходя кзаммов в скорости бега, они выигрывали два локтя на десяти прыжках. Сын Леопарда без труда следовал за ними, останавливаясь иногда, чтобы посмотреть на головешку. Его беспокоила погоня, но одновременно он боялся потерять сверкающую добычу, ради которой он претерпел столько трудностей. Пламя уже погасло, оставался лишь красненький огонек, который с трудом держался на сырой части дерева. Тем не менее огонек этот был еще достаточно силен, и Нао надеялся при первом же привале оживить и накормить его.

Луна была уже на исходе, когда уламры достигли болот: здесь они попадали на знакомый уже им путь, по которому они выслеживали кзаммов, путь – узкий, извилистый, но безопасный, верный. Они избрали его без колебаний: по этой тропинке с трудом могли продвигаться только два человека. В случае схватки кзаммы подвергли бы себя большому риску или принуждены были бы идти в обход. В этом случае уламры легко сумеют их опередить. Красный огонек стал совсем маленьким, он таял и уменьшался на глазах.

Руководствуясь двойным инстинктом – животного и человека, Нао понял, что у него теперь достаточно времени, чтобы оживить огонь. Он сделал остановку. Воины стали собирать сухие травы и сучья. Высохшие тростники, пожелтевшие травы, ивовые ветви – всего было вдоволь, но все было влажное, отсыревшее. Попробовали собрать очень тонкие веточки.

Маленький уголек с трудом оживал под дыханием вождя. Несколько раз кончики трав загорались на мгновение слабым светом; дрожащий, он задерживался на краю веточки, уменьшался и умирал, побежденный влажными испарениями. Тогда Нао вспомнил о шкурах шакалов. Вырвал несколько клочков шерсти, чтобы заставить пламя пробежаться по ним. Зарделось несколько султанчиков, страх и радость охватили уламров; но каждый раз, несмотря на бесконечные предосторожности, тоненький, трепещущий огонек останавливался и угасал...

Больше не было никакой надежды! Последняя алая частичка пламени умирала: сначала она была величиною с осу, затем с муху, а потом, – как те мельчайшие насекомые, что летают над поверхностью болот. Наконец и она погасла. Тяжелая, давящая печаль оледенила душу уламров.

Даже этот слабый свет был драгоценен. Увеличившись, он приобрел бы силу, которая питает очаги привалов, устрашает льва-великана, тигра и серого медведя, побеждает мрак и порождает в телах восхитительный покой. Уламры могли бы принести его сияющим в свое племя, и племя признало бы их заслуги. Но вот огонь, едва завоеванный, умер, и уламрам предстояло опять, побеждая козни земли, воды и животных, встретиться с самым опасным врагом – человеком.

Глава III На берегах Большой реки

Нао опередил кзаммов. Восемь дней длилось преследование. Оно было упорно, полно хитростей. Быть может, потому, что кзаммы принимали уламров за разведчиков большого племени и боялись за свою будущность; быть может, в силу их ненависти ко всяким чужакам, но они про-

явили в этом преследовании яростную энергию.

Выносливость беглецов не уступала их скорости; они могли легко обгонять врагов ежедневно на пять-шесть тысяч локтей, но Нао все время упорно думал о том, как бы еще раз похитить огонь. Каждую ночь бродил он вокруг неприятельского лагеря. Спал он мало, но крепко.

Лавируя и обманывая преследователей, сын Леопарда вынужден был значительно уклониться к востоку; на восьмой день с вершины холма он увидел Большую реку. Наводнения, дожди и ветры изрезали холм, на котором он стоял, трещинами вырыли в нем ущелья, оторвали от него целые глыбы, но холм все еще высился незыблемо, сопротивляясь деятельности стихий и жестоким ударам метеоритов.

Река текла во всей своей мощи, пробивая себе путь через гранитные горы, через равнины, покрытые травами и деревьями, поглощая родники, ручьи и маленькие реки.

Это для нее в складках гор скоплялись ледники, пробивались сквозь скалы холодные ключи, для нее горные потоки размывали толщи гранитов, песчаников, известняков, а тучи выжимали, словно губки, свои могучие легкие, для нее подпочвенные воды спешили покинуть свои глинистые ложа. Свежая, пенистая, стремительная там, где ее теснили берега, она на равнинах расширялась в озера, разливалась болотами, разветвлялась вокруг островов. Гневно ревела на водопадах, рыдала на порогах и стремнинах. Сама полная жизни, она порождала вокруг себя неиссякаемую жизнь: в жарких областях и в прохладных, на тучных наносных землях и на бедных, тощих суглинках – всюду возвращала она мощные породы фиговых, оливковых и фисташковых деревьев, тенистых сосен, каменных дубов, смоковниц, платанов, каштанов, грабов, буков и дубов, рощи орешника, ясеня и березы, вереницы серебристых тополей, заросли ольхи и плакучих ив.

В ее глубинах копошилось множество моллюсков, покрывшихся известью и перламутром, плавало неисчислимое количество рыб, быстрых и медлительных, скользили пресмыкающиеся, гибкие, как тростники, или шершавые и плотные, как панцирь.

В зависимости от времени года над ней кружились треугольники журавлей, выводки гусей, зеленых уток, чернявок, чирков, цапель и ржанок, стаи ласточек, чаек и дроздов пронизывали воздух, крики аистов, лебедей, куликов, коростелей сливались с шумом ее вод. Вороны и ястребы с высоты облаков сторожили добычу. На острых крыльях парили соколы, над высокими скалами плавали коршуны; филин и сова рассекали ее мрак своими бесшумными крыльями. По ее берегам проходил гиппопотам, покачиваясь, как ствол клена; среди ивняков, крадучись, скользили куницы, водяные крысы с головами зайцев, пробежали пугливые стада ланей, диких козочек, легкие табуны джигетаев и лошадей, бродили полчища мамонтов, зубров и бизонов. Носорог погружал в ее тину свою темную тушу. Кабан ломал старые ивы, тяжело тащил свою массу пещерный медведь, миролюбивый и грозный, в лесах рыскали голодные пантеры, рыси, леопарды; серый медведь, тигры, львы рвали теплую добычу; смрадный запах выдавал присутствие шакала и гиены; стаи волков и собак пускали в ход свое лукавство и терпение, охотясь за ранеными или сломленными усталостью животными. Около нее в изобилии водились зайцы, полевые мыши, житники, сурки, лягушки, жабы, ящерицы, гадюки, ужи и черви; гусеницы и личинки кузнечиков, муравьев, пчел, шмелей, мух, шершней, бабочек, светляков, тараканов и майских жуков... По ее быстрынам плыли стволы деревьев, трупы животных, опавшие листья, корневища и ветви.

Нао нравились ее грозные волны.

Он подолгу любовался их неутомимым бегом. Наблюдал, как длинные, гибкие струи, то серые, то зеленые омывали острова, лизали берег, кружились на месте, образуя мутные водовороты. Вода, как и огонь, казалась уламру живым существом, вода, как и огонь, то убывает, то вырастает, возникает из ничего, катится через пространства, пожирает животных и людей; она падает с неба и наполняет землю; неутомимая, она подтачивает скалы, уносит с собой камни, песок, глину; ни одно растение, ни одно животное не может существовать без нее; она рычит, свистит и стонет, она смеется, рыдает и поет; забирается в щели, недоступные самому маленькому насекомому, и проникает даже под землю. Она сильнее мамонтов и обширней леса. Вода спит в болоте, отдыхает в озере и шагает большими шагами по руслу реки; она несется на перекатах и прыгает, как тигр, на порогах.

Так думал Нао, глядя на ее неистощимые волны.

Уламрам надо было искать пристанище на ночь. Острова – неплохая защита от зверей, но слабая от человека; они стеснят движение и сделают невозможной охоту за огнем. Нао предпочел берег. Он обосновался на высокой сланцевой скале. Края ее были обрывисты, верхняя часть образовывала площадку, где могли поместиться десять человек.

К сумеркам приготовления на ночлег были закончены. Между уламрами и преследователями было достаточно большое расстояние. Беглецы могли быть спокойными по крайней мере до половины ночи.

Похолодало, несколько тучек стлалось по алому западу. Поедая свой ужин из сырого мяса, орехов и грибов, воины наблюдали за темнеющей землей. Слабый свет позволял еще различать если не противоположный берег, то по крайней мере острова. Прошли дикие ослы; по откосу спустился табун лошадей: это были коренастые животные, головы их казались огромными из-за густых спутанных грив. В их движениях было много изящества, большие глаза излучали голубой свет. Наклонившись над водой, лошади долго принюхивались к месту, полные недоверия; быстро напившись, они убежали.

Ночь распростерла свои пепельные крылья, она уже покрыла ими восток, на западе оставалась тоненькая пурпуровая полоска.

В наступающей тьме раздалось рычание.

– Лев! – прошептал Гав.

– Берег полон добычи, – ответил Нао. – Лев умен, он охотнее нападет на антилопу и оленя,

нежели на человека.

Рычание затихло вдали. Завыли шакалы. Уламы спали по очереди до рассвета. Затем двинулись вниз по течению Большой реки и вскоре встретили мамонтов. Стадо их занимало пространство шириною в тысячу локтей, длиною в три раза больше; они паслись, вырывая хрупкие растения и выкапывая корни. Уламы с завистью смотрели на их спокойные уверенные движения. Иногда, радуясь своей силе, животные гонялись друг за другом по мягкой земле или, играя, дрались своими волосатыми хоботами. Под их огромными ногами лев-великан оказался бы простым комком глины; своими бивнями они могут вырвать с корнем дуб, а гранитной головой расколоть его в щепы.

Рассматривая их мягкие хоботы, Нао не мог удержаться, чтобы не сказать:

– Мамонты властвуют над всеми, кто живет на земле.

Он их вовсе не боялся: он знал, что они не трогают животных, если те им не очень докучают.

Он сказал:

– Аум, сын Ворона, заключил союз с мамонтами.

– Почему не сделать и нам, как Аум? – спросил Гав.

– Аум понимал мамонтов, – возразил Нао, – мы их не понимаем.

Все же эта мысль понравилась ему. После долгого раздумья он сказал:

– У мамонтов нет слов, как у человека. Они понимают только друг друга. Они знают крик своего вожака. Старый Гун говорит, что они умеют строиться в ряды и совещаются, прежде чем отправиться в поход. Если мы сумеем разгадать их знаки, мы заключим с ними дружбу.

Один из мамонтов посмотрел на уламов, когда они проходили мимо него. Он бродил в одиночестве, ощипывая нежные побеги молодых тополей. Нао никогда еще не встречал такого величественного животного. Ростом он достигал двенадцати локтей. Густая грива, как у льва, покрывала его могучую шею. Волосатый хобот казался самостоятельным существом, похожим одновременно на ствол дерева и на змею.

По-видимому, вид троих людей заинтересовал мамонта и, конечно, не потому, что он их боялся.

Нао крикнул:

– Мамонты сильны! Большой мамонт сильнее, чем все другие; он раздавит льва и тигра, как червяка, он опрокинет десяток зубров одним толчком груди. Нао, Нам и Гав – друзья большого мамонта!

Мамонт приподнял свои тяжелые уши, как бы прислушиваясь к тому, что говорил ему человек, и, качнув медленно хоботом ответил легким криком.

– Мамонт понял! – воскликнул Нао с радостью. – Он знает, что уламы признают его силу.

И он крикнул еще:

– Если сыновья Леопарда, Сайги и Тополя завоюют огонь, они нажарят каштанов и желудей и поднесут их в дар большому мамонту.

Во время этой речи Нао увидел болото, где росли кувшинки. Он знал, что мамонты любят подводные стебли этих растений. Он сделал знак своим спутникам, те нарвали целую охапку рыжеватых растений, тщательно вымыли их и положили около мамонта. Приблизившись к нему на расстояние пятидесяти локтей, Нао сказал:

– Вот! Мы нарвали этих растений, чтобы ты мог ими полакомиться. Уламы – друзья мамонта.

И Нао ушел.

Любопытствуя, гигант подошел к кувшинкам. Он отлично их знал, они были ему по вкусу. Пережевывая неторопливо вкусные стебли, он продолжал наблюдать за людьми. Иногда поднимал свой хобот, приносясь и помахиывая им с самым миролюбивым видом.

Тогда Нао решился подойти к нему поближе, он очутился около его огромных ног, под его хоботом, который выкорчевывал деревья, между двумя бивнями, длинными, как туловище бизона. Рядом с мамонтом человек был как полевая мышь рядом с пантерой. Одним движением животное могло его раздавить. Но молодой воин дрожал не от страха, он дрожал от надежды и возбуждения. Мамонт, обнюхивая, коснулся хоботом его тела. Нао, затаив дыхание, потрогал, в свою очередь,

это волосатое чудовище. Затем нарвал травы и молодых побегов и поднес их в знак дружбы великану; он знал, что делает нечто необычайное, имеющее глубокое значение. Его сердце преисполнилось гордостью.

Глава IV Дружба человека с мамонтом

Нам и Гав со страхом следили за тем, как их вождь подходил к мамонту. Когда огромный хобот коснулся Нао, они прошептали:

– Мамонт раздавит Нао. Нам и Гав останутся одни. Кто защитит их от пожирателей людей, охранит от животных и воды?

Затем, когда они увидели, что Нао коснулся рукой животного, их души преисполнились радостью и гордостью.

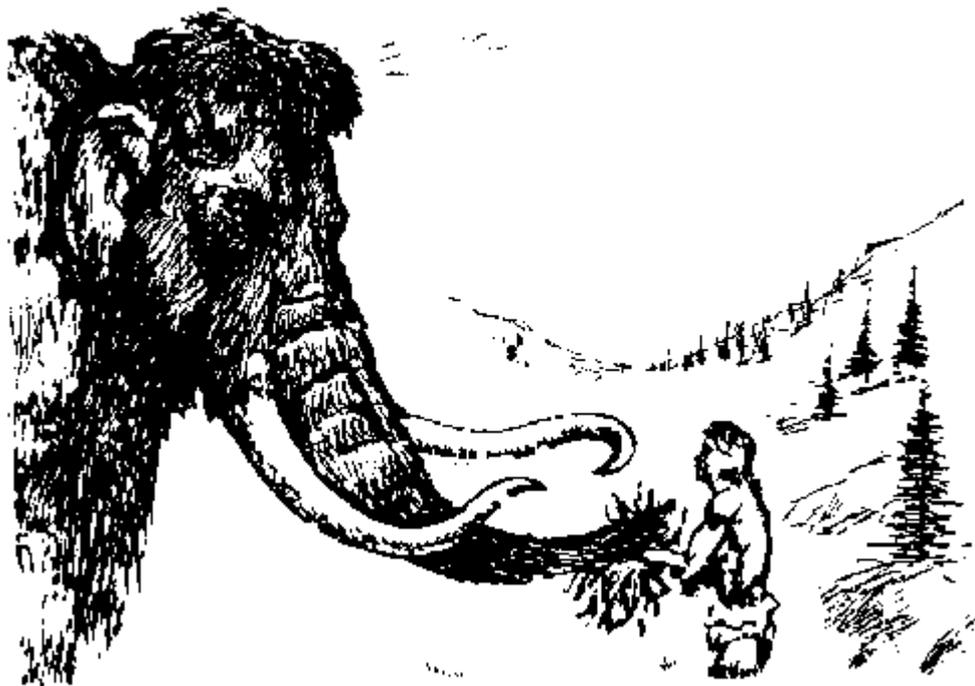
– Нао заключил союз с мамонтом! – прошептал Нам.

– Нао самый сильный из людей!

Между тем сын Леопарда крикнул:

– Пусть Нам и Гав подойдут сюда, как подошел Нао. Пусть они нарвут травы и молодых побегов и дадут их мамонту.

Послушные приказу вождя, Нам и Гав с осторожностью стали приближаться к животному, срывая по дороге нежную траву и молодые побеги. Подойдя вплотную, они протянули великану свое приношение. И так как Нао был вместе с ними, мамонт спокойно принял корм.

Так был заключен союз между уламами и мамонтом.

Наступило полнолуние. Большая, как солнце, поднималась на небе луна. В один из вечеров уламы и кзаммы расположились лагерем на расстоянии двадцати тысяч локтей друг от друга. Это было на берегу Большой реки.

Кзаммы заняли сухую полосу земли, они грелись у потрескивающего огня, ели большие куски мяса, ибо охота была обильна, в то время как уламы в тишине, в сыром холодном мраке довольствовались несколькими корнями и мясом дикого голубя.

В десяти тысячах локтей от берега, среди смоковниц, спали мамонты.

Днем они мирились с присутствием в их стаде людей, но с наступлением темноты их отношение к людям резко менялось, потому ли, что они остерегались их хитростей, или, быть может, потому, что не хотели, чтобы их покой нарушали существа другой породы. Каждый вечер уламы принуждены были покидать своих защитников и удаляться на такое расстояние, откуда их запах

уже не доносился до мамонтов.

В этот вечер Нао спросил товарищей:

– Достаточно ли отдохнули Нам и Гав? Гибки ли их члены? Легко ли дыхание?

Сын Тополя ответил:

– Нам проспал часть дня. Он готов к сражению.

И Гав сказал в свою очередь:

– Сын Сайги легко может пробежать расстояние, которое отделяет его от кзаммов.

– Хорошо! – ответил Нао. – Нао и его молодые воины отправляются к кзаммам, они будут сражаться всю ночь, чтобы завоевать огонь!

Нам и Гав вскочили с мест и последовали за своим предводителем. На этот раз нельзя было рассчитывать на темноту. Полная луна поднималась по ту сторону Большой реки. Она показывалась то вровень с островами, прорезанная черными силуэтами высоких тополей, то погружалась в волны реки, где ее дрожащее отражение напоминало сверкающее летнее облако, то стлалась по земле, как медный красный питон, то вытягивалась, как шея лебедя, то расстилала свое чешуйчатое покрывало с одного берега на другой.

Уламры быстро шли, выбирая места, поросшие высокой травой. По мере приближения к становищу кзаммов их шаги замедлились. Они двигались теперь на большом расстоянии друг от друга, чтобы иметь возможность наблюдать за большим пространством и не попасть в засаду. Вдали, за ивовым кустарником, показалось пламя, свет луны делал его бледным.

Кзаммы спали. Трое дозорных поддерживали костер и охраняли спящих. Уламры, спрятавшись среди растений, с завистью смотрели на огонь.

О, если бы они могли похитить хотя бы одну только искорку! Они держали наготове сухие, мелко изрубленные ветви. Огонь не умрет больше в их руках, он будет жить, пока они не заключат его в клетку из коры, выложенную внутри плоскими камнями. Но как подойти к костру? Как отвлечь внимание кзаммов, настроенных с той ночи, когда сын Леопарда ворвался в их стоянку?

Нао сказал:

– Нао спрячется на берегу реки, Нам и Гав будут бродить около лагеря пожирателей людей, то прячась, то снова появляясь. Когда враг бросится на них, они побегут, но не очень быстро. Надо заманить врага подальше от огня. Нам и Гав – храбрые воины, они не побегут слишком скоро. Они увлекут за собой кзаммов к красному камню. Если Нао там не будет, они проскользнут мимо мамонтов, к берегу Большой реки. Нао найдет их следы.

Молодые воины заколебались: им было страшно оставаться одним, без Нао, с грозными кзаммами; но, покорные его воле, они скользнули в траву, в то время как сын Леопарда направился к берегу реки. Время шло. Нам показался на мгновение из травы и снова исчез, то же сделал и Гав. Дозорные подняли тревогу, кзаммы проснулись и с пронзительными криками столпились вокруг своего вождя. Это был воин небольшого роста, коренастый, как пещерный медведь. Он дважды поднял свою палицу, хрипло прокричал несколько слов и дал сигнал.

Кзаммы, разбившись на шесть отрядов, рассеялись по полукругу. Нао с беспокойством смотрел, как они удалялись; затем им снова завладела одна упорная мысль – завоевать огонь!

Костер стерегли четверо самых сильных воинов. Особенно один казался страшным. Такой же коренастый, как вождь, только выше его ростом. Размеры его палицы свидетельствовали об его огромной силе. При свете огня Нао ясно видел его сильные челюсти, глаза, затемненные волосатыми дугами бровей, короткие, кривые, толстые ноги. Трое других были менее плотными, но тоже с мускулистыми торсами и длинными сильными руками.

Нао выбрал удачное место: легкий ветерок дул на него, унося от дозорных его запах. По саванне бродили вонючие шакалы, кроме того, Нао взял с собой одну из шкур этого зверя. Благодаря этой предосторожности ему удалось подойти к огню на расстояние шестидесяти локтей. Здесь он остановился, выжидая удобный момент для нападения. Луна скрылась за тополями. Нао выпрямился и издал воинственный клич.

Кзаммы перепугались, пораженные его внезапным появлением. Но замешательство их длилось недолго, через мгновение они пришли в себя и с криками схватили оружие: кто каменный топор, кто палицу, кто дротик.

Нао сказал:

– Сын Леопарда прошел через равнину, леса, горы и реки, потому что его племя осталось без огня... Если кзаммы позволят ему взять несколько головешек, он уйдет без боя.

Его язык был столь же непонятен кзаммам, как вой волков. Увидев, что Нао один, они решили убить его. Нао отступил в надежде, что они нападут на него поодиночке и он сможет увлечь их подальше от огня; но они ринулись все вместе.

Самый высокий, приблизившись, бросил дротик с кремневым наконечником; он сделал это с большой силой и ловкостью. Дротик, задев слегка плечо Нао, упал на землю. Уламп, желая сэкономить собственное оружие, поднял дротик противника и, в свою очередь, метнул его в кзаммов. Описав со свистом кривую, оружие пронзило горло одному из людоедов, тот покачнулся и упал. Его товарищи, издавая крики, похожие на собачий лай, взмахнули копьями. Нао бросился на землю, чтобы избежать их ударов. Пожиратели людей, считая его побежденным, подбежали ближе, чтобы прикончить его. Но Нао снова был уже на ногах, готовый дать отпор. Один из кзаммов, раненный в живот, прекратил борьбу, двое других продолжали нападение. Кровь показалась на бедре Нао, но, чувствуя, что рана не глубока, он стал бегать около противника, не опасаясь более быть окруженным. Он то отступал, то вновь приближался, так что вскоре очутился между огнем и врагами.

– Нао проворнее кзаммов! – крикнул он. – Он возьмет огонь! Кзаммы уже потеряли двух воинов!

Он сделал еще прыжок и уже протянул было руку, чтобы схватить головешку, как вдруг в ужасе увидел, что огонь почти погас. Нао обежал вокруг костра в надежде найти хоть одну недогоревшую ветку; поиски его были напрасны. А кзаммы приближались! Нао пустился бежать, но споткнулся о пень. Противник преградил ему дорогу, тесня его к костру. Нао оставалось одно: перепрыгнуть через костер и скрыться в кустах, но мысль о том, что он вернется к своим без огня, побежденным, остановила его. Подняв одновременно топор и палицу, он принял бой.

Глава V Ради огня

Двое кзаммов продолжали приближаться к Нао. Тот, кто был сильнее, потрясал своим последним дротиком, который он почти в упор метнул в Нао. Взмах топора отбил удар, и хрупкое оружие упало в костер. В то же мгновение в воздухе закружились три палицы.

Дубина Нао отбила нападение противников. Один из кзаммов покачнулся, Нао это заметил, бросился на него и сильным ударом проломил ему голову. Но и сам пострадал: сук дубины разорвал ему левое плечо. Задыхаясь, он отпрянул назад и остановился в ожидании, подняв оружие. Хотя оставался только один противник, но положение Нао было опасным, так как левая рука отказывалась служить, в то время как кзамм был полон силы и вооружен палицей и топором. Высокого роста, коренастый, с длинными руками, он был силен, как зубр.

Перед решительной схваткой дикарь угрюмо осмотрел уламра; решив, что будет надежнее биться обеими руками, он оставил себе только палицу. Затем бросился на противника.

Почти равные по весу, крепкие дубовые палицы встретились. Удар кзамма был сильнее удара Нао, который не мог владеть левой рукой. Но сын Леопарда искусно отбил нападение поперечным движением палицы. Когда кзамм вторично опустил свое страшное оружие, оно встретило пустое место: Нао ускользнул в сторону. Третий удар нанес сам Нао, он целил в голову противника, но тот успел вовремя защититься, дубины снова скрестились. Кзамм отступил и ответил бешеным ударом, который чуть не выбил оружие из руки Нао, и, прежде чем он успел оправиться, кзамм еще раз нанес удар, который пришелся прямо по черепу. Нао упал, земля, деревья, огонь – все закружилось перед ним. Но и в этот опасный момент он не потерял бодрости, какая-то сила поднялась из глубины его существа, он вскочил и, прежде чем противник успел прийти в себя, швырнул в него свою палицу. Треснули кости, кзамм мертвым упал на землю.

Радость Нао забурлила, как поток; с хриплым смехом смотрел он на костер, где вспыхивало пламя. Ему еще трудно было осознать свою победу, здесь, под чужими звездами, в шуме реки, при

легком шепоте ветра, прерываемом визгом шакалов, ревом льва где-то на другом берегу реки.

Он крикнул задыхающимся голосом:

– Нао завладел огнем!

Уламр медленно расхаживал вокруг костра, протягивая к нему руки, подставляя грудь. Затем он прошептал еще раз в восхищении:

– Нао завладел огнем!

Лихорадка его радости понемногу прошла. Кзаммы могли скоро вернуться: надо было поскорее унести добычу. Вынув тонкие плоские камни, которые он постоянно носил с собой, Нао стал переплетать их ветками, корой и тростинками. В поисках за этими растениями он увидел в

небольшой яме готовую клетку, в которой пожиратели людей хранили огонь. Это было нечто вроде гнезда из коры, выложенного плоскими камнями; в нем еще трепетало маленькое пламя. Хотя Нао и славился среди уламров своим искусством изготавливать плетенки для огня, но даже ему было не под силу сделать столь искусное сооружение. Клетка кзаммов состояла из тройного слоя сланцев, заключенных в дубовую кору и переплетенных гибкими веточками. Для тяги была оставлена маленькая щель. Эти клетки требовали неусыпной бдительности: огонь приходилось защищать от дождей и ветра, следить, чтобы он не хирел и не разгорался большим пламенем. Надо было часто менять кору.

Нао знал все эти правила, полученные в наследие от предков: он слегка оживил огонь, смочил внешнюю поверхность клетки водой, почерпнутой в лужице, проверил щель и сланцевую подстилку. Прежде чем бежать, он захватил с собой топоры и дротики своих врагов, разбросанные по земле, затем бросил последний взгляд на становище.

Двое из противников лежали, обратив к звездам свои застывшие лица; раненые, несмотря на страдания, притворялись мертвыми. Ради осторожности нужно было бы их прикончить. Нао подошел к раненному в бедро, нацелился в него копьем, но странное отвращение проникло в его сердце, гнев растворился в радости, и он опустил оружие.

К тому же гораздо важнее было потушить костер. Нао разбросал головешки, разбил их с помощью палицы на мелкие кусочки, чтобы они потухли до прихода воинов, затем связал раненых тростником и ветками и крикнул:

– Кзаммы не хотели дать головешку сыну Леопарда, теперь кзаммы лишились огня. Они будут бродить во мраке и холоде до тех пор, пока не придут в свою орду! Уламры стали сильнее кзаммов!

У подножия холма, в месте условленной встречи, Нао не нашел своих спутников. Но это его не удивило: молодые воины должны были немало поколесить, чтобы утомить врага.

Залепив рану ивовыми листьями, он присел у слабого огонька, сверкавшего в плетенке.

Время текло наравне с водами Большой реки и лучами восходящей луны. Когда луна коснулась вершины неба, Нао поднял голову. Среди тысячи неясных шумов он различил звук человеческих шагов. Их трудно было спутать с поступью четвероногого животного. Вскоре порыв ветра донес до него и человеческий запах.

Уламр сказал себе:

– Это бежит сын Тополя, он обманул врага, враг потерял его след.

Между смоковницами промелькнула тень человека: это был Нам. Он шел по серебристому покрывалу лунного света. Вскоре он появился у подножия холма.

И вождь спросил:

– Кзаммы потеряли след Нама?

– Нам заманил их далеко на север, затем убежал от них. Когда Нам остановился, то запах кзаммов уже не доходил до него.

– Хорошо! – ответил Нао, обнимая товарища. – Нам хитрый и ловкий воин! А где Гав?

– Сына Сайги преследовали другие кзаммы. Нам не встретил его следов.

– Мы подождем Гава здесь. А теперь пусть Нам посмотрит!

Нао увлек молодого воина за холм, к земляной яме, в которой Нам увидел маленький, трепещущий, теплый огонек!

– Вот! – сказал вождь. – Нао достал огонь!

Молодой воин громко закричал, его глаза расширились от восторга; он простерся перед сыном Леопарда и прошептал:

– Нао хитрее целого племени! Он будет вождем уламров, и никто не осмелится ему противиться!

Воины сели у слабого огонька. Им казалось, будто они в родных местах, под холодными звездами севера, среди блуждающих огней Большого болота. Мысль о долгом обратном пути не пугала их. Когда они покинут земли Большой реки, кзаммы перестанут их преследовать; дальше они пойдут по местности, где бродят только животные.

Так они мечтали, будущее казалось им полным надежд. Но когда луна опустилась к западу, в их сердца закралось беспокойство.

– Где же Гав? – спросил вождь.

Сумел ли он сбить со следа кзаммов? Может быть, его остановило болото или он попал в засаду?

Равнина была нема, животные молчали; даже ветер затих над рекой, спрятавшись в осино-вых зарослях; слышен был только глухой рокот воды. Ждать ли рассвета или идти на поиски немедленно? Нао очень не хотелось оставлять огонь на попечение Нама. С другой стороны, судьба молодого воина, преследуемого пожирателями людей, беспокоила его. Правда, ради того чтоб сохранить огонь, вождь мог покинуть Гава на произвол судьбы и даже должен был, по закону племени, так сделать, но Нао почувствовал жалость к покинутому товарищу, который делил с ним все опасности их трудного похода и к тому же был слабее его.

– Нао пойдет отыскивать Гава! – сказал он наконец. – Сын Тополя останется следить за огнем. Нам должен смачивать водой кору, когда она нагреется. Нам не должен отлучаться от огня!

– Нам будет сторожить огонь, как собственную жизнь! – ответил молодой воин. И прибавил с гордостью: – Нам умеет питать огонь! Его научила этому мать, когда он был маленький, как волчонок.

– Хорошо. Если Нао не вернется к тому времени, когда солнце будет на высоте тополей, пусть Нам укроется у мамонтов; если Нао не вернется на склоне дня, пусть Нам пойдет один в землю уламров.

Нао ушел; сердце его сжималось от тоски, несколько раз он оборачивался и смотрел туда, где находилась клетка с огнем, слабый свет которого, казалось, все еще мигал ему издали!

Глава VI Поиски Гава

Чтобы отыскать следы Гава, надо было вернуться к лагерю кзаммов. Нао шел медленно. Его плечо горело под ивовыми листьями, которыми он покрыл рану; в голове шумело; он чувствовал боль в том месте, где пришелся удар палицей. Нао был грустен; даже после завоевания огня ему предстояло перенести еще много трудностей. Вскоре он очутился у того поворота, откуда он со своими молодыми товарищами в первый раз увидел привал кзаммов. Тогда красное пламя костра смешивалось с лунным светом, теперь становище было темным, угли, разбросанные Нао, погасли, ночь посеребрила неподвижные тела людей и предметы; слышны были только стоны раненых.

Нао вскоре убедился, что преследователи еще не вернулись. Тогда он смело двинулся к становищу кзаммов. Стоны раненых прекратились, казалось, там были только одни трупы; Нао, не задерживаясь, пошел дальше и вскоре напал на след Гава. Сначала по нему легко было идти: его сопровождали следы кзаммов почти по прямой линии; затем след свернул в кусты и затерялся в болоте. Нао отыскивал его снова, у излучины берега, теперь след был совсем сырой, как будто Гава и кзаммов окунули в воде.

У рощи из смоковниц кзаммы, должно быть, разделились на несколько групп. Нао избрал наиболее удобный путь и прошел еще три или четыре тысячи локтей, но вскоре он должен был остановиться. Густые тучи поглотили луну. До рассвета было еще далеко. Сын Леопарда сел у подножия старой смоковницы. Звери закончили свою охоту, дневные животные еще спали, спрятавшись в земле, в кустарниках, в дуплах деревьев, среди древесных веток.

Нао отдыхал, пока вершины деревьев не окрасились холодной белизной. Тяжелый осенний рассвет коснулся хилых листьев и покинутых гнезд. Ему предшествовал легкий ветерок, который казался дыханием смоковницы. Нао встал против света, еще бледного, как белый пепел костра, съел кусок вяленого мяса, наклонился над землей, отыскивая след, и снова отправился в путь. След тянулся на тысячи локтей; Гав, выйдя из лесу, пересек песчаную равнину с редкой травой и малорослыми деревцами, свернул по краю болота, где гнил красный тростник, поднялся на холм, прошел среди бугров и остановился, наконец, на берегу реки, которую, конечно, переплыл. Нао, в свою очередь, переплыл реку и после долгой ходьбы обнаружил, что следы кзаммов стали сближаться. Гава могли окружить. Тогда вождь подумал, что, пожалуй, лучше предоставить беглеца его судьбе, дабы не рисковать из-за одного человека своей жизнью, жизнью Нама и огня. Но преследование увлекало его, ему хотелось довести начатое дело до конца.

Кроме двух отрядов кзаммов, замыслы которых Нао уже постиг, следовало опасаться третьего отряда, того, что преследовал Нама. Уверенный в быстроте своих ног и в своей хитрости, сын Леопарда без колебаний направился по следу Гава, останавливаясь лишь затем, чтоб ознакомиться с местностью.

Земля становилась твердой, сквозь тонкий слой наносов проступал гранит, показалась скала с крутыми откосами. Нао решил взобраться на нее. Судя по свежести следов, люди были недалеко, с вершины скалы можно будет увидеть Гава или его преследователей. Уламр скользнул в кустарник и вскоре достиг вершины скалы. Взобравшись на нее, он вскрикнул: на узкой полосе красной земли, которая, казалось, была залита кровью, показался Гав.

Позади него, на расстоянии тысячи локтей, бежали в беспорядке люди с большими торсами и короткими ногами, с севера наступал другой отряд. Несмотря на длительность погони, сын Сайги не казался изнуренным. В течение ночи Гав бежал не очень быстро, и только там, где нужно было избежать ловушки или же поддразнить врага, он несся с быстротой оленя.

К несчастью, уловки кзаммов сбили его с пути; он не знал, где находится, на западной или южной стороне того холма, где он должен был соединиться с вождем.

Нао следил за ходом борьбы. Гав бежал к сосновому бору, на северо-восток. Первый отряд следовал за ним враспынную, отрезая ему отступление. Второй отряд, тот, что двигался с севера, повернул, чтобы достичь леса одновременно с беглецом. Однако положение было не безнадежное. Быстрый Гав легко мог опередить кзаммов, и если Нао соединится с ним, уламы смогут вернуться вместе к Большой реке.

Одним взглядом вождь определил наиболее удобный путь: это была местность, заросшая кустарником; здесь он будет невидим и сможет быстро достигнуть леса.

Нао уже решил спуститься с холма, как вдруг новое обстоятельство задержало его: показался

третий отряд преследователей, на этот раз на северо-западе. Теперь Гав мог избежать ловушки только в том случае, если он со всей скоростью повернет на запад. Но, по-видимому, он не сознавал опасности и продолжал бежать по прямой линии.

Еще раз НАО колебался между необходимостью сохранить огонь, Нама и себя и соблазном спасти Гава, и еще раз желание помочь товарищу одержало верх над благоразумием.

Сын Леопарда окинул внимательным взглядом окрестность, желая запечатлеть в памяти все ее приметы, затем спустился с холма.

Он двинулся под прикрытием кустарника на запад. Затем свернул в высокую траву и, прерываясь в беге и кзаммов и Гава, скоро очутился у опушки соснового бора.

Теперь ему необходимо было дать знать Гава о своем присутствии. Он трижды крикнул, подражая оленю, – это был сигнал, знакомый уламрам. В обычное время Гав услышал бы зов вождя, но теперь он устал, внимание его было всецело обращено на преследователей, поэтому зов не дошел до него.

Тогда НАО решил больше не скрываться; он покинул траву и с боевым криком уламров появился на равнине. Продолжительный вой, повторенный всеми отрядами кзаммов, был ему ответом. Гав на мгновение остановился от удивления, затем во весь опор помчался к сыну Леопарда. НАО бежал теперь в единственно возможном направлении – к западу, но третий отряд кзаммов, заметив его маневр, пустился ему наперерез.

Таким образом, беглецы оказались окруженными с трех сторон: севера, юга и востока, дорогу на запад преграждала высокая скала, взобраться на которую было чрезвычайно трудно. И тем не менее НАО направил свой бег прямо к скале. Кзаммы, считая себя уже победителями, громкими криками подгоняли друг друга. Некоторые из них были уже в пятидесяти локтях от уламров и на ходу заносили копыя, готовясь метнуть их в противника. Но НАО, увлекая за собой товарища, вдруг неожиданно нырнул в кустарник и скрылся в узкой расщелине. Этот проход он заранее заметил, когда осматривал местность с вершины скалы.

Кзаммы завывали от бешенства. Часть их проникла в ущелье, остальные побежали в обход.

Между тем НАО и Гав вихрем неслись по ущелью. Они с легкостью могли бы опередить погоню, если бы почва не была такой неровной. Это сильно замедлило их бег, и когда они, наконец, покинули расщелину, то оказалось, что трое кзаммов, бежавших в обход скалы, успели их обогнать и отрезали им отступление на север.

НАО хотел было повернуть на юг, но оттуда уже явственно доносился шум приближающейся погони. Всякое колебание становилось смертельным.

Тогда он бросился прямо на приближающихся кзаммов с топором в одной руке, с палицей в другой, в то время как Гав схватил свою рогатину.

Боясь упустить уламров, кзаммы окружили их цепью. НАО наскочил на стоявшего слева от него противника. Это был молодой воин, ловкий и гибкий. Он поднял топор, чтобы отбить нападение, но удар палицей выбил из его рук оружие; второй удар уложил его на месте.

Двое других людоедов накинулись на Гава, рассчитывая быстро разделаться с ним и затем соединенными силами напасть на НАО. Гав метнул копые и ранил одного из нападающих, но, прежде чем он успел воспользоваться рогатиной, его самого ударили в грудь. Сын Сайги отскочил в сторону и тем спасся от второго удара, который был бы смертельным.

Кзаммы погнались за ним. Один напал на него спереди, другой старался ударить его в спину. Ему грозила гибель. Но в это время к нему подоспел НАО. Огромная палица ударила с таким шумом, будто свалилось целое дерево; один из врагов повалился на землю, другой отступил к северу, откуда приближался целый отряд его сородичей. Но было уже поздно: уламрам удалось избежать окружения; они кинулись на запад, где путь был свободен. С каждым прыжком увеличивалось расстояние, отделявшее их от противника. К тому времени как солнце поднялось на середину неба, они опередили кзаммов на шесть тысяч локтей. Уламы надеялись, что враг прекратит преследование, но каждый раз, оглядываясь назад с какого-либо холма, они видели за собой остервенелую стаю бегущих врагов.

Гав заметно слабел. Его рана не переставала сочиться кровью. Сначала текла только тоненькая струйка; несмотря на отчаянный бег, рана, казалось, закрылась, но затем, после нескольких

неловких движений, красная жидкость начала бить ключом. Когда на пути попадались молодые тополя, Нао делал из листьев кашицу и залеплял ею рану, но кровь не останавливалась. Мало-помалу скорость Гава становилась равной скорости кзаммов, а затем он стал отставать. Кзаммы настигали беглецов. И сын Леопарда думал о том, что если Гав не наберется сил, их настигнут раньше, чем они добегут до стада мамонтов. Гав все больше терял силы, он уже с трудом взбирался на холмы, ноги его дрожали, лицо приняло пепельный оттенок, сердце слабело. Он шатался. А кзаммы все приближались.

– Если Гав не может больше бежать, – сказал Нао глухим голосом, – пожиратели людей настигнут нас раньше, чем мы доберемся до реки.

– Глаза Гава больше не видят, сверчки трещат в его ушах, – пробормотал молодой воин. – Пусть сын Леопарда один продолжает путь. Гав умрет за огонь.

– Нет, Гав не умрет!

И, вскинув Гава себе на спину, Нао двинулся дальше.

Вначале его необычайное мужество и невероятная сила мышц давали возможность сохранять расстояние, отделявшее их от кзаммов. Когда дорога шла вниз, Нао делал прыжки, увлекаемый тяжестью ноши, но на подъемах его дыхание учащалось, ноги тяжелели. Не будь его раны, которая тупо болела и жгла, не будь удара палицей в голову, от которого еще шумело в ушах, он мог бы, пожалуй, даже с Гавом на плечах, опередить пожирателей людей с их короткими ногами, утомленных долгой погоней. Но теперь это было выше его сил. Ни одно животное ни в степи, ни в лесу не могло бы выдержать столь изнурительного и долгого испытания.

Расстояние, отделявшее их от кзаммов, становилось все меньше и меньше. Нао слышал их шаги, он знал, насколько они приблизились: пятьсот локтей... затем четыреста... затем двести...

Тогда сын Леопарда положил Гава на землю; его глаза блуждали, он колебался. Наконец сказал:

– Гав, сын Сайги, Нао не может больше нести тебя и скрыть от пожирателей людей.

Гав выпрямился и ответил:

– Нао должен покинуть Гава и спасти огонь.

Кзаммы, приблизившись на шестьдесят локтей, подняли дротики, готовясь к бою. Нао решил бежать лишь в самом крайнем случае. Он встретил неприятеля лицом к лицу. Просвистели первые дротики; большая часть их упала, даже не достигнув уламров; один только, задев ногу Гава, причинил ранение, но совершенно незначительное. В ответ Нао поразил палицей ближайшего из кзаммов и пронзил дротиком живот другого.

Эта двойная неудача внесла смятение в ряды нападающих. Кзаммы остановились, дожидаясь подкрепления.

Эта передышка была для уламров очень благоприятна. Царапина, казалось, вывела Гава из оцепенения. Он схватил дротик и начал им размахивать, ожидая, когда враг приблизится. Нао, увидев это, спросил:

– Гав снова обрел силы? Пусть он бежит! Пусть он задержит погоню!

Молодой воин колебался, но вождь повторил резким тоном:

– Беги!

Гав пустился в путь; бег его, вначале неуверенный, постепенно становился тверже. Нао медленно отступал, держа в каждой руке по дротику. Кзаммы колебались. Наконец их предводитель дал знак к наступлению. Засвистели дротики, кзаммы бросились на Нао. Ему удалось ранить еще двух дикарей, после чего он повернулся и побежал.

Преследование возобновилось. Гав то бежал с прежней быстротой, то останавливался, тяжело дыша. Нао тащил его за руку. Преимущество снова оказалось на стороне кзаммов. Они бежали, не торопясь, уверенные в своей выносливости. Нао не мог больше тащить своего товарища. От усталости и лихорадки разболелась рана, в голове шумело, и, кроме всего, он ушиб ногу о камень.

– Пусть лучше Гав умрет, – не переставая, повторял сын Сайги. – Нао скажет уламрам, что он хорошо сражался.

Вождь, мрачный, ничего не отвечал. Он прислушивался к топоту противника. Враг был опять на расстоянии не более двухсот локтей. Дорога шла в гору.

Сын Леопарда, собрав последние силы, взобрался на вершину холма. Бросив оттуда взгляд на запад, тяжело дыша от усталости, он крикнул радостно:

– Большая река... Мамонты!

Действительно, за холмом протекала река, она отсвечивала среди тополей, ясеней, ольхи, на берегу ее паслось стадо мамонтов; они лакомились корнями и молодыми побегами. Почувствовав прилив новых сил, Нао с такой стремительностью кинулся вперед, увлекая за собой Гава, что выиграл более ста локтей. Это был последний порыв. Кзаммы локоть за локтем наворачивали потерянное расстояние. До мамонтов оставалось еще не менее двух тысяч локтей, а кзаммы бежали уже по пятам. Они сохраняли свой ровный, размеренный шаг, рассчитывая тем вернее настигнуть уламров, чем больше они будут теснить их к мамонтам. Они знали, что эти животные, несмотря на их миролюбие, не выносят возле себя ничьего присутствия, следовательно, они отбросят беглецов. Уламры уже слышали за своей спиной жаркое дыхание преследователей, а надо было еще пробежать не меньше тысячи локтей!.. Тогда Нао издал протяжный крик, из платанового леса вышел человек, затем показался мамонт. Огромное животное подняло хобот и, громко трубя, устремилось с тремя другими мамонтами прямо на сына Леопарда. Испуганные и довольные, кзаммы остановились: теперь оставалось только подождать отступления уламров, затем окружить их и уничтожить. Между тем Нао пробежал еще сто локтей, затем, повернув к кзаммам свое осунувшееся лицо, торжествующе воскликнул:

– Уламры заключили союз с мамонтами! Нао смеется над пожирателями людей!

В то время как он это говорил, мамонты подошли к нему вплотную, и, к бесконечному изумлению кзаммов, самый большой мамонт положил хобот на плечо уламра. Нао продолжал:

– Нао завладел огнем! Он убил четырех воинов на стоянке, четверых – во время преследования!

Кзаммы ответили яростными воплями, но, так как мамонты шли прямо на них, они поспешно отступили. Они считали мамонтов непобедимыми.

Глава VII Жизнь у мамонтов

Нам хорошо охранял огонь. Пламя ярко горело в своей клетке, когда Нао снова увидел его. И хотя усталость вождя дошла до пределов, хотя рана кусала его тело, как волк, а в голове лихорадочно шумело, сын Леопарда был счастлив. В его широкой груди бурлила молодость. Он снова увидел перед собой родные места: весеннее болото, острые, как стрелы, тростники, стройные тополя, ясень и ольху, одетые в свои весенние, зеленые покровы. Он слышал, как перекликаются цапли, чирки, синицы, вяхири, как падает веселый, животворящий дождь. И в воде, и в траве, и в чаще деревьев сыну Леопарда мерещился образ стройной Гаммлы. Вся человеческая радость заключалась в этом гибком теле, в этих тонких руках, в округлом животе дочери Фаума.

Помечтав у огня, Нао нарвал нежных трав и побегов, чтобы поднести их вожаку мамонтов. Он понимал, что союз с гигантами будет прочным только в том случае, если его возобновлять каждый день. Затем он выбрал местечко для отдыха в самой середине громадного стада и растянулся там, приказав Наму стать на стражу.

– Если мамонты покинут пастбища, – сказал Нам, – я разбужу сына Леопарда.

– Пастбище обильно и велико, – ответил Нао, – мамонты будут пастись здесь до вечера.

И он заснул сном глубоким, как смерть.

Когда он проснулся, солнце уже склонилось над саванной.

Облака, цвета сурика, громоздились и потихоньку вбирали в себя желтый диск солнца, похожий на огромный цветок водяной лилии. Нао почувствовал боль в суставах ног, по телу пробежала лихорадка, но шум в ушах уменьшился и боль в плече утихла. Он встал, посмотрел сперва на огонь, затем спросил у стража:

– Кзаммы вернулись?

– Они не уходили. Они ждут на берегу реки, возле острова с высокими тополями.

– Хорошо! – сказал сын Леопарда. – У них не будет огня в долгие сырые ночи, они потеряют мужество и вернутся в свою орду. Пусть Нам идет спать.

В то время как Нам растянулся во мху, на листьях, Нао следил за Гавом, метавшимся в бреду. Молодой воин был очень слаб, тело его горело; он тяжело дышал, но рана больше не кровоточила, и Нао понял, что опасность не угрожает жизни его молодого товарища.

Сын Леопарда наклонился над огнем, ему страстно хотелось развести большой костер, но он понимал, что это может не понравиться мамонтам.

Пришлось отложить это до других, лучших дней.

Прежде всего надо добиться у вожака мамонтов разрешения провести ночь под защитой стада. Нао глазами отыскивал гиганта, который, как всегда, был один, чтобы лучше и спокойнее наблюдать за стадом и окрестностями.

Мамонт бродил среди низкорослых деревьев, верхушки которых едва возвышались над землей. Сын Леопарда нарвал корней съедобного папоротника, собрал болотных бобов и направился к вожаку мамонтов; при его приближении животное перестало обгладывать деревья, медленно подняло свой волосатый хобот и даже сделало несколько шагов по направлению к Нао. Видя в руках у него пищу, мамонт выразил удовольствие. Уламр протянул корм и сказал:

– Вождь мамонтов! Кзаммы стерегут уламров на берегу реки, уламры сильнее кзаммов, но их трое, а кзаммов много. Они нас убьют, если мы уйдем от мамонтов.

Мамонт, сытый после хорошей дневной пищи, медленно поедая принесенные лакомства. Кончив, он посмотрел на заходящее солнце, лег на землю и обвил своим хоботом тело человека. Нао решил, что дружба установлена и что сам он, Гав и Нам могут оставаться под защитой мамонтов до полного выздоровления. Быть может, гигант даже позволит им разжечь огонь и попробовать приятных на вкус жареных корней, каштанов и мяса?

Тем временем солнце засверкало на западе и облило багрянцем великолепные облака. Это был вечер, красный, как цветок индийского тростника, желтый, как лютики, фиолетовый, как костер на осеннем берегу. Огни его разрывали глубину реки, это был один из прекрасных вечеров земли. В небе возникали озера, острова, пещеры, переливавшиеся цветами магнолий, шиповника, шпаклика, отсвет которых трогал дикую душу Нао. Молодой воин спрашивал себя: кто же освещает эти неизмеримые пространства, какие люди и какие животные живут за небесными горами?

Уже три дня жили уламы под защитой мамонтов. Мстительные кзаммы продолжали бродить по берегу Большой реки в надежде поймать и пожрать людей, которые надсмеялись над ними, перехитрив их, и отняли у них огонь. Нао их больше не боялся, его дружба с мамонтами была прочна. Силы его восстанавливались с каждым днем; в голове больше не шумело, рана на плече, не очень глубокая, затягивалась быстро, лихорадка прошла.

Гав тоже выздоравливал. Часто уламы, взобравшись на вершину холма, бросали вызов противнику, Нао кричал:

– Зачем вы бродите вокруг мамонтов и уламов? По сравнению с мамонтами вы – как шакалы перед медведем. Ни одна палица, ни один топор кзаммов не могут противиться палице и топору Нао. Если вы не уйдете, мы заманим вас в ловушку и уьем!

Нам и Гав издавали воинственные крики, грозили копьями; но кзаммы не обращали на это внимания. Они бродили в зарослях, среди камышей, по саванне и в лесу, подстерегая врага.

И хотя уламы были бесстрашны, им все же очень не нравилось присутствие кзаммов. Оно мешало им продолжать путь, оно угрожало их будущему: ведь рано или поздно уламам придется покинуть мамонтов и идти на север. Сын Леопарда измышлял способ отогнать врага.

Он продолжал воздавать почести вожаку мамонтов.

Трижды в день собирал он для него вкусный корм и проводил немало времени возле своего друга, стараясь понять его язык и научить его своему. Мамонт охотно слушал человеческую речь, наклонив голову, и казался задумчивым; иногда странный свет вспыхивал в его коричневых глазах, он прищуривался, будто смеялся. Тогда Нао думал: «Большой мамонт понимает Нао, но Нао его не понимает». Мало-помалу мамонт научился понимать слова, смысл которых не вызывал сомнений. Когда уламы вскрикивал: «Пища!», мамонт тотчас же подходил, ибо он знал, что это слово означает свежие стебли и плоды. Иногда они перекликались друг с другом даже без надобности, при этом мамонт издавал тихое ворчание, а Нао отвечал ему одним или двумя слогами. Это сближение радовало обоих. Человек садился на землю, мамонт расхаживал вокруг него, иногда, играя, поднимал его осторожно своим хоботом.

Нао приказал своим товарищам воздавать почести двум другим мамонтам. Уламы всячески старались выразить им свою привязанность; от них только это и требовалось. Нао научил товарищей, как приучить гигантов к человеческому голосу; через пять дней мамонты шли на зов Нама и Гава.

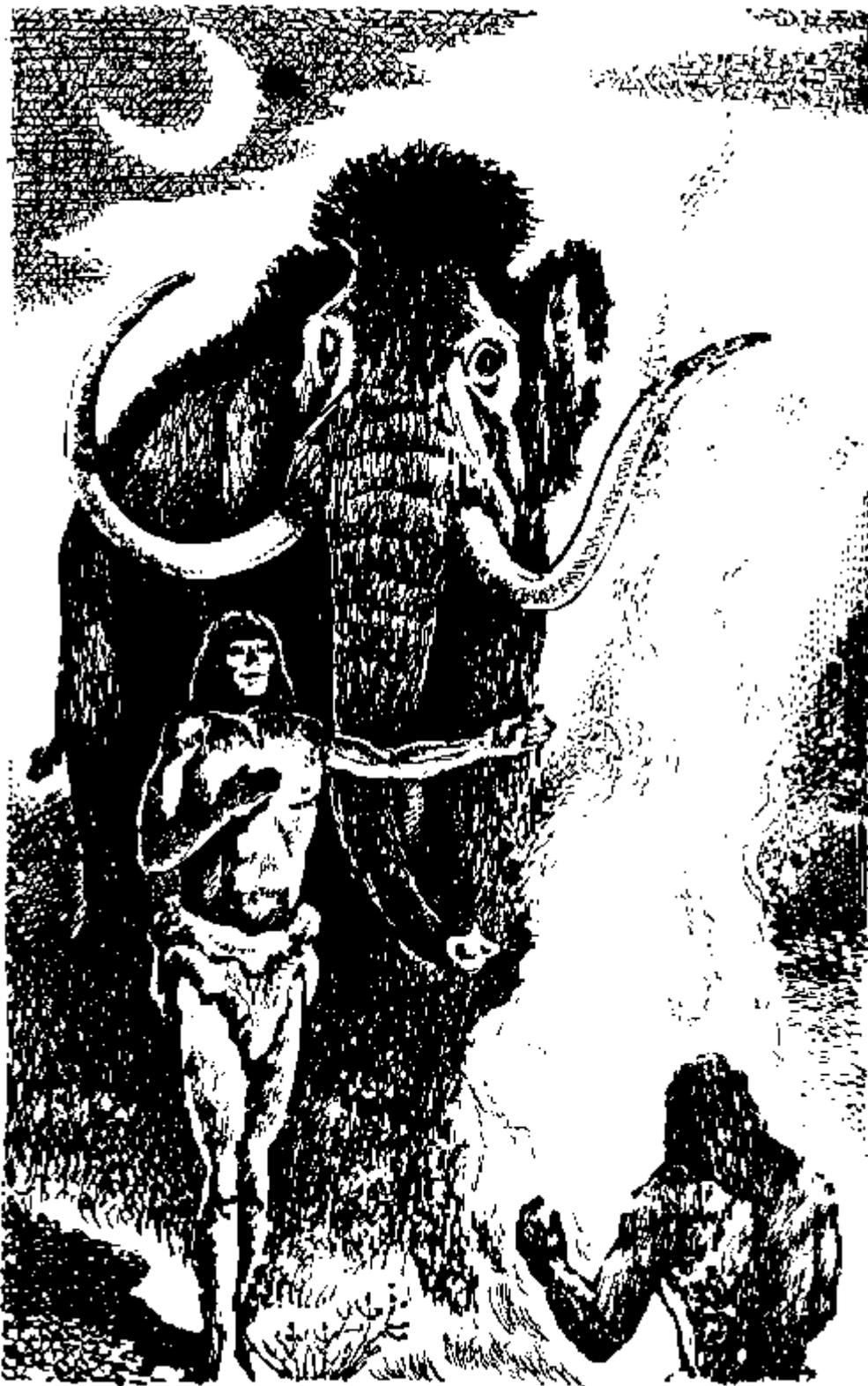
Уламы были счастливы. Однажды вечером, прежде чем растаяли сумерки, Нао собрал сухих трав и веток и осмелился их зажечь. Воздух был свеж и прохладен, ветра не было. Пламя разгорелось, сначала черное от дыма, затем яркое, ворчащее, цвета утренней зари.

Со всех сторон сбежались мамонты. Они шевелили своими длинными хоботами, глаза их светились беспокойством. Некоторые из них издавали трубные звуки. Они знали, что такое огонь! Они видели его в саванне и в лесу, во время пожаров, вызванных молнией. Тогда он преследовал их с невероятным треском. Его дыхание сжигало тело, его зубы кусали их неустойчивую кожу; старики помнили о своих товарищах, схваченных этим ужасным существом, – они так и не вернулись из его плена. С испугом и угрозой смотрели они на пламя, вокруг которого стояли маленькие люди.

Нао, чувствуя, что мамонтам не нравится огонь, пошел к вожаку и сказал ему:

– Огонь уламов не может бегать, он не бросится на мамонтов. Нао взял его в плен, он посадил его в землю, где нет для него пищи.

Великан подошел на расстояние десяти шагов к огню, долго смотрел на него, любопытный, как и его собраты, затем проникся к нему каким-то смутным доверием и, увидев, что его слабые друзья совершенно спокойны, успокоился и сам.

Так как в течение долгих лет его волнение или спокойствие отражалось на поведении всего стада, последнее мало-помалу перестало бояться огня уламров; ведь он был неподвижен и не скакал, как тот ужасный огонь, какой преследовал их в степи и в лесу.

Итак, Нао мог теперь разводить костер и разгонять им мрак.

В этот вечер он с аппетитом поел жареных корней, грибов и мяса.

Прошло шесть дней, но кзаммы все еще не снимали своей осады.

Теперь, когда Нао окончательно восстановил свои силы, бездействие тяготило его; он стремился на север. При виде волосатых кзаммов, сновавших среди платанов, его охватил гнев. Однажды он воскликнул:

– Кзаммам не придется полакомиться мясом уламров!

Затем он позвал своих товарищей и сказал им:

– Вы позовете мамонтов, с которыми вы заключили союз, а за мной последует вожак. Мы сумеем победить пожирателей людей.

Спрятав огонь в надежное место, уламры двинулись в путь. По мере того как они удалялись от стада, они старались насколько возможно ублажать мамонтов, собирая для них корм, и Нао время от времени разговаривал с ними тихим голосом. Однако, отойдя на некоторое расстояние, мамонты заколебались. Чувство ответственности перед стадом возрастало у них с каждым шагом. Они то и дело останавливались, поворачивая головы к западу. Сын Леопарда подошел к вожаку, обнял своего союзника за хобот и сказал:

– Кзаммы спрятались в кустарниках. Если мамонты помогут нам их победить, они больше не осмелятся бродить вокруг лагеря.

Но вожак оставался безучастен. Он упорно смотрел назад, на далекое покинутое им стадо. Нао знал, что кзаммы спрятались в нескольких полетах копья, и не мог отказаться от нападения. Он скользнул в траву в сопровождении Нама и Гава. Просвистели дротики. Кзаммы поднялись над зарослями, чтобы лучше метить в противника. Нам издал протяжный, призывный клич. Вожак мамонтов, казалось, понял. Он громко затрубил, сзывая все стадо. Затем в сопровождении двух других вожаков устремился на пожирателей людей.

Тогда Нао, размахивая палицей, а Нам и Гав с топорами в левой руке и дротиками в правой бросились вперед. Испуганные кзаммы спрятались в зарослях. Ярость охватила мамонтов; они напали на беглецов, будто перед ними был носорог. С берега Большой реки бурой массой двигалось стадо. Земля дрожала от их топота. Волки, шакалы, козы, олени, лошади, кабаны бежали, как от потопа.

Вожак мамонтов первым настиг одного из кзаммов. Тот бросился на землю, воя от ужаса, но мускулистый хобот уже изогнулся, чтобы схватить его; он подбросил человека на десять локтей вверх, а когда тот упал, мамонт большущей ногой раздавил его, как насекомое. Вслед за первым погиб, разорванный клыками, второй кзамм. Третий извивался и выл, поднятый в воздух могучим хоботом. Между тем приблизилось все стадо. Оно, как наводнение, поглотило равнину; земля колыхалась и вздымалась, как чья-то широкая грудь. Все кзаммы, находившиеся между берегом реки и вершиной холма, были растоптаны и превратились в кровавую грязь. Только тогда ярость мамонтов стала утихать.

Вожак, достигнув подножия холма, подал сигнал к окончанию боя. Животные остановились со сверкающими еще глазами, тяжело дыша.

Кзаммы, избегнувшие гибели, в беспорядке бежали к югу. Больше нечего было опасаться их козней. Они навсегда отказались от преследования уламров; онинесли своей орде поразительную новость – рассказ о союзе людей Севера с мамонтами, легенду, которая будет повторяться бесчисленными поколениями.

В течение десяти дней спускались мамонты к низовьям реки. Жизнь их была прекрасна. От хорошего корма мощью наливалось их тело, обильная пища ждала их при каждом повороте реки: в болотной тине, в черноземе равнин, в чаще густых лесов.

Ни одно животное не потревожило их на пути. Этим властелинам земли была всюду обеспечена победа. Сознание своего могущества сделало их миролюбивыми. Тысячелетняя привычка определяла строгий порядок их стада, походный строй, помогала им находить наилучшие пастбища, согласовывала все их действия. Они обладали утонченным зрением, чутким обонянием, острым слухом.

Огромные и в то же время гибкие, тяжеловесные, но и подвижные, они так же свободно передвигались по земле, как и по воде.

Ощупывать преграды, обнюхивать, срывать травы и плоды, выкорчевывать деревья, месить землю – для всего этого им служил орудием хобот, который мог обвиваться, как змея, душить, как медвежьи лапы, и работать не хуже человеческих рук. Их бивни рыли землю, одним ударом своей ноги они могли раздавить льва.

Ничто не ограничивало их могущества. Время, как и пространство, принадлежало мамонтам.

Кто мог нарушить их покой? Кто мог помешать их размножению?

Так думал Нао, сопровождая великанов. Он с радостью прислушивался, как гудела земля под их ногами, с гордостью смотрел на стадо, растянувшееся вдоль реки под осенними ветвями; при их приближении все животные убегали, а птицы, чтобы лучше их рассмотреть, спускались с неба или взлетали над камышами.

Это были счастливые дни, полные безопасности и приволья, и, если бы не воспоминание о Гаммле, Нао был бы не прочь, чтобы они продолжались вечно. Теперь, когда он узнал мамонтов, он находил их менее жестокими, более справедливыми, чем люди. Их предводитель не был, как Фаум, страшен даже для своих друзей, он вел стадо без угроз и без вероломства. Ни один из них не был так жесток, как Аго и его братья.

На рассвете, когда река начинала сесть на востоке, мамонты просыпались. Подняв хоботы, они оглушительно трубили, приветствуя рождение дня. Резвясь, они гонялись друг за другом по излучинам реки, затем собирались группами, взволнованные простой глубокой радостью жизни, и принимались за пищу; не спеша и без труда выкорчевывали корни, срывали свежие стебли, траву, грызли каштаны и желуди, пробовали маховики, сморчки. Наевшись, спускались всем стадом к водопою. Тогда их масса становилась более плотной и более внушительной.

Нао, взобравшись на какой-нибудь холм или скалу, любил смотреть, как двигаются они вдоль берега реки.

Их спины колыхались, как огромные волны, их ноги выдавливали в глине целые ямы, их уши казались гигантскими летучими мышами, вот-вот готовыми улечь; гибкие, подвижные хо-

боты походили на стволы ракитника, покрытые грязноватым мохом; клыки, гладкие и сверкающие, напоминали рога тины.

Наступал вечер. Облака отражали величие земли, фиолетовым туманом расстилалась кровавая ночь, огонь становился ярче. Уламы давали ему обильную пищу. Он жадно поглощал сосновые сучья, сухие травы; задышался, грызя иву; его дыхание становилось едким, когда он поглощал сырые стебли и листья.

По мере того как он увеличивался, его тело становилось светлее, голос громче, он высушивал и согревал холодную землю и прогонял мрак на тысячу локтей. Привлеченный запахом поджариваемых каштанов, корней и мяса, большой мамонт часто приходил посмотреть на огонь. Животное стало привыкать к нему, наслаждалось его лаской и светом, устремляя на него свои задумчивые глаза. Мамонт следил за движениями уламов, когда они бросали ветки и злаки в алую пасть костра. Быть может, он чувствовал смутно, что род мамонтов был бы еще сильнее, если бы мог пользоваться огнем.

Однажды вечером мамонт подошел к огню ближе, чем обычно, приблизил хобот, принявшись к дыханию, исходящему от этого животного с меняющимися формами. Он остановился и долго стоял неподвижно, похожий на сланцевую скалу; затем схватил хоботом большую ветку, подержал ее в воздухе и, наконец, бросил в пламя. Она вызвала полет искр, затем затрещала, зашвистела, задымилась и, в конце концов, вспыхнула. Тогда, наклонив голову, с довольным видом, мамонт подошел к Нао, положил хобот к нему на плечо. Нао не двинулся. Охваченный изумлением и восхищением, уламы подумал, что мамонты умеют поддерживать огонь, как и люди, и спрашивал себя, почему же тогда они проводят ночи в холоде и мраке?

С этого вечера вожак мамонтов сблизился еще больше с уламами. Он помогал им собирать запасы дров, кормил огонь с неменьшей ловкостью и осторожностью, чем люди, любил раздумывать при его пурпуровом или ярко-малиновом свете.

Новые впечатления внедрялись в его огромный мозг, они устанавливали связь между мамонтом и уламами. Он понимал теперь уже довольно большое количество слов и жестов людей и приучил их понимать себя.

Мамонты продолжали спускаться вдоль Большой реки. Настал день, когда путь стада разошелся с путем, ведущим к становищу уламов. Река, которая до сих пор текла на север, повернула на юго-восток. Так как стадо шло берегом реки, то приходилось его покинуть. Нао забеспокоился – так радостно было жить среди этих друзей, таких громадных и благожелательных. После спокойной, безопасной жизни одиночество представлялось ему особенно страшным.

Там, в этой дождливой осени, в этих лесах, полных дикого зверья, на этих огромных болотистых лугах уламов ждали на каждом шагу всяческие напасти и западни, суровость природы и коварство хищников.

Однажды утром Нао подошел к вожаку мамонтов и сказал ему:

– Сын Леопарда заключил союз с мамонтами. Его сердцу это было радостно, он готов был следовать за ними еще долгое время, но он должен вернуться и увидеть Гаммлу на берегу Большого болота. Путь его лежит на северо-запад. Почему мамонты не покинут берегов реки?

Нао оперся на клык мамонта; животное, чувствуя его волнение, слушало его внимательно.

Затем вожак медленно покачал тяжелой головой и снова пустился в путь, ведя за собой стадо вдоль реки. Нао принял это за ответ. Он сказал себе:

– Мамонтам нужна вода.

Он глубоко вздохнул и позвал своих товарищей. Когда стадо скрылось из виду, Нао поднялся на холм. Он издали следил за вожаком, который принял его так ласково и спас от кзаммов. На сердце у него было тяжело: печаль и страх охватили Нао; и, глядя на северо-запад, на степь и на осенние заросли, он почувствовал все ничтожество человека, и сердце его преисполнилось уважением к мамонтам и их силе.

Часть третья

Глава I Рыжие карлики

Шли сильные дожди. Уламры вязли в топкой грязи, пробирались сквозь заросли, переходили холмы, отдыхали под защитой деревьев, в ущельях скал, в расщелинах земли. Был грибной сезон. Все трое, зная, что грибы ядовиты и могут убить человека так же легко, как змеиный яд, собирали только те из них, о которых они знали от стариков, что они съедобны. Когда не было мяса, уламры шли в те места, где водились белые грибы, лисички, сморчки, моховики, они находили их в тени мшистых вязов, ржавых смоковниц, в спящих долинах, под откосами гор. Теперь, когда они завоевали огонь, они могли жарить грибы, нанизывая их на сучья, или раскладывали на камни и даже на глину. Таким же способом поджаривали они корни и желуди, иногда каштаны. Они грызли орехи и плоды букового дерева, собирали семена клена и пили сладкий кленовый сок.

Огонь был их радостью и горем. Во время ураганов и дождей они защищали его, прибегая ко всяческому хитростям. Когда дожди шли слишком упорно и обильно, необходимо было искать для огня надежное убежище; если его не находилось среди скал, деревьев или в земле, его надо было рыть или строить. За этим занятием уламры теряли много дней. Не меньше времени теряли они на обходы всяких препятствий. И, быть может, желая сократить свой путь, они, сами того не сознавая, даже удлиняли его. Они направлялись к стране Уламов, руководясь инстинктом и неточными указаниями солнца и звезд.

Неожиданно перед ними открылась песчаная пустыня с разбросанными по ней валунами гранита.

Казалось, она заполняла собой весь северо-запад, грозный, убеленный сединой, скудный край. Кое-где встречалась колючая жесткая трава; несколько жалких сосен росли на дюнах; лишай обглаживали камни, свисая бледными клочьями; редко-редко пробегал по склонам холмов трусливый заяц или малорослая антилопа.

Дождь затихал, тощие облака летели к югу вместе с гусями, бекасами и журавлями.

Нао колебался – идти ли в эту пустынную местность. День уже склонялся к вечеру; землистый, грязноватый свет скользил по земле, ветер гудел глухо и заунывно.

Уламы, повернувшись лицом к пескам, почувствовали на себе дыхание пустыни. Но так как мясо было у них в изобилии и огонь ярко горел в клетках, они решили идти напрямик.

Минуло пять дней, а все еще не было видно конца равнинам и голым пескам. Запасы пищи истощались. Путников мучила жажда; животные бежали от их ловушек, песок поглощал всю воду.

Не раз уламы опасались за судьбу огня, который нечем было поддерживать. На шестой день трава стала более густой и не такой жесткой, сосны уступили место смоковницам, платанам и то-

полям, чаще стали попадаться лужи воды, затем земля почернела, небо с плотными облаками спустилось ниже. Уламы провели ночь под осиной, у костра из ноздреватых дров и листьев, которые дрожали под ливнем и издавали удушливый запах.

Нао сторожил первым, затем была очередь за Намом. Молодой уламы ходил возле костра, следил за ним; оживляя огонь с помощью веток, он сушил их, прежде чем дать их огню в корм. Тяжелое пламя с трудом пробивалось сквозь густой дым, свет расстилался по глине, скользил среди низкорослых деревьев, окрашивая в красный цвет листву. За пределами освещенного круга стояла тьма; в лужах воды она напоминала тяжелую жидкость.

Нам наклонился к огню, грея руки, прислушивался; в глубине этой темноты таилась опасность: человек легко мог быть разодран когтями или челюстями, раздавлен тяжестью ног, мог умереть от укуса змеи, удара топора.

Воин задрожал всем телом, все чувства его напряглись: он понял, что вокруг огня бродит какое-то живое существо. Он тихонько толкнул вождя. Нао бесшумно вскочил на ноги и в свою очередь стал вслушиваться в ночные звуки. Нам не ошибался: поблизости проходили какие-то живые существа; испарения влажных растений и дым поглощали их запах, и тем не менее сын Леопарда догадался, что это были люди. Он сильным ударом рогашины расшевелил костер: пламя взвилось и озарило несколько людей, притаившихся в зарослях.

Нао разбудил Гава.

– Здесь люди! – прошептал он.

Собравшись кучей, они долго вглядывались в то место, где показались люди.

Но никто не появлялся. Было совсем тихо, слышался только легкий шум дождя. Порывы ветра не доносили никаких запахов. Где же была опасность? Кто скрывался в темноте: целое племя или только несколько воинов? Как следовало поступить – бежать или сражаться?

– Стерегите огонь, – сказал наконец Нао.

Уламы долго следили, как уменьшалась постепенно фигура их вождя, как, наконец, темнота поглотила его окончательно. Сделав поворот, Нао пошел к зарослям, туда, где при вспышке пламени он увидел скрывавшихся людей. Он подолгу останавливался с топором и палицей в руках; иногда прикивал ухом к земле, старался продвигаться вперед не по прямой линии, а все время делал сложные повороты. Почва размякла от дождей, и он шел совершенно бесшумно. Даже чуткое ухо волка не могло бы уловить шум его шагов. Время шло. Нао не слышал и не ощущал ничего, кроме дождя, дрожания растений и шороха мелких животных.

Он обогнул кустарник и вернулся на прежнее место; нигде не было ни одного человеческого следа.

Нао несколько этому не удивился: инстинкт подсказывал ему, что надо идти по направлению к холму, который он заметил еще в сумерках. Взобравшись на холм, Нао увидел сквозь туман свет в ущелье, – он узнал огонь людей.

Расстояние было так велико, а воздух так непрозрачен, что он с трудом различил несколько бесформенных теней. Но он не сомневался, что это были люди. Его охватила дрожь, как тогда, на берегу озера, когда он увидел впервые огонь в становище пожирателей людей. На этот раз опасность была больше, ибо незнакомцы узнали о присутствии уламов раньше, чем были обнаружены сами.

Нао вернулся к своим товарищам.

– Там люди! – прошептал он, указывая на восток. – Надо живить огонь в клетках, – прибавил он после паузы.

Он доверил это Наму и Гаву, а сам стал нагромождать вокруг костра охапки хвороста, которые должны были заслонить собой людей. Когда огонь разгорелся в клетках и запасы пищи были уложены, Нао приказал собираться в путь.

Дождь стал утихать; ветра не было. Придуманная Нао хитрость должна была помочь уламам уйти на много тысяч локтей, прежде чем враги заметят их бегство. Думая, что уламы по-прежнему находятся у костра, враги осторожно окружают его и будут выжидать удобной минуты для нападения.

На рассвете дождь прекратился совсем. Печальный свет поднялся на востоке, заря нехотя

выплыла из-за туч. Уламы поднимались по невысокому холму; когда они взобрались на вершину, то увидели сначала только саванну, заросли и леса цвета охры, с голубыми и рыжими просеками.

– Люди потеряли наш след, – прошептал Нам.

Но Нао ответил:

– Люди преследуют нас!

И действительно, в изгибе реки показались два человека, за ними следовало еще около тридцати. Несмотря на большое расстояние, Нао рассмотрел, что люди были очень маленького роста, но различить, какого рода оружие было при них, он не мог. Они не видели уламов, спрятавшихся среди деревьев. Число врагов все увеличивалось. Однако они казались не такими ловкими и быстрыми, как уламы.

При отступлении уламам пришлось бы пересекать почти обнаженную равнину. Лучше было идти вперед, рассчитывая на усталость врага. Теперь уламы спускались с холма, поэтому проделали большую часть пути совсем не утомившись. А когда обернулись и увидели преследовавших их людей, которые, жестикулируя, стояли на гребне холма, то поняли, что намного опередили их.

Местность становилась все более неровной. Стали встречаться то вздувшиеся, точно застывшие в конвульсиях, меловые равнины, то пространства, покрытые колючими растениями, то заросшие травой болота, не различимые издали; приходилось все время их огибать. Беглецы почти что не продвигались вперед. Они теряли терпение. Затем показалась красноватая земля с несколькими жалкими соснами, очень высокими и очень хилыми, окруженная болотами. Наконец уламы увидели саванну. Нао очень обрадовался. В это время неподалеку от него появилась кучка людей. Те же ли это карлики, что он видел утром? Быть может, местность им хорошо знакома и они успели обойти беглецов более короткой дорогой? Или это был другой отряд из того же племени? Они были уже достаточно близко – их легко можно было разглядеть. Что за крохотный народец! Самый высокий из них приходился по грудь Нао! У них были круглые головы, треугольные лица, кожа – цвета охры.

Несмотря на слабое, тщедушное сложение, при виде уламов они издали клич, похожий на карканье ворон, стали размахивать рогатинами и дротиками.

Сын Леопарда рассматривал их с удивлением. Он принял бы их за детей, если бы не старческий вид некоторых из них, бороды, покрывавшие пучками их лица, если бы не оружие в их руках. Вряд ли они первыми осмелятся напасть на уламов! И действительно, карлики не собирались

этого делать. А когда уламры подняли свои палицы и копья, когда голос Нао, заглушающий их голоса, как рычание льва заглушает карканье ворона, раздался на равнине, карлики убежали. Но все же они были в воинственном настроении: кричали все вместе, и крики их были полны угрозы. Затем они образовали полукруг. Нао понял, что карлики хотят их окружить.

Опасаясь больше их хитростей, нежели силы, он дал знак к отступлению. Уламры без труда убежали от карликов, несмотря на то, что ноши уламов – клетки с огнем – затрудняли их бег. Но Нао был осторожен. Он приказал своим воинам продолжать путь, а сам, поставив клетку с огнем на землю, стал наблюдать за неприятелем.

Трое или четверо карликов опередили остальных. Сын Леопарда не терял времени. Он схватил несколько камней и побежал со всех ног к рыжим карликам. Его движение привело их в замешательство. Один из них, должно быть, вождь, издал пронзительный крик, карлики остановились.

Тогда Нао крикнул:

– Нао, сын Леопарда, не хочет зла людям. Он никого из них не тронет, если они прекратят преследование.

Карлики слушали с неподвижными лицами. Видя, что уламир не приближается, они решили возобновить облаву. Тогда Нао, кидая камень, воскликнул:

– Сын Леопарда побьет рыжих карликов.

Мимо Нао пролетели три или четыре дротика. Уламир ранил камень воина, в которого метил, тот упал. Он бросил второй камень, но промахнулся, затем третий – камень ударил в грудь воина.

Тогда он сделал насмешливый жест, показывая четвертый камень, затем с грозным видом метнул дротик.

Рыжие карлики понимали жесты лучше, чем слова, они знали, что дротик опаснее камней. Передние воины смешались с остальным отрядом, и сын Леопарда удалился медленными шагами. Карлики следовали за ним на некотором расстоянии. Каждый раз, когда тот или иной воин опережал своих товарищей, Нао ворчал и замахивался оружием. Таким образом, они поняли, что им значительно опаснее идти врассыпную, и Нао, достигнув цели, продолжал свой путь.

Уламры бежали большую часть дня. Когда они остановились, рыжих карликов уже не было видно. Тучи разорвались, солнце светило из синей расщелины облаков. Почва, вначале твердая, становилась все более податливой, она скрадывала топи, в которых вязли ноги. Появились большие пресмыкающиеся, сверкали водяные змеи с серо-зелеными телами, с глухим кваканьем скакали лягушки, пугливые длинноногие птицы рассекали воздух дрожащим, как осиновые листья, полетом.

Воины наспех закусили, боясь неожиданностей, они спешили уйти из этой опасной страны. Иногда им казалось, что они уже скоро выберутся из этих мест. Земля становилась более твердой; бук, смоковница, папоротник заступали место тополей, ив и болотных трав. Но вскоре опять потянулась низина со стоячей, гнилой водой, где на каждом шагу подстрекала какая-нибудь западня. Приближалась ночь. Солнце окрасилось в цвет свежей крови; оно опускалось на запад в торфяники и болота.

Уламры могли рассчитывать только на свою храбрость и ловкость; они продвигались вперед, пока брезжил свет в глубине небесной тверди. Затем пришлось остановиться. Впереди была равнина, позади – хаос, где неясный свет чередовался с темными провалинами. Уламры нарвали веток, сгрудили несколько больших камней и соединили все это с помощью ив и лиан; теперь они находились под надежной защитой. Но они остерегались разводить костер и довольствовались маленькими огоньками, наполовину спрятанными в земле. Они чего-то ждали, каких-то событий.

Глава II

Гранитная тропа

Ночь прошла. При мерцающем свете звезд никто из уламов, ни Нам, ни Гав, ни вождь, не видели больше карликов; они только слышали и обоняли влажный ветер, болотных животных, хищных птиц с мягкими крыльями. Когда утро разлилось, как серебряный туман, пустыня показала свое угрюмое лицо, а за ней расстились безграничные болота с глинистыми островками.

Если уламы удалятся от берегов, они наверняка встретят рыжих карликов. Следовало идти по границе между степью и болотом в поисках выхода, а так как ничто не указывало, какой путь им лучше избрать, они пошли по дороге, которая казалась им менее опасной.

Вначале дорога была сносной. Почва достаточно твердая, только кое-где перерезанная маленькими лужицами и низкорослой растительностью. К полудню кустарник и деревья стали встречаться чаще. Приходилось все время наблюдать за узким горизонтом. Нао не подозревал, что рыжие карлики близко. Если они не прекратили погони, они должны идти по следам уламов и, следовательно, значительно от них отстать.

Запасы мяса истощились. Уламы приблизились к берегу, где было много дичи. Они прозевали дрофу, укрывшуюся на острове. В устье ручья Гав поймал маленького леща. Нао проткнул копьем коростеля. Нам выловил несколько угрей. Разожгли костер из сухих трав и веток, радуясь запаху жаркого. Уламы считали, что они изнурили вконец рыжих карликов. Они кончали грызть кости коростеля, как вдруг из зарослей появились какие-то животные. Нао понял, что они убегают от опасного врага. Он встал, успев разглядеть только чьи-то крадущиеся тени.

– Рыжие карлики нас догнали, – сказал он.

Рыжие карлики укрывались под прикрытием зарослей и могли преградить им путь всяческими препятствиями. Между зарослями и болотом лежала полоска почти обнаженной земли, очень удобная для побега. Уламы поспешили нагрузиться клетками, оружием и оставшимися припасами. Ничто не мешало их бегству. Если враг станет преследовать их по зарослям, он потеряет во времени, будучи менее ловким и стесненным в своих движениях. Дорога лежала между деревьями, кустарниками, высокими травами. Нао был уверен, что опередит карликов, если не встретится какой-либо задержки. Но препятствия не заставили себя ждать. В равнину впивалось своими щупальцами болото – глубокие выемки, лужи, узкие проливы с цепкими растениями.

Дорога становилась трудной, беглецам приходилось кружить, делать обходы, возвращаться назад. В конце концов они очутились на узкой гранитной полосе. Справа – большое болото, слева – земля, затопленная осенними дождями.

Гранитный хребет, постепенно понижаясь, исчез под водой. Уламов с трех сторон окружила вода: приходилось или идти назад, или ждать какой-либо благоприятной случайности.

Это был опасный момент. Если карлики заняли вход на гранитную полосу, всякое отступление становилось невозможным. Нао, склонив голову, с горечью пожалел о том, что покинул мамонтов. Мужество его поколебалось, он познал неуверенность и страх; но это была лишь минутная слабость. Сознание опасности возродило его энергию. Надо было как можно скорее выбраться из этой ловушки. Вдали вздымалась какая-то бурая масса: может быть, остров, а может быть, и продолжение гранитной тропы. Гав и Нао стали отыскивать брод; но всюду было или глубоко, или топко.

Итак, оставалось только вернуться назад. Уламы поспешили повернуть назад. Они пробежали две тысячи локтей и, выйдя за пределы болота, очутились перед густыми зарослями. Нам, шедший впереди, остановился и сказал:

– Там рыжие карлики!

Нао в этом не сомневался. Чтобы окончательно удостовериться, он набрал камней и стал бросать их в чашу, куда указывал Нам; легкий шорох выдал присутствие врага.

Об отступлении нечего было и думать; надо было готовиться к схватке, хотя место, где находились уламы, не давало им никаких преимуществ, а, наоборот, позволяло карликам окружить их. Лучше всего было укрепиться на кусочке этого гранитного ребра. Свет костра защитит их от неожиданностей.

Уламы издали клич войны. Потрясая оружием, Нао воскликнул:

– Рыжие карлики напрасно преследуют уламов, которые сильны, как медведь, и легки, как сайга! Если карлики нападут на них, они потеряют много людей! Один Нао уложит десятерых! Нам и Гав не меньше! Разве карлики хотят потерять двадцать своих воинов, чтобы убить трех уламов?

Со всех сторон – из кустарников, из высокой травы – раздались громкие воинственные крики. Сын Леопарда понял, что карлики хотят войны. Он этому не удивился, разве уламы не убива-

ли людей чужого племени, захваченных около их становища? Старый Гун говорил: «Лучше оставить жизнь волку или леопарду, нежели человеку. Человек, которого ты не убил сегодня, придет завтра с другими людьми, чтобы убить тебя».

Кроме того, Нао отлично знал, что люди двух разных племен ненавидят друг друга больше, чем носорог ненавидит мамонта. Грудь Нао наполнилась гневом, он вызвал противника на бой. С рычанием приблизился он к зарослям. Тонкие дротики засвистели, но ни один из них не попал в него. Нао дико расхохотался.

– Руки рыжих карликов слабы!.. Это руки детей! Нао может каждого из них убить одним ударом топора или палицы...

Сквозь дикий виноград просунулась чья-то голова. Она сливалась с листьями, окрашенными в осенние цвета. Нао увидел сверкающие глаза. Ему захотелось показать свою силу, не прибегая к копыю. Брошенный им камень заставил задрожать листья, раздался пронзительный крик.

– Смотрите, – торжествующе воскликнул уламр, – такова сила Нао!.. Простым камнем он убил рыжего карлика.

И, не обращая внимания на крики разъяренных противников, он повернулся к ним спиной и спокойно зашагал по тропе. В конце ее находилась площадка, где свободно могли уместиться три человека. Это место было удобно тем, что карлики не могли ни напасть на уламов всей толпой, ни окружить их, ни даже подплыть со стороны болота, ибо предательская топь тотчас же засосала бы смельчака.

Еще труднее было достигнуть скалистого островка, который возвышался в шестидесяти локтях от гранитного гребня.

Уламы собрали сухие камыши для вечернего костра. Им оставалось только ждать. Из всех ожиданий это было самое мучительное.

Подкарауливая серого медведя, они надеялись убить животное. Когда они были в плену в пещере под валунами, они знали, что лев-великан рано или поздно уйдет на охоту. Они ни разу не допустили, чтобы пожиратели людей окружили их. Теперь же их осаждает орда, превосходящая их численностью и хитростью. Уничтожить ее невозможно. Дни будут следовать за днями, а орда по-прежнему будет стоять на страже у болота, а если она осмелится напасть, как смогут противостоять ей три человека?

Итак, Нао захвачен силой себе подобных, и к тому же эти существа значительно слабее его: ни один из них не сумеет удавить волка; никогда их легким дротикам не пронзить сердце льва, их рогатины бессильны против зубра, но проткнуть сердце человека они не могут...

Между тем солнце и вода соединили свои блестящие жизни. Вода огромна – не видно ее края, а солнце – это огонь размером в лепесток кувшинки.

Но свет солнца сильнее света воды; он разливается над болотом, наполняет все небо, господствующее над землей. В своем беспокойстве Нао не переставал думать о рыжих карликах, о битвах, о засадах, погоне и бегстве.

Невероятная тяжесть опустилась на его плечи; сердце прыгало, как пантера, он слышал, как бьется оно в его груди.

Временами Нао, стряхивая с себя оцепенение, вскакивал и хватался за палицу, его охватывал воинственный пыл. Рукам не терпелось ударить тех, кто оскорбил его силу, но к нему тотчас же возвращались осторожность и хитрость; без них человек не просуществует и одного дня. Если он сам пойдет навстречу смерти, – это будет слишком большая радость для его врагов. Рыжих карликов надо утомить, их надо напугать, убить у них побольше воинов. К тому же Нао не хочет умирать, он хочет еще увидеть Гаммлу. И хотя он еще не знает, каким образом победить своих врагов, он полон надежды, он чувствует, что не может исчезнуть так, сразу; его жизнь простирается так же далеко, как вода и свет.

Сначала рыжие карлики не показывались вовсе, не то из боязни, не то выжидая какой-нибудь оплошности со стороны уламов.

Они появились лишь к концу дня; выйдя из засады, приблизились к гранитному гребню с какими-то странными подпрыгиваниями. То один, то другой выбежал вперед и что-то кричал, но их вожди хранили молчание, внимательные и настороженные.

В сумерки красные тела закопошились; в пепельном вечернем свете казалось, что какие-то странные шакалы встали на задние лапы. Наступила ночь. Огонь уламов распростер над водой кровавый отсвет. Позади кустарников огни осаждающих окрашивали сумрак в цвет меди. Из темноты выступали и снова исчезали силуэты дозорных. Несмотря на воинственные приготовления, противник держался на большом расстоянии от уламов.

Следующий день казался бесконечным. Карлики непрерывно маячили перед станом уламов, то поодиночке, то целыми толпами. Их широкие скулы свидетельствовали о непреодолимом упрямстве. Чувствовалось, что они неустанно будут преследовать чужеземцев – это был инстинкт, заложенный в них сотнями поколений, без которого они давно погибли бы от более сильных человеческих племен.

И во вторую ночь они не предприняли атаки: хранили глубокое молчание и не показывались вовсе. Даже их огни не были видны – то ли они их не зажигали вовсе, то ли отнесли слишком далеко. На рассвете раздался какой-то странный шорох и треск, словно вместе с людьми двинулся с места и пополз по земле кустарник. Когда совсем рассвело, Нао увидел, что целый вал из ветвей загромоздил подступ к гранитной тропе. За этим укреплением, вызывая крича, прыгали и кривлялись рыжие карлики. Это было прикрытие. Таким образом, они могли пускать дротики, будучи сами невидимыми, могли появиться неожиданно в большом количестве и напасть на врага.

Положение уламов становилось серьезным. Запасы пищи истощались; им пришлось прибегнуть к болотной рыбе. Место для ловли рыбы было неудобное. Они поймали несколько угрей, лещей и бесхвостых гадюк, но все же их большие, сильные тела, их молодость страдали от недостатка пищи. Нам и Гав, еще не совсем оправившиеся от ран, худели и слабели.

Третий вечер не принес никакой перемены. Нао задумался. Правда, убежище уламов было недоступно врагу, но вождь знал, что через несколько дней, если добыча будет так же бедна, его товарищи станут слабее карликов и сам он, пожалуй, не сумеет уж так искусно владеть оружием. Будут ли смертоносны удары его палицы?

Инстинкт подсказывал ему, что нужно бежать воспользовавшись темнотой. Но сначала надо обмануть бдительность карликов и обеспечить себе проход через их становище, – а это было невозможно...

Нао взглянул на запад. Светил месяц; его рога притупились; он опускался возле большой голубоватой звезды, мерцавшей во влажном воздухе. Бесхвостые гады перекликались своими старческими печальными голосами, трепетала среди ночных бабочек летучая мышь; пролетел на своих бледных крыльях филин, видно было, как сверкнула чешуя какого-то пресмыкающегося.

Это был один из тех вечеров, которые были так хорошо знакомы уламам, когда они проводили ночь у своих болот, под ясным небом. В голове Нао закружились воспоминания. Особенно выделялось одно из них, которое смягчило и умилило его, как ребенка.

Племя уламов расположилось у костров; старый Гун рассказывает о прежних временах, легкий ветерок разносит запах жареного мяса, вддали, освещенная луной, светится длинная полоса болот. Появляются три девушки, они бродят вокруг огней, расточая пыл своей молодости, который дневная усталость не могла усыпить; вот они со странным смехом проходят мимо Нао.

Внезапно поднимается ветер, чьи-то волосы касаются лица молодого улама, – это волосы Гаммлы.

При этом воспоминании глубокий вздох вырвался из его груди глубокий вздох... Затем воспоминание исчезло.

Нао снова начал думать о том, как бы спастись. Его охватила лихорадка, он встал, поправил костер и пошел по направлению к рыжим карликам. Он скрежетал зубами. Укрепление из ветвей за этот вечер еще больше приблизилось; быть может, в следующую же ночь враг перейдет в наступление?! Вдруг резкий крик пронзил воздух. Из воды вынырнула какая-то странная фигура. Нао узнал в ней человека. Человек едва полз, из его ляжки текла кровь, он был странного вида, почти без плеч, голова очень узкая. Сперва казалось, будто карлики его не заметили. Потом поднялся невероятный шум, засвистели дротики и копья. Нао встrepенулcя. Он забыл, что человек этот может быть врагом; не чувствуя ничего, кроме ярости против карликов, он побежал к раненому, как он побежал бы к Наму или Гаву. Дротик слегка задел его плечо. Нао поднял раненого и

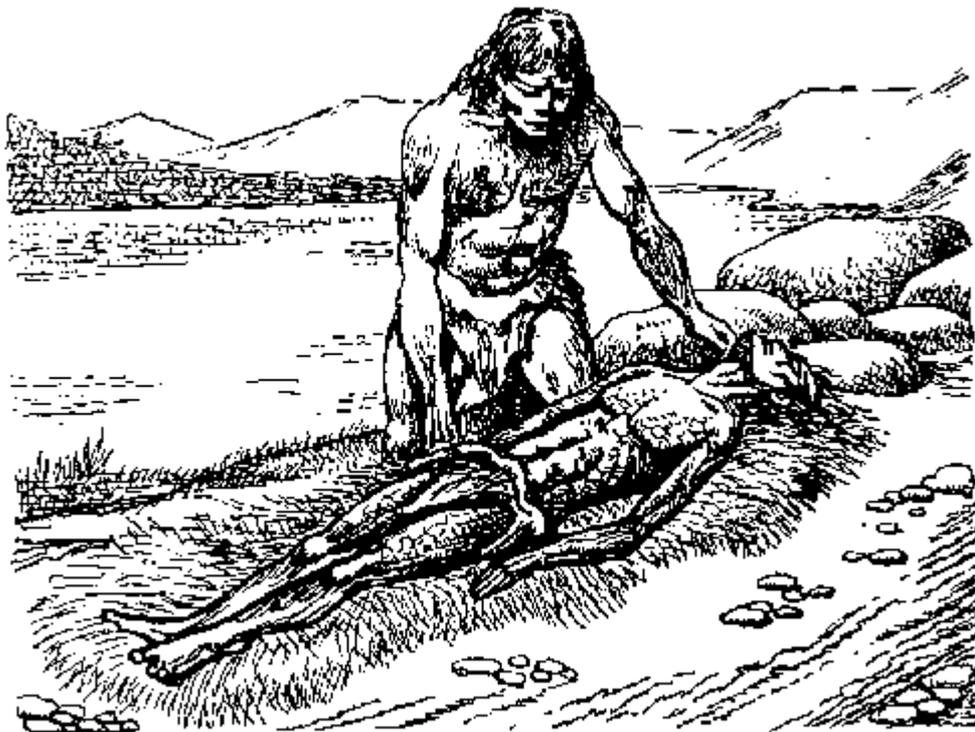
отступил. Камень ударил Нао по голове, второй дротик разодрал лопатку... но Нао уже был в безопасном месте...

В этот вечер карлики еще не решились перейти в наступление.

Глава III Ночь на болоте

Сын Леопарда положил человека на сухую траву и стал рассматривать его с любопытством и недоверием. Это было существо необычайное, отличное от уламов, кзаммов и рыжих карликов. Его удлинённый, остроконечный череп был покрыт редкими тонкими волосами. Глаза темные, тусклые, впалые щеки, слабые челюсти, нижняя челюсть короткая, как у крысы. Но что больше всего поразило вождя – это его тело цилиндрической формы; в нем нельзя было различить плеч, руки шли прямо от туловища, как лапы крокодила, кожа сухая и жесткая, как будто покрытая чешуей, вся в складках. Он походил одновременно на змею и на ящерицу.

С тех пор как Нао положил раненого на подстилку из сухих трав, тот не двигался. Иногда его веки медленно приподнимались, его темные глаза смотрели на уламов. Он хрипло дышал, иногда стонал. Наму и Гаву он внушал отвращение: они охотно бросили бы его в воду. Нао, более любопытный, чем его товарищи, спрашивал себя, откуда пришел незнакомец, как он очутился в болоте, при каких обстоятельствах получил рану, человек ли это, или смесь человека с пресмыкающимся? Он попробовал говорить с ним жестами, объяснить ему, что он его не убьет. Затем указал ему на укрепления карликов, показывал знаками, что от них исходит смерть.

Человек, повернув лицо к вождю, испустил глухой гортанный крик. Нао решил, что незнакомец его понял.

Месяц уже коснулся горизонта, большая голубая звезда исчезла. Человек, наполовину прижавшись к траве, приложил траву к своей ране, иногда в его темных глазах мелькало какое-то слабое мерцание.

Когда луна взошла и звезды протянули над волнами свои сверкающие нити, стало слышно, как работают карлики. Они не спали всю ночь: одни носили ветки, другие их укрепляли. Нао несколько раз вставал, думая начать битву. Но он знал многочисленность врага, его бдительность и хитрость, он понимал, что всякое движение уламов будет тотчас обнаружено, и решил подождать, рассчитывая на счастливую случайность.

Прошла еще одна ночь. Утром карлики метнули несколько дротиков, которые вонзились

возле самого укрепления уламров. Карлики закричали от радости и торжества.

Это был последний день. Очевидно, осада приближалась к концу. С наступлением ночи карлики еще ближе продвинули свои укрепления и начнут нападение. Уламры с гневом и скорбью смотрели на зеленоватую воду, в то время, как голод глодал их желудки. При утреннем свете раненый показался еще более страшным. Его глаза стали похожи на нефрит, его длинное, цилиндрическое туловище извивалось, как червяк, его сухие, вялые руки как-то странно загибались назад.

Вдруг он схватил дротик и ударил им по листу кувшинки; вода забурлила, в ней мелькнуло что-то медно-красное, и человек на конце дротика вытащил огромного карпа. Нам и Гав радостно вскрикнули: рыбы хватит на несколько человек! Они уже не сожалели о том, что вождь спас жизнь этому странному существу.

Они и совсем перестали жалеть об этом, когда человек без плеч наловил им множество рыб, в нем был необычайно развит инстинкт рыболова. Сила возродилась в груди молодых воинов: они еще раз убедились в правильности действий своего вождя. Нам и Гав приободрились, тепло разливалось теперь по их телам, они не думали больше о смерти. Они верили своему вождю и не сомневались, что он спасет их.

Сын Леопарда не разделял этих надежд. Он не находил средств избежать жестокости рыжих карликов. Чем больше он размышлял, тем очевиднее становилась бесполезность всяких хитростей и невозможность найти спасительный выход. Наконец он решил, что может рассчитывать только

на силу своих рук и на ту удачу, в которую верят люди и животные, вышедшие победителями из больших опасностей.

Солнце почти зашло. Небо на западе затянула темная туча, поминутно менявшая свои очертания. Приглядевшись, уламры увидели, что это не туча, а огромная стая перелетных птиц. С шумом ветра и волн летели горланиющие стаи воронов, за ними – журавли с плывущими в воздухе лапками; утки, вытягивающие свои пестрые головы, гуси с тяжелыми бурдюками; скворцы, плотные, как черные камни; дрозды, сороки, синицы, козодои, ржанки.

Без сомнения, там, за горизонтом, произошла какая-то страшная катастрофа, напугавшая птиц и погнавшая их к новым землям. В сумерки за ними последовали и животные. Обезумев, скакали на своих тонких ногах олени, сайги, лошади, промчались ураганом стаи волков и собак, большой желтый лев и львица проделывали прыжки в пятнадцать локтей перед стаей шакалов. Некоторые животные сделали привал у болота и пошли на водопой.

Тогда вновь разгорелась извечная война, приостановленная было паникой: леопард, вскочив на круп лошади, начал перегрызать ей горло; сайга подверглась нападению волков; орел унес в облака цаплю; лев с протяжным ревом хватал убегающую добычу. Появилось какое-то низкорослое животное на коротких лапах, такое же массивное, как мамонт, кожа на нем образовывала толстую морщинистую кору, как на старом дубе. Быть может, лев не знал, что это за животное, ибо он вторично зарычал, потрясая своей страшной головой, своими гранитными клыками и густой гривой. Носорог, раздраженный шумом, поднял рогатую морду и яростно набросился на хищника. Это даже не была борьба. Гибкое желтое тело взлетело в воздух, перекувыркнулось, в то время как морщинистая туша продолжала наступление вслепую, даже не заметив своей победы.

Нао с лихорадочным нетерпением надеялся, что вторжение зверей изгонит рыжих карликов, но он обманулся в своих ожиданиях. Лавина бегущих зверей пронеслась мимо становища карликов, а когда ночь сменила сумерки, на равнине снова зажглись огни, раздались зверский хохот. Затем все стихло. Разве только беспокойный кулик потрепыхает своими крыльями, да прошуршит скворец в ивовых кустах. Или проплывет рыба, потревожив водяные лилии.

Неожиданно на поверхности воды появились какие-то странные существа, они плыли к островку, соседнему с гранитной тропой. Видны были их круглые головы, покрытые водорослями. Их было пять или шесть. Нао и человек без плеч смотрели на них с удивлением и увидели, как они пристали к берегу, вскарабкались на скалистый выступ, затем раздались их голоса, насмешливые и злобные.

Нао с удивлением увидел, что это были рыжие карлики; если он еще и сомневался в этом некоторое время, то крики, раздавшиеся с берега, окончательно рассеяли его сомнения. Он пришел в бешенство, поняв, что карлики, воспользовавшись нашествием зверей, обманули его бдительность. Но как они пробрались сюда? Пока сын Леопарда размышлял об этом, он увидел, что человек без плеч уверенно указывал рукой от берега к островку и затем на гранитную тропу. Нао догадался, что между островком и тропой находился покрытый водой переход. Враг был уже на островке. Уламрам приходилось прятаться за выступами скал, чтобы избежать камней и дротиков.

Снова над болотом воцарилась тишина. Нао бодрствовал под дрожащими созвездиями. Карлики медленно, но уверенно продвигали укрепление из ветвей и хвороста. В конце ночи они могут напасть на уламров. Бой будет нелегким. Уламры отгородили себя кострами, которые занимали всю ширину гребня.

Пока Нао размышлял обо всем этом, в костер упал камень. Огонь зашипел, поднялся легкий пар; упал второй камень.

С похолодевшим сердцем Нао понял замыслы врага. С помощью камней, завернутых в мокрую траву, враг старался потушить огонь, чтобы облегчить проход нападающим. Что делать? Как помешать осуществлению этого плана? Выйти из-под прикрытия и напасть на карликов? Но они притаились в кустах и не видны, между тем как уламры, выйдя на открытое место, освещенное костром, будут прекрасной мишенью для их камней и дротиков.

Камни продолжали сыпаться градом, большинство из них попадало в цель. Костер горел все слабее и слабее, окутанный дымом; укрепление карликов неустанно двигалось вперед. Уламры и человек без плеч дрожали, как затравленные звери.

Костер совсем угасал.

– Нам и Гав готовы? – спросил вождь.

И, не дожидаясь ответа, он издал боевой клич. Но в голосе его, полном гнева, молодые воины не уловили обычной уверенности. Казалось, что Нао все еще колебался. Вдруг его глаза засверкали, пронзительный смех вырвался из груди, он прокричал:

– Укрепление рыжих карликов сохнет на солнце четыре дня!

Кинувшись на землю, он подполз к костру, схватил головешку и изо всех сил бросил ее в движущееся укрепление. Человек без плеч, Нам и Гав присоединились к нему, и все четверо стали бросать один за другим горящие факелы.

Измученный этим странным поведением, неприятель метнул наугад несколько дротиков. Когда он, наконец, понял, в чем дело, сухие листья и ветки укрепления были уже охвачены огнем; огромное пламя бушевало вокруг кустарника и начало проникать внутрь засады. Нао вторично издал боевой клич, на этот раз он звучал гордо и уверенно, и уверенность эта наполнила радость сердца его спутников.

– Уламы победили пожирателей людей, они победят и маленьких рыжих шакалов! – кричал Нао.

Огонь пожирал кустарник, высокое алое пламя извивалось над болотом, привлекая рыб, бесхвостых гадов и насекомых. Птицы подняли страшный шум своими крыльями, смех гиен смешался с воем волков.

Вдруг человек без плеч выпрямился с каким-то странным ревом. Его глаза засверкали, он указал рукой на запад.

И Нао, обернувшись, увидел на соседних холмах зарево, похожее на свет нарождающейся луны.

Глава IV

Сражение в ивняке

Утром следующего дня рыжие карлики стали появляться все чаще и чаще. Их треугольные глаза сверкали гневом, ярость заставляла сжиматься их челюсти. Они издали потрясали своими рогатинами и копьями, делая вид, что пронзают врага, убивают его, разламывают ему череп и вспарывают живот. Нагромоздив новые кучи ветвей, которые они время от времени поливали водой, они двигали эту массу по направлению к гранитному гребню.

Солнце было уже высоко, когда человек без плеч высочил из-за прикрытия и с радостным воплем замахал руками. Над болотом раздался ответный крик. На берегу болота на большом расстоянии уламы увидели человека, как две капли воды схожего с тем, которого они подобрали. Он стоял на краю тростниковых зарослей, в руках у него было какое-то незнакомое оружие. Карлики тоже заметили его: они тотчас же снарядили отряд для преследования незнакомца. Но человек уже исчез в камышах. Нао, пораженный этим странным зрелищем, продолжал рассматривать местность. Ему видны были карлики, рыскавшие вдоль берега по камышам, но мало-помалу все они скрылись из виду, и над болотом снова воцарилась полнейшая тишина. Через некоторое время двое из преследователей вернулись в стан карликов, но сейчас же в сопровождении целого отряда снова пустились в погоню. Нао понял, что произошло какое-то значительное событие. Человек без плеч был, по-видимому, того же мнения. Он неотрывно следил за действиями отряда карликов, издавая временами какие-то отрывистые возгласы.

Таинственные события быстро развертывались. Еще четыре отряда карликов вышли из лагеря и скрылись в зарослях болота. Наконец между ивами появилось человек тридцать мужчин и женщин с длинными головами и узкими туловищами. Это были люди из племени ва, к которому принадлежал и человек без плеч. Рыжие карлики окружили их с трех сторон. Началась битва.

Ва метали дротики не просто руками, а с помощью какого-то предмета, который уламы никогда не видали и о котором не имели ни малейшего представления. Это был толстый прут из дерева или кости, с крючком на конце. Дротик, брошенный при помощи этой палки, летел гораздо дальше, чем брошенный просто рукой.

В первый момент карлики потерпели поражение – многие из них были перебиты. Но пополнение подходило непрерывно и со всех сторон, даже из-за укрепления, расположенного против Нао и его товарищей. Бешеный гнев охватил рыжих карликов. Они кидались в бой с пронзительными криками. Осторожности, которую они проявляли в отношении уламров, как не бывало, быть может, потому, что люди без плеч были им знакомы и они не боялись вступить с ними в рукопашную схватку, а быть может, и потому, что их возбуждала давнишняя вражда.

С первого же момента боя Нао принял твердое решение, которое он даже не успел как следует обдумать. Его толкнула в бой какая-то сила, таившаяся в недрах его существа, отвращение к длительному бездействию и особенно сознание, что победа рыжих карликов может стать его собственной гибелью.

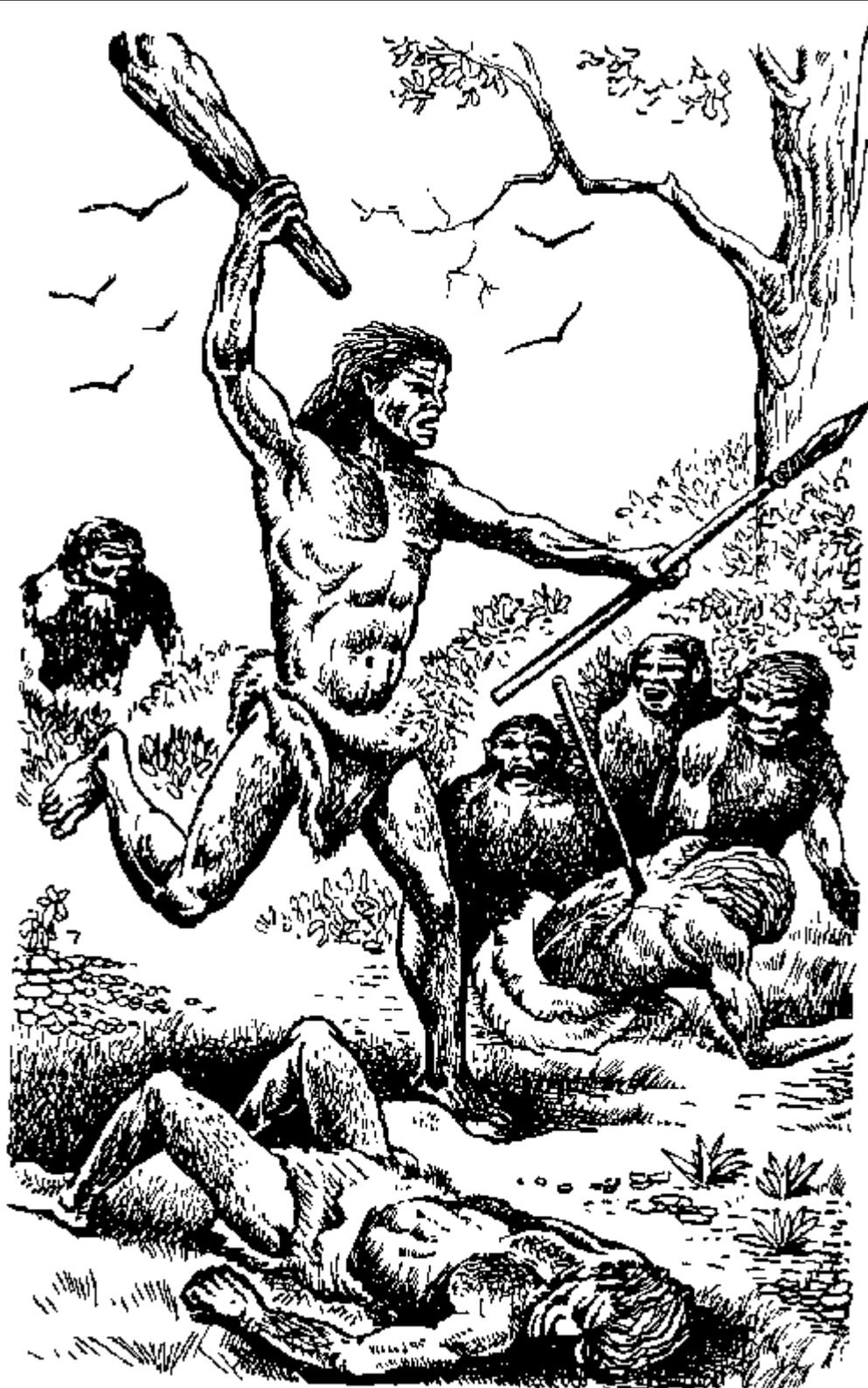
Только одно обстоятельство заставляло его колебаться: как быть с огнем? Покинуть его? Клетки будут мешать в бою и, конечно, сломаются. Но ведь с победой придет и огонь, а за поражением все равно последует смерть.

Выждав подходящее мгновение, Нао дал сигнал, и уламы с криками покинули свое убежище. Их встретили дротиками, но воины быстро добежали до укреплений противника. Там они нашли человек десять-двенадцать карликов, вооруженных рогатинами. Нао метнул в их гущу копье и дротик и взмахнул палицей. Трое карликов упали замертво, еще прежде чем Нам и Гав успели ввязаться в свалку. Но рогатины противника действовали с необычайной быстротой и ловкостью, уламы получили ранения, правда, легкие, ибо удары были слабые и наносились издалека. Три палицы яростно отбивались. Увидев, что упали замертво еще несколько воинов и что на помощь уламам спешит человек без плеч, карлики обратились в бегство. Нао уложил еще двоих; остальным удалось ускользнуть в камыши, но он не стал их отыскивать, горя нетерпением присоединиться к ва.

Тем временем в ивняке началась рукопашная схватка. Только нескольким воинам из племени ва удалось вырваться из свалки; спрятавшись в безопасное место, они продолжали метать дротики при посредстве своих крючковатых палок. Но положение остальных было безнадежным: карлики сражались с неослабевающей яростью и подавляли ва своей численностью. Казалось, карликам была уже обеспечена победа, только чье-нибудь сильное вмешательство могло вырвать ее у них. Уламы это отлично понимали и что есть мочи бежали на помощь к людям без плеч. Когда они приблизились к полю битвы, двенадцать рыжих карликов и десять мужчин и женщин из числа их противников уже валялись мертвыми.

Голос Нао раздался, как рычание льва. Все его существо было сплошным комком ярости. Огромная палица его без разбора крушила черепа, спины и груди врагов.

Хотя рыжие карлики и боялись его силы, все же они не думали, что она может быть столь грозной. Прежде чем они успели оправиться, Нам и Гав в свою очередь налетели на них, в то время как ва, ободренные неожиданной подмогой, начали обстреливать карликов своим странным оружием. Воцарился полнейший беспорядок. Часть карликов пустилась бежать, но остальные, по приказанию вождя, сгрудились в кучу, оцетинившись рогатинами. Наступило нечто вроде передышки.

Ва, в противоположность карликам, прятались в ивняке. Так как они предпочитали пользоваться метательными снарядами, то считали лучшим оставаться под прикрытием.

Снова засвистели дротики. Те из ва, кому не хватало оружия, собирали камни и бросали их при помощи своих снарядов. Нао, подобрав валявшиеся на земле копья и дротики, швырнул их в противника, а затем тоже стал осыпать их камнями. Карлики поняли, что они погибнут, если не перейдут в рукопашный бой. Они бросились в атаку, но встретили пустое место. Ва успели отступить.

Если бы они были так же подвижны, как уламры, нагнать их было бы невозможно; но их длинные ноги были слабы и медлительны. Противники преследовали их поодиночке, преимуще-

ство опять оказалось на стороне карликов. Победа снова склонялась на их сторону. Нао, державшийся в стороне от свалки, пристально следил за ходом битвы. Предводителем рыжих карликов был коренастый человек, седой, с огромными зубами. Нао решил его убить. Пятнадцать воинов окружили вождя. Мужество, более сильное, чем страх смерти, выпрямило высокую фигуру уламара. С ревом зубра кинулся он в бой. Все рушилось под его могучей палицей. Но возле старого вождя оцетинились рогатины, преграждая путь и нанося раны уламару; Нао удалось их отбить. Прибежали на помощь другие карлики. Тогда, позвав своих товарищей, сделав необычайное усилие, Нао опрокинул преграду, и расколол, как орех, крепкий череп вождя.

Подоспевшие Нам и Гав пришли на помощь Нао.

Рыжие карлики дрогнули. Потеряв вожака, они почувствовали себя покинутыми. Смешавшись, они бежали без оглядки к родным землям, озерам и рекам, к своей орде, откуда они черпали храбрость и где надеялись снова ее обрести.

Глава V Вымирающее племя

Тридцать мужчин и десять женщин лежали на земле. Большая часть из них были еще живы. Кровь лилась потоками, руки и ноги были переломаны, черепа раскроены, из животов вываливались внутренности. Часть раненых должна была умереть еще до наступления ночи; другие могли прожить несколько дней, большинство были излечимы. Но рыжие карлики должны были подчиниться закону войны. Сам Нао, неоднократно нарушавший этот закон, признал его необходимым в отношении такого неумолимого врага.

Он предоставил своим товарищам и ва добывать раненых карликов. Это не отняло много времени.

Затем люди без плеч занялись врачеванием ран своих соплеменников. Они делали это более искусно и более уверенно, чем уламары. Нао казалось, что в этом отношении ва превосходят людей его племени, но во всем другом они уступали уламарам. Их движения были вялы и медлительны; чтобы поднять одного раненого, им требовалось усилие двух или трех человек. Иногда их охваты-

вало какое-то странное оцепенение – глаза останавливались, руки опускались как мертвые.

Женщины, пожалуй, были более проворны, ловки и изобретательны. Побыв некоторое время среди ва, Нао заметил, что вождем племени является женщина. Но и у женщин были такие же печальные мутные глаза, такие же грустные лица, как и у мужчин, волосы редкие, растущие пучками, с просветами чешуйчатой кожи. Сын Леопарда невольно вспомнил о густых длинных волосах женщин своего племени, о прекрасных волосах Гаммлы... Несколько женщин и двое мужчин осмотрели раны уламров. Спокойная мягкость исходила от их движений. Ароматными листьями обтирали они кровь, покрывали раны мятой и перевязывали их лианами. Это свидетельствовало о том, что союз между уламами и ва заключен прочно.

Нао подумал, что ва несравненно менее жестоки, чем его соплеменники, пожиратели людей и рыжие карлики. И он не ошибся в своем суждении.

Предки ва научились обтачивать камни и обжигать дерево раньше других людей. В течение тысячелетий племя ва занимало обширные равнины и леса. Тогда они были сильнейшими из племен. Их оружие наносило глубокие раны, они были сильны, их мускулы крепки и неутомимы. Они говорили на более совершенном языке, чем остальные племена, подобные им. Их поколения быстро размножались. Так было много тысячелетий тому назад. Но потом рост племени прекратился. Они не знали причин своего упадка.

Их тела стали более хилыми, движения медлительными, их язык перестал обогащаться, затем и совсем обеднел; их хитрости стали более грубыми, менее изобретательными. Они хуже владели оружием, теперь менее совершенным. Но наиболее верным признаком их упадка было непрекращающееся ослабление их мысли и движений. Ва быстро уставали; ели мало, спали много, случалось, что зимой они погружались в спячку, как медведи.

Из поколения в поколение уменьшалась их способность размножаться. Женщины с трудом производили на свет одного ребенка или двух, выращивать их было очень трудно. Большая же часть женщин оставалась бесплодными. Тем не менее женщины обнаруживали большую жизнеспособность, чем мужчины, большую выносливость, мускулы их были крепче. Женщины охотились, ловили рыбу, точили оружие, сражались за семью и племя наравне с мужчинами.

Постепенно более крепкие, деятельные и жизнеспособные противники оттеснили ва на юго-запад. Множество ва было истреблено рыжими карликами и кзаммами. Ва бродили по земле как бы во сне, с остатком былых знаний. Они сохранили кое-какие орудия, более сложные, чем те, которыми пользовались их противники, да несколько навыков, свидетельствовавших о былом расцвете их ума. Они жили на болотистых торфяных землях, прилегающих к рекам, на берегах больших озер, а иногда в просторных пещерах, вырытых предпочвенными водами, соединенных между собой извилистыми проходами. Чувствуя себя слабыми, медлительными, менее подвижными, чем противники, они предпочитали избегать борьбы; но зато в искусстве скрываться они достигли высокого совершенства.

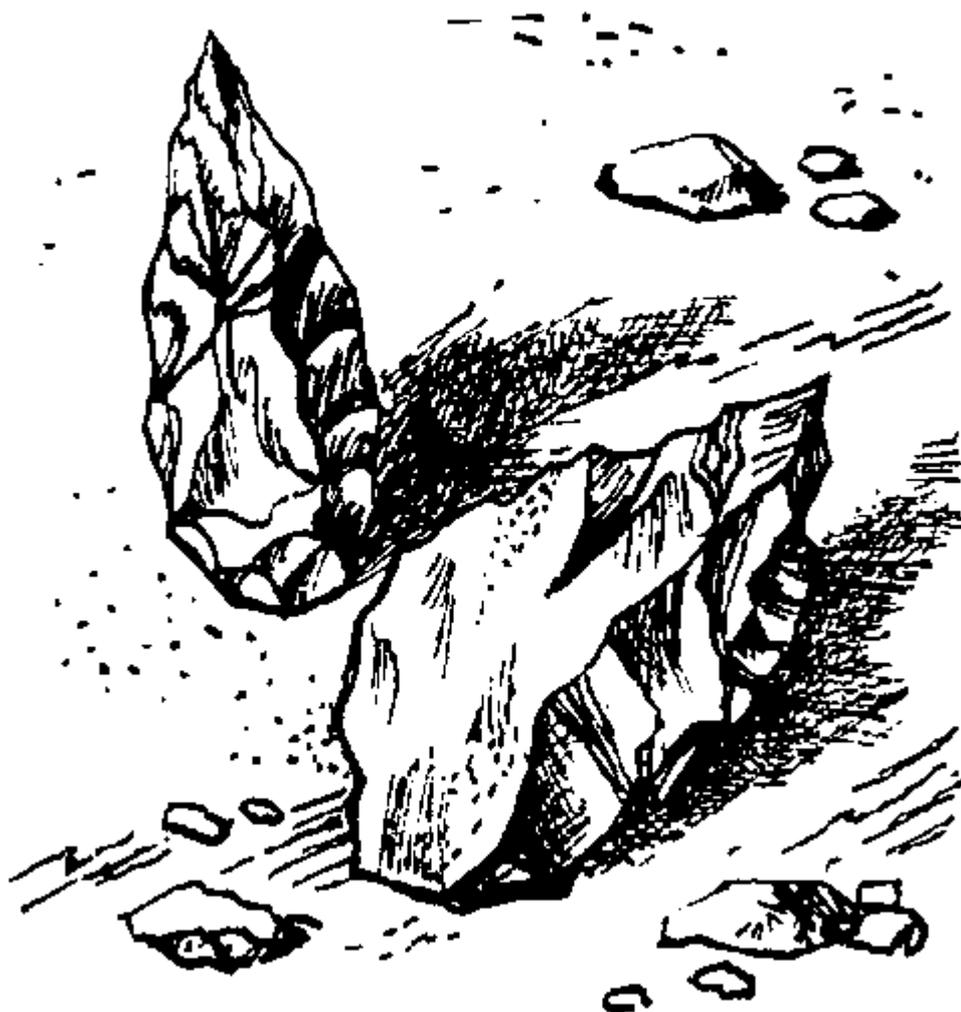
Ни одно животное не умело так искусно заматывать свои следы. Подземные жилища ва были до того искусно замаскированы, что их не могли найти даже собаки и волки, не говоря уже о человеке с его более слабым, чем у животных, обонянием.

Только в одном случае эти пугливые и вялые существа становились дерзкими и отважными: они рисковали всем, когда нужно было выручать соплеменника, которому грозила опасность. Некогда это чувство кровной связи делало племя ва непобедимыми. Несмотря на то, что рыжие карлики были опасными врагами, ва не побоялись выйти из своих подземелий, чтобы выручить раненого товарища, которого подобрал Нао.

Сын Леопарда, после того как ва перевязали ему раны, вернулся к гранитному гребню, чтобы взять клетки с огнем; он нашел их в полной сохранности; маленькие огоньки еще теплились в них. При виде их победа показалась Нао более полной и более радостной. Не то чтобы он боялся потерять огонь, нет, ведь костры рыжих карликов еще горели, но в нем говорило какое-то темное суеверие. Ему пришлось выдержать такую борьбу за эти маленькие огоньки! Будущее было бы страшным, если бы эти три огонька погибли!

Он с торжествующим видом перенес плетенки с огнем в становище ва. Они смотрели на него с любопытством, а предводительница орды покачала головой. Уламр объяснил ей жестами, как

люди его племени утратили огонь и как он, Нао, сумел его снова завоевать. Но никто не понимал молодого улабра, и вождь с грустью спрашивал себя, что это за люди, не из тех ли они жалких племен, что не умеют согреться в холодные дни, не умеют отгонять ночь, жарить пищу. Старый Гун говорил, что такие племена существуют, это низшие существа, они хуже волков, так как не обладают тонкостью их слуха и обоняния.

Нао, охваченный жалостью к ва, стал показывать им, как разжечь пламя, как вдруг заметил среди ивняка женщину, которая ударяла одним камнем о другой. Посыпались искры, вдоль сухой тонкой травинки заплясала маленькая красная точка, затем загорелись ветки; женщина тихонько раздувала огонь, он стал пожирать свою пищу.

Сын Леопарда застыл в изумлении. Он подумал: «Ва прячут огонь в камнях».

Подойдя к женщине, он старался получше рассмотреть, что она делает. Инстинктивно женщина сделала недоверчивый жест. Затем, вспомнив, что этот человек спас их от гибели, она протянула ему камни. Он жадно рассматривал их, не найдя ни одной трещины, изумился еще больше. Он их ощупал: камни были холодные. Нао спрашивал себя с беспокойством: «Каким образом огонь вошел в эти камни?.. И почему же он не разогрел их?..»

Он вернул камни с тем чувством страха и недоверия, какое внушают людям таинственные и незнакомые предметы.

Глава VI В Стране вод

Ва и уламры пересекали Страну вод. Вода была повсюду: в стоячих болотах, поросших водорослями, кувшинками, ненюфарами, стрелолистами и камышами; в торфяных топях, в озерах, в реках, перерезанных узкими перемычками из камня, песка и глины. Она выступала из-под земли, спускалась по склонам холмов, иногда беря свое начало из расщелин, терялась под землей. Ва знали, что Нао решил идти на северо-запад. Они провожали своих спасителей до границ Страны вод, изыскивая кратчайшие и наименее опасные дороги. Местность они знали превосходно. Порой ва вели за собой уламров по таким потаенным проходам и тропам, о существовании которых ни один человек другого племени не мог бы догадаться. Иногда они строили плоты для переправы, перекидывали стволы деревьев через пропасти, соединяли берега реки висячими мостами из лиан. Ва плавали хотя и медленно, но очень искусно, если только не было в воде некоторых трав, перед которыми они испытывали суеверный страх.

И вместе с тем все их поступки и движения были полны какой-то неуверенности, словно люди только что очнулись от сна или, напротив, борются с непреодолимой сонливостью.

Эти места изобиловали пищей. Ва знали множество съедобных корней; в особенности же они были искусны по части ловли рыбы. Они умели ловить ее с помощью гарпунов, хватали рыбу прямо руками, запутывая ее в мягкой траве; умели привлекать ее по ночам горящими головешками, направлять целые стаи в бухточки. Вечерами, сидя вокруг костра, ва испытывали тихое, молчаливое счастье. Они любили сидеть, тесно прижавшись друг к другу, быть может, им казалось, что их ослабевшие, вялые тела станут более сильными от ощущения близости людей своего племени. Уламры же, напротив, часто уединялись, особенно Нао. Иногда ва пели, очень монотонно, бесконечно повторяя одни и те же звуки, в своих песнях они прославляли смелые подвиги давно умерших поколений.

Но все это нисколько не интересовало сына Леопарда. Он испытывал ко всему этому почти отвращение. Зато он с величайшим интересом наблюдал за их охотничьими приемами, за тем, как они работают, особенно за тем, как они пользуются своими метательными снарядами и добывают из камней огонь.

Нао и сам быстро научился владеть их оружием. Так как он внушал союзникам всевозрастающую симпатию, они ничего от него не скрывали, он мог пользоваться их оружием, и когда однажды один из ва потерял свой метательный снаряд, они в присутствии Нао изготовили новый.

Женщина-вождь дала ему такой снаряд, и скоро уламр научился владеть им с не меньшей ловкостью, чем ва, но с неизмеримо большей силой.

Но постичь тайну добывания огня он не мог. Эта тайна внушала ему страх. Он только издали наблюдал, как вспыхивали из камней искры; он задавал себе вопросы, которые оставались нерешенными. Но с каждым разом он все больше привыкал к этому зрелищу, и постепенно страх уступил место любопытству.

Вскоре Нао научился понимать десять-двенадцать слов на языке ва и около тридцати знаков, заменявших слова, и это новое знание очень ему пригодилось. Он понял, что не ва прячут огонь в камни, а что огонь сам живет в камнях. Огонь вспыхивал при ударе и бросался на ветви и сухие травы, но, будучи еще очень слаб, он сразу не мог схватить своей добычи. Нао еще больше успокоился, увидев, что ва высекают искры из самых обыкновенных камней, валяющихся на земле. С тех пор как он убедился, что тайна заключается в самих камнях, а не в могуществе ва, его последние сомнения рассеялись. Он решил попробовать сам добыть огонь. Для этого нужны были два камня: твердый кремль и более мягкий колчедан. Сила и проворство рук помогли его неопытности. Искры сыпались из камней, но, сколько он ни старался, он так и не мог заставить загореться даже самую тоненькую былинку.

Однажды, задолго до сумерек, племя ва сделало привал. Это было на песчаном берегу большого озера, в сильную засуху.

В небе летела стая журавлей, в тростниках сновали чирки, издали доносилось рычанье льва. Ва развели костры. Нао, запасшись сухими, почти обуглившимися травами, ударял один камень о другой. Он проделывал это с неистовой страстью. Затем его одолело сомнение. Он сказал себе: «Ва скрывают от Нао какую-то тайну». Он с такой силой ударил камень о камень, что один из них

расколосся. И вдруг... у Нао захватило дыхание... на одной из травинки появился маленький огонек! Тогда уламы осторожно раздули пламя: оно поглотило свою слабую добычу и перешло на другие травы.

И Нао, неподвижный, чуть дыша, со сверкающими глазами, познал радость большую, чем та, которую он испытывал при победе над тигрицей, при завоевании огня у кзаммов, от дружбы с вожаком мамонтов и от убийства вождя рыжих карликов.

Он чувствовал, что обрел могущество, которым не владел ни один из его предков. Теперь никто не сможет умертвить огонь у людей его племени.

Глава VII

Люди с синими волосами

Долины спускались все ниже и ниже. Уламы и ва проходили по стране, где осень была такой же теплой, как лето. Затем они углубились в лес, грозный и дремучий. Его непроходимая чаща была перевита лианами, заграждена плотной стеной колючего терновника, сквозь который ва прорубали дорогу кремневыми ножами. Женщина-вождь дала понять Нао, что ва покинут уламы, как только выведут их за пределы леса, так как земли, лежащие дальше, незнакомы им. Им известно только, что там находится равнина, а за ней гора, разделенная надвое широким ущельем. Женщина-предводитель сказала, что ни на равнине, ни в горах нет людей, но в лесу живут какие-то странные существа. По ее описанию, это были великаны с широкой грудью и мощными руками: она объяснила, что они не разводят огня, не знают членораздельной речи, не воюют и не охотятся, но они ужасны, когда на них нападают или преграждают им путь.

Утром лес стал редеть. Меньше стало колючих растений. Среди тысячелетних деревьев, в просветах, извивались тропинки, проложенные животными. Зеленый мрак расступился: множество птиц наполнило страну деревьев, звери, гады, насекомые стали встречаться все чаще и чаще... В лесу происходила непрерывная борьба – упорная, скрытая, в которой тела растений и животных не переставали погибать и возрождаться.

Однажды женщина-предводитель указала Нао на одно дерево. Среди листьев смоковницы показалось синеватое тело, и Нао, приглядевшись, узнал человека. Вспомнив о рыжих карликах, он задрожал от гнева и беспокойства. Человек исчез. Наступила тишина. Ва, предупрежденные об опасности, задержали шаг и еще теснее сгрудились в кучу. Тогда заговорил самый старый человек в орде.

Он говорил о силе людей с синими волосами, об их страшной ярости. Ни в каком случае не следует идти по одной дороге с ними, не проходить через их становище – они ненавидят шум и движение.

– Отцы наших отцов, – заключил он, – жили мирно в соседстве с ними. Они уступали им дорогу в лесу. А люди с синими волосами сворачивали с дороги ва на равнинах и в болотах.

Женщина-предводитель кивнула головой в знак согласия и подняла свое копье. Орда отправилась по новой дороге, среди высоких смоковниц, и вскоре очутилась на большой прогалине, видимо, недавно выжженной упавшей молнией, – остатки пепла от ветвей и стволов деревьев еще не были развеяны ветром. Едва ва и уламы вышли на нее, как Нао снова заметил в зелени синеватое тело, похожее на то, что мелькнуло среди листьев смоковницы.

Вслед за тем показались еще какие-то две фигуры. Затрещали ветки, и на полянку выскочило из серо-зеленого мрака сильное и гибкое существо. Никто не мог бы сказать – передвигалось ли оно по-звериному, на четырех ногах, или на двух, как люди и птицы. Казалось, будто оно присело на корточки, задние конечности его вытянулись по земле, а передние упирались в огромные, вылезшие из-под земли корни. Лицо у него было огромное, челюсти, как у гиены, глаза круглые, блестящие, череп приплюснутый, грудь мощная, как у льва, но более широкая, на конечностях передних и задних – длинные пальцы; густая шерсть с синим отливом покрывала все тело. Только по груди и плечам признал Нао в этом существе человека; четыре руки делали его очень странным, а голова напоминала голову буйвола или медведя.

Окинув столпившихся на поляне людей гневным и недоверчивым взглядом, человек с сини-

ми волосами выпрямился и издал глухой крик. Тотчас же появилось еще несколько существ, схожих с ним: трое самцов, дюжина самок и несколько детенышей. Один из самцов выделялся своим огромным ростом: у него были шероховатые, похожие на ствол платана руки, грудь в два раза шире, чем у Нао, он мог легко опрокинуть и задушить тигра. При нем не было никакого оружия, лишь двое или трое из этих странных существ держали в руках свежоторванные ветви с еще не опавшей листвой. Огромный самец подошел к ва и уламрам, в то время как все другие хором рычали. Он бил себя в грудь своими странными руками, между толстыми дрожащими губами сверкали белые зубы.

Ва, по знаку женщины-предводителя, отступили не спеша и без единого звука. Зная повадки людей с синими волосами, они избегали лишних движений и остерегались всякого шума. Нао последовал их примеру, доверяя их опыту. Но Нам и Гав, которые опередили орду, замешкались. Они тоже хотели было отступить, но путь оказался отрезанным. Люди с синими волосами рассыпались по поляне. Гав кинулся в лесную чащу, а Нам побежал вдоль поляны. Он бежал, легкий и гибкий, казалось, побег должен был ему удасться. Но одна из самок быстро догнала его и преградила ему дорогу. Нам свернул в сторону. За ним бросились двое самцов. Спасаясь от них, Нам споткнулся и упал. Огромные руки схватили его и подняли в воздух. Он очутился в объятиях великана, не успев даже поднять оружие. Чудовищная тяжесть давила на его плечи, парализуя движения. Он почувствовал себя таким же слабым и беззащитным, как сайга в лапах тигра.

Он видел, что Нао далеко и не успеет прийти к нему на помощь, и, понимая безнадежность всяких попыток сопротивления, покорно ожидал смерти.

Нао не мог перенести гибели своего товарища: схватив палицу и копье, он хотел броситься на человека с синими волосами, но женщина-предводитель остановила его.

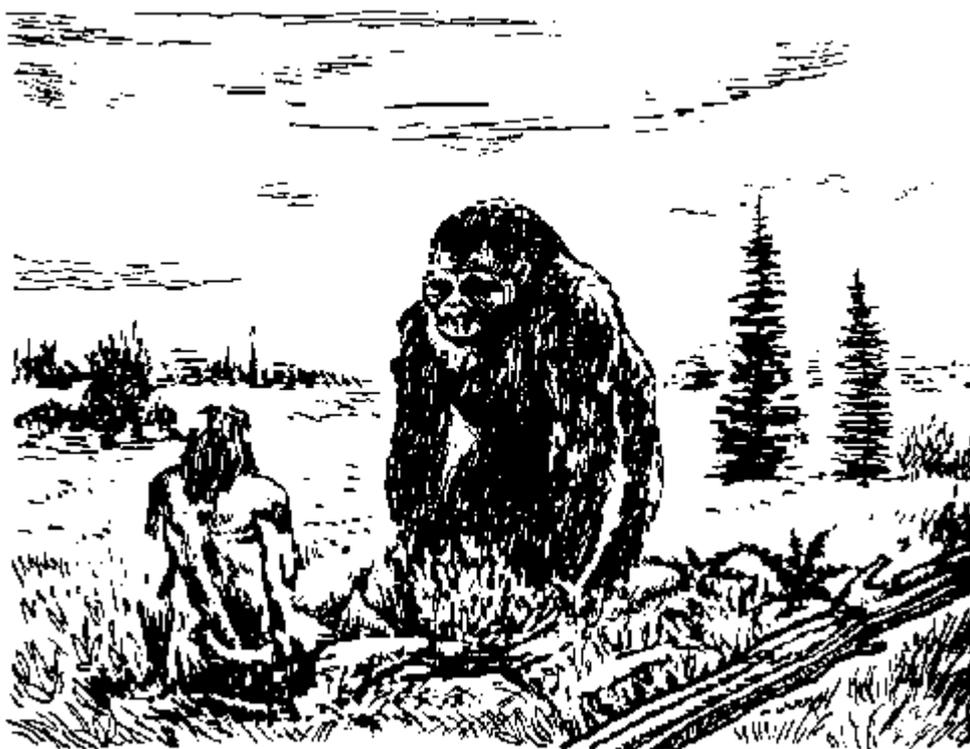
– Стой, – сказала она.

Она дала ему понять, что при первом же ударе Нам погибнет. Колеблясь между желанием напасть на врага и страхом погубить этим товарища, Нао глубоко вздохнул.

Человек с синими волосами держал тело юноши на весу, скрежеща зубами, он раскачивал его, примериваясь раздробить ему голову о ствол дерева. Вдруг он остановился, взглянул на безжизненное тело, лежавшее в его руках, и его свирепое лицо растянулось в улыбке; какая-то мягкость скользнула в хищных глазах; он положил Нама на землю. Если бы юноша сделал хоть одно движение, ужасная рука снова схватила бы его. Нам инстинктивно это почувствовал и оставался неподвижным.

Собралась вся орда: самцы, самки, детеныши. Они смутно догадывались, что Нам чем-то похож на них. Для рыжих карликов и кзаммов это было бы только лишним предлогом для убийства. Но ум людей с синими волосами еще не пробудился, они не охотились и не воевали, не ели мяса и не имели врагов. Инстинктивно они ненавидели хищников, которые пожирали их детенышей и раненых; иногда чувство соперничества приводило самцов в раздражение, но они никогда не убивали травоядных животных.

Люди с синими волосами остановились в нерешительности перед распростертым телом Нама. Их успокоила его неподвижность, а главным образом, поведение самца-великана. Он был их вожаком, он водил их по лесам, выбирая дорогу, водопой и места для привалов.

А так как вожак не ударил и не укусил юношу, то никто из них и подавно не собирался этого делать. Жизнь Нама была спасена. Теперь он мог бы спокойно следовать за племенем этих волосатых людей и даже жить среди них. Как вначале он чувствовал неизбежность гибели, так теперь ясно сознавал, что опасность миновала. Он тихонько приподнялся, сел и стал ждать.

Люди с синими волосами еще некоторое время наблюдали за ним с затаенным недоверием. Потом одна из самок, соблазненная нежным побегом на кусте, сорвала его и стала медленно обгладывать, самец начал вырывать корни. Мало-помалу все племя, забыв о Наме, стало утолять голод. Так как люди с синими волосами питались только растениями, а выбор их был более ограничен, чем у оленей или зубров, то поиски пищи требовали много времени и большой внимательности.

Нам был свободен, он пошел навстречу Нао, который, не отрывая взора, следил, как люди с синими волосами то исчезали, то снова появлялись среди трав в поисках пищи.

Нам еще весь дрожал от пережитого волнения, он жаждал смерти этих странных существ. Но Нао относился к ним миролюбиво; он восхищался их силой, равной, пожалуй, только силе медведя, и думал, что, если бы они только захотели, они легко могли бы уничтожить и рыжих карликов, и ва, и кзаммов, и уламров...

Глава VIII Медведь-гигант ушел в ущелье

Давно уже Нао покинул ва, людей с синими волосами, и пересек лес. Через расщелины скал он дошел до плоскогорий. Там осень была свежее, по небу катились нескончаемые тучи, ветер ворчал целыми днями, трава и листья гнили на жалкой земле, и холод убивал без числа насекомых под корой, среди качающихся стеблей, гнилых корней и плодов, в трещинах камней и глины.

Когда тучи разрывались, звезды, казалось, леденили мрак. По ночам почти непрерывно выли волки, тоскливо лаяли собаки, иногда слышался предсмертный крик оленя, сайги или лошади, мяуканье тигра или рычание льва. Уламы видели сверкающие глаза хищников, внезапно появляющиеся из темноты, окружавшей костер.

Жизнь становилась страшной.

С приближением зимы запасы растительной пищи уменьшались. Травоядные животные искали ее, разрывая почву до корней, срывая побеги и кору деревьев. Грызуны укрепляли свои норы; плотоядные неустанно бродили то по пастбищам красного зверя, подстерегая добычу, то у водое-

мов, то в сумраке лесной чащи, то в ущельях. Всем, кроме тех, кто подвержен зимней спячке или заготавливает запасы в своих логовах, приходилось туго: потребности увеличивались, а запасы уменьшались.

Уламры не страдали от голода. Долгий путь, полный опасностей, изощрил их инстинкт, ловкость и предусмотрительность. Они издали определяли добычу или врага, научились предугадывать ветер, дождь, наводнение. Каждое их движение соответствовало цели и сберегало силы. С одного взгляда они находили наилучший путь отступления, верное убежище, подходящее место для битвы. Они, избирали направление с точностью, почти равной точности перелетных птиц. Через озера, болота, леса и горы они с каждым днем все ближе и ближе продвигались к стране уламов. Они надеялись еще до полнолуния прийти к своему племени. Однажды они попали в холмистую местность. В желтом низком небе тучи, цвета охры, глины и мертвых листьев, напоздали одна на другую, их пелена, казалось, грозила навсегда покрыть землю.

Нао избрал для ночлега длинное ущелье, он узнал его: когда-то в возрасте Гава он проходил по нему с отрядом охотников своего племени. Ущелье это, расположенное среди известковых скал, заканчивалось крутым спуском, загроможденным обломками.

Уламры прошли без приключений почти две трети ущелья. В полдень они устроили привал на полукруглой площадке, окруженной отвесно поднимающимися скалами. Здесь был слышен шум подземного потока, вода с грохотом падала в бездну; две темные дыры зияли в скале, – то были входы в известковые пещеры.

Насытившись, Нао направился к одной из пещер и долго ее осматривал. Он вспомнил, что Фаум показывал своим воинам, как через эту пещеру можно попасть на кратчайшую дорогу к долине. Склон, заваленный камнями, был неудобен для передвижения большого отряда, но три человека могли свободно по нему пройти. Нао выбрал эту дорогу. Он углубился в пещеру и шел по ней до тех пор, пока слабый свет не возвестил о близком выходе. Когда он вернулся, Нам сказал ему:

– Большой медведь в ущелье!..

Гортанный рев прервал его. Среди камней Нао увидел Гава, притаившегося в позе воина, подстерегающего врага. У входа на площадку показались два чудовищных животных. Необычайно густая шерсть цвета дуба могла отлично защитить их от холодов надвигающейся зимы, от острых скал и колючих растений. Одно из животных напоминало зубра, только ноги были короче, более мускулистые и более гибкие, лоб выпуклый, как камень, изъеденный лишаями; огромная пасть легко могла захватить голову человека и раздавить ее единым движением челюстей. Это самец. У самки лоб плоский, морда покороче. По строению груди и медленности движений они напоминали людей с синими волосами.

– Да, – прошептал Нао, – это медведи-великаны!

При всей их силе эти животные опасны только тогда, когда они очень разъярены или очень голодны. Они не особенно гонятся за мясом.

Медведи зарычали. Самец поднял голову, свирепо раскачивая ею.

– Он ранен, – заметил Нао.

Сквозь шерсть текла кровь. Уламры испугались: не нанесена ли рана оружием человека? Тогда медведь станет мстить. А уж если он первый поведет наступление, то не прекратит его, пока не победит. Нет существа более упрямого, чем большой медведь! Со своей густой шерстью и твердой кожей он не боится ни копья, ни топора, ни палицы. Он может распороть живот человеку одним ударом лапы, задушить его в своих объятиях, раздробить челюстями.

– Откуда они сюда попали? – спросил Нао.

– Они прошли вот здесь, между этими деревьями, – сказал Гав, указывая на несколько сосен, выросших на твердой скале. – Самец спустился с правой стороны, а самка с левой.

Случайно или сознательно, но медведям уже преградили выход из ущелья. Схватка казалась неизбежной. Это чувствовалось и по свирепому рычанию самца и по поведению самки, злобно глядевшей на уламов. Медведи долго принюхивались, чтобы лучше определить расстояние, отделявшее их от врага, притаившегося среди камней.

Когда медведи двинулись на людей, уламры уже были в глубине пещеры. Нам и Гав шли

впереди; все трое спешили, насколько позволяла неровность почвы и извилины прохода. Двинувшиеся за ними в пещеру медведи потратили немало времени, пока нашли следы уламов. Полные недоверия, они часто останавливались. Они не боялись людей и животных, но долголетний опыт и природная осторожность научили их опасаться неизвестного. В их памяти прочно укоренились воспоминания о камнях, скатывающихся с гор, о внезапных трещинах в земле, о глубоких пропастях, лавинах, осыпях, обвалах.

Ни мамонт, ни лев, ни тигр никогда не покушались на их жизнь, но силы природы не раз наказывали их: медведи помнили снежные обвалы, горные осыпи, помнили и вешний поток, в котором они едва не утонули, и острые камни, падавшие на них с высоты и наносившие им жестокие раны.

А сегодня утром впервые на них напали люди. Это было на вершине скалы, куда могли взобраться лишь ящерицы и насекомые. Три двуногих существа стояли на гребне утеса. При виде медведей они закричали и метнули дротики. Один из них ранил самца. Обезумев от бешенства и боли, зверь кинулся на скалу, забыв, что она для него недоступна. Но вскоре он пришел в себя и вместе со своей самкой стал отыскивать более удобный путь в обход скалы.

Дорогой он выдернул из раны дротик и обнюхал его, – это родило в нем смутные воспоминания. Ему уже приходилось встречать людей, но вид их вызывал у него не больше интереса, чем вид волков или гиен. Люди обычно поспешно уступали ему дорогу, и он ничего не знал ни об их хитрости, ни об их силе. Тем больше встревожило его утреннее нападение: оно нарушило его представление о людях, в его мозгу возникло нечто новое, неизвестное, а всякая неизвестность пугала медведя. Он стал бродить по ущельям, ощупывая скалы, внимательно принюхивался к различным запахам. Наконец он устал. Не будь раны, он сохранил бы обо всем этом лишь смутное воспоминание, которое спит в глубине существа и пробуждается лишь при повторении однородных событий. Но боль вызывала по временам образы трех странных существ, стоявших на вершине утеса, и воспоминание об остром дротике. Тогда медведь начинал рычать, зализывая рану. Но вскоре и боль перестала служить напоминанием. Медведь начал было думать о пище, а найти ее было нелегко, как вдруг он снова почувствовал запах человека. Ярость наполнила его сердце. Он позвал свою самку, которая искала пищу поодаль, – кормиться на одном участке было трудно – и, напав на след врагов, решил им отомстить.

В сумраке пещеры Нао трудно было что-либо различить. Вскоре послышались тяжелые шаги и могучее дыхание: медведи приближались. Животным легче было сохранить равновесие. Уламы же поминутно спотыкались о камни, проваливались в ямы, ударялись о выступы стен, и нужно было еще нести оружие, припасы и клетки с огнем, с которыми Нао ни за что не хотел расставаться.

Огонь горел очень слабо, почти совсем не освещая дороги, его бледный, красный отсвет терялся где-то в высоте, едва были видны очертания стен. Но зато он отчетливо освещал фигуры беглецов.

– Скорее, скорей! – кричал вождь.

Но Нам и Гав и без того бежали со всей быстротой, на какую были способны, и не их вина была, что звери приближались. Ярость медведей усиливалась по мере того, как сокращалось расстояние, отделявшее их от людей; они рычали по очереди. Их громовые голоса грозным эхом отдавались под сводами подземного хода. Вскоре они очутились всего в нескольких шагах от уламов. Земля колебалась под ногами Нао, вот-вот огромная тяжесть обрушится на его спину...

Он повернулся лицом к опасности, быстро наклонив клетку, направил слабый огонек на качающуюся тушу. Медведь остановился. Удивление пробудило его осторожность. Пристально рассматривая маленькое пламя, он стал глухо звать к своей самке; затем, охваченный яростью, бросился на человека. Нао отступил и изо всех сил бросил в медведя клеткой. Она угодила в морду зверя, огонь опалил веко, зверь застонал и пока, ошеломленный, успел сообразить, что с ним произошло, Нао удалось выгадать несколько десятков шагов.

Впереди показалась полоска тусклого света. Уламы теперь видели землю под ногами; они бежали быстрее и уверенней, не спотыкаясь, но и медведи тоже ускорили шаги.

Сын Леопарда подумал о том, что на открытом месте опасность возрастает. Медведь снова стал их догонять.

Жгучая боль в веке только распалила его гнев. Он забыл об осторожности; кровь прилила к голове, дыхание стало еще тяжелее, зверь яростно, отрывисто рычал. Теперь уже ничто не могло его остановить.

Нао хотел было уж повернуться и принять бой, но в это время Нам, бежавший впереди, окликнул его. Вождь увидел большой выступ, который загораживал проход, оставляя только узенькую щель. Нам был уже по ту сторону щели, Гав только что влез в нее. Только три шага отделяли улама от зверя, когда Нао, в свою очередь, скользнул в отверстие, задевая его стенки плечами. Медведь с разбегу налетел на скалу, но в узкую дыру пролезла только его морда. Он обнажил жернова и пилы своих зубов, издавая ужасающий рев. Но Нао больше не боялся его. Уламы очутились внезапно за совершенно непроходимым заграждением. Камень, более могучий, чем сотня мамонтов, более долговечный, чем жизнь тысячи поколений, остановил медведя так же уверенно, как смерть.

Сын Леопарда засмеялся:

– Теперь Нао сильнее медведя-великана. У Нао есть палица, топор и дротики. Он может ранить медведя, а медведь не может причинить Нао вреда.

Нао размахнулся палицей, но медведь успел спрятать голову. Гнев его не утих, он раздувал его бока, стучал в висках, толкал его на неосмотрительные поступки; однако зверь не поддался ему. Двукратный опыт подсказывал, что человек – опасный враг и, чтобы уничтожить его, мало одной силы, нужны хитрость и осмотрительность. Он выследит и нападет на него врасплох.

Медведица, еще не наученная горьким опытом, рычала сзади; она не пострадала от встречи с человеком и не извлекла из нее урока предусмотрительности.

Рев самца призывал ее к осторожности; она остановилась, предполагая, что на пути встретились какие-нибудь неодолимые препятствия, она не могла себе представить, что опасность исходила от столь щедушных существ, как те, что спрятались там, за уступом скалы.

Глава IX Скала

Нао хотел сразиться с хищником. Злоба шевелилась в его сердце. Пронизывая глазами мрак, он держал наготове острое копьё.

Но медведь оставался невидимым, самка ушла. Вождь успокоился. Он подумал о том, что день на исходе и что надо успеть засветло спуститься в долину. С досадой в сердце пошел он к выходу из пещеры. Подземный ход расширился, и с каждым шагом в нем становилось светлей. Наконец уламры выбрались на вольный воздух и радостными криками приветствовали осенние тучи, плывшие по небу, крутой спуск с горы и открывшуюся перед ними равнину. Местность была им знакома. Они еще в детстве исходили эти леса, саванны, холмы, перебирались через болота, делали остановки на берегу реки или под отвесом скал. Еще два дня ходьбы – и они придут к Большому болоту, на берегах которого уламры собирались после войн и охотничьих походов.

Нам смеялся, как ребенок, Гав радостно протягивал руки, а Нао, взволнованный воспоминаниями, чуть слышно прошептал:

– Мы скоро увидим племя!

Все трое уже чувствовали его близость, она слышалась в осенних шумах, просвечивала в блеске вод, весь облик местности здесь был иной, не похожий на земли, оставшиеся позади, на юго-востоке.

Уламры вспоминали теперь только о счастливых днях, проведенных со своим племенем. Нам и Гав, которым часто приходилось испытывать на себе жестокости старших соплеменников, сносить туманы злого Фаума, чувствовали теперь себя в полнейшей безопасности. Они с гордостью поглядывали на маленькие огоньки, которые им удалось, несмотря на страдания, борьбу и усталость, донести до своего племени.

Нао жалел, что ему пришлось пожертвовать своей клеткой. Но разве не с ним камни, которые содержат в себе огонь и разве он не знает тайны, как его извлекать? А все же он предпочел бы сохранить, как и его товарищи, эту маленькую сверкающую жизнь, которую с таким трудом отвоёвывал у кзаммов.

Спуск был трудный. Осенью обвалов и трещин стало больше. Уламры спускались с помощью копий и топоров. Наконец последнее препятствие было пройдено, и они вышли на равнину: перед ними была ровная, хорошо знакомая дорога. Окрыленные надеждой, они не обращали больше внимания на окружающие их опасности.

Они шли до сумерек. Нао отыскивал удобную излучину реки, чтобы расположиться на ночлег. День тяжело умирал, в глубине туч разливался красноватый свет, зловещий и мрачный; выли волки, жалобно лаяли собаки, они бродили стаями по опушке леса. Их многочисленность удивила уламров. Очевидно, их привлекло сюда, в места, богатые добычей, переселение больших стад травоядных. Но, по-видимому, они уже исчерпали свои запасы. Их крики возвещали о голоде. Отряд прибавил шагу, зная, что волки и собаки в большом количестве опасны.

Под конец животные разбились на две огромные стаи: справа – собаки, слева – волки. Обе стаи охотились за одной и той же добычей, и потому часто останавливались на одних и тех же местах. В таких случаях они ошестивались, рычали, угрожая друг другу. Волки были крупнее и сильнее собак, но собаки были многочисленнее. По мере того как ночь поглощала сумерки, глаза их светились ярче. Уламры видели множество маленьких зеленых огоньков, которые перемещались, как светляки.

На вой и лай уламры отвечали иногда протяжным воинственным криком, который заставлял животных держаться на значительном расстоянии. Но чем больше темнело, тем звери напирали все сильнее и сильнее. Уже явственно был слышен мягкий шум их лап. Впереди шли собаки. Некоторые из них даже опередили людей. Они то пытались преградить им дорогу, то с пронзительным лаем отбегали в сторону.

Волки, обеспокоенные тем, что собаки могут перехватить у них добычу, двинулись на них сомкнутой стаей.

Столкновение становилось неизбежным. Собаки тоже сгрудились в кучу, уверенные в своей силе и в своей многочисленности. В последнем сумеречном свете обе стаи смешались в мертвой схватке.

Но не все хищники принимали в ней участие: часть волков и собак продолжали бежать за уламрами, образуя две длинные очереди.

Это упорное преследование в конце концов не на шутку обеспокоило людей. В темный вечер, среди такого количества врагов, они чувствовали себя далеко не безопасно.

Забежав вперед, огромный пес, ростом с доброго волка, оскалив сверкающие зубы, прыгнул на Гава. Молодой воин метнул дротик; собака с протяжным воем упала на землю. Уламр прикончил ее ударом палицы. На жалобной вой сбежались остальные собаки; стадное чувство было развито у них сильнее, чем у волков, и когда одна из них оказывалась в опасности, вся стая иногда осмеливалась нападать даже на крупных хищников. Нао боялся, как бы этого не произошло и в данном случае.

Он подзвал Нама и Гава, втроем они представляли более внушительную силу. Собаки, слегка озадаченные отпором, окружили их возбужденно рычащей сворой...

Стоит только одной из них броситься на людей, все остальные последуют за нею, и вмиг человеческие кости забелеют на равнине.

Нао метнул дротик; одна из собак упала с пронзенной грудью. Вождь схватил ее за задние лапы и, размахнувшись, бросил в стаю волков.

Запах крови возбудил животных, волки с жадностью набросились на неожиданную добычу. Тогда собаки, позабыв о людях, кинулись на волков.

Воспользовавшись этим, уламры пустились бежать. Туман возвестил о близости реки, Нао различал уже вдали ее сверкание. Два или три раза он останавливался, чтобы оглядеть местность. Наконец, указав на сероватую массу, возвышающуюся над берегом, он сказал:

– Нао, Нам и Гав смеются над собаками и волками!

Сероватая масса оказалась крутой скалой, высотой в пять человеческих тел. На нее можно было взобраться лишь с одной стороны. Нао давно уже был известен этот утес, и он быстро на него вскарабкался. Нам и Гав последовали за ним. Они очутились на площадке, заросшей кустарником, где легко могли разместиться тридцать человек.

Там, внизу, на равнине, волки и собаки продолжали истреблять друг друга. Дикий вой, про-

тяжные стоны наполняли влажный воздух; уламры наслаждались своей безопасностью.

Они развели костер; дрова затрещали, огонь показал свои красные языки; рыжеватый дым и яркий свет разлились над водою. У подножия утеса в обе стороны тянулись заросли камышей и кустов. Деревья росли только вдалеке, на расстоянии двадцати полетов дротика. Костер, зажженный уламами, растревожил все животное царство.

Над осиной со зловещим криком взлетели две совы; закружилось облако обезумевших ушанов; скворцы перелетели на другой берег реки; взволнованные утки спрятались в тень; как перламутровые и серебристые стрелы, выпрыгивали из воды длинные рыбы.

В рыжем отсвете огня показался коренастый кабан, он остановился и заревел; пробежал дрожащий олень, откинув назад свои ветвистые рога; в зарослях ясеня мелькнула голова рыси с треугольными ушами и свирепыми глазами медного цвета.

Люди знали свою силу; они ели не спеша жареное мясо, радуясь жизни, согретые огнем. Племя близко! Не пройдет и двух вечеров, как они увидят воды Большого болота. Нам и Гав будут приняты как воины. Уламры узнают об их храбрости, хитрости и выносливости. Их будут бояться. Нао получит Гаммлу и сделается вторым предводителем после Фаума.

Кровь молодых воинов бурлила надеждой, и, если мысль была коротка, силен был их инстинкт, полный точных и глубоких навыков. Они не верили, что их существование когда-либо окончится. Смерть – это скорее страшная сказка, чем действительность. Они боятся ее только в опасные моменты, затем она удаляется, исчезает в глубине их сил. Если жизнь и бывает страшна в неустанной борьбе против животных, голода, холода, страшных болезней, стихийных бедствий, то, едва только это проходит и появляется пища и кров, она снова становится свежа и прекрасна, как река.

Страшный рев раздался вокруг в темноте. Кабан пустился в бегство, прыгнул в заросли олень, конвульсивно прижав к затылку рога; задвигались и затрепетали десятки других животных.

На опушке леса появилась какая-то покачивающаяся тень, в каждом ее движении чувствовалась сила. Еще раз Нао довелось увидеть льва-великана... Звери разбежались. Хищник знал быстроту, бдительность, острый нюх, осторожность, изворотливость тех, кого он должен был настичь. Край этот, где его род почти вымер, беден и суров; жить здесь становится все труднее. Голод постоянно грызет его желудок.

Несмотря на высоту и неприступность скалы, Нао вздрогнул от страха, хотя и старался уверить себя, что огонь защитит его от страшного зверя.

Он схватил палицу и дротик. Нам и Гав тоже приготовились к бою; все трое, прижавшись к скале, были невидимы. Лев остановился и, весь подобранный на своих мускульных лапах, рассматривал этот странный свет, нарушавший привычную темноту ночи; он понимал, что это не дневной и не сумеречный свет. В его мозгу проносились смутные образы пожара, охватившего саванну; деревья, зажженного молнией; разведенных людьми костров, с которыми ему уже приходилось встречаться; это было давно, в местах, откуда его изгнали голод и засуха. Лев колебался. Рычал. Злобно помахивал хвостом; затем приблизился к утесу, втянул в ноздри воздух. Запахи были слабые, они поднимались и рассеивались, прежде чем осесть, легкий ветерок относил их к реке. Лев едва различал запах дыма, еще слабее запах жареного мяса и вовсе не почувствовал запаха людей; он не видел ничего, кроме прыгающих огоньков, красных и желтых отсветов, которые то вырастали, то уменьшались, расстилались по земле, исчезали в тени дымовой завесы. Но эти огоньки не напомнили ему ни о добыче, ни о победах над врагом. Охваченный тоской и голодом, он открыл свою огромную пасть, откуда раздался страшный рев...

Нао видел, как лев-великан ушел в темноту на поиски другой добычи.

– Ни один зверь нам не страшен! – воскликнул вождь с вызывающим смехом.

Нам, повернувшись спиной к костру, стал всматриваться в другой берег, куда достигал луч света, отраженный водой. Протянув руку, юноша прошептал:

– Сын Леопарда, там люди.

Тяжесть опустилась на грудь вождя; все трое напрягли слух и зрение. Но берега были пустынные; слышны были лишь всплески воды да шелест травы и ветвей.

– Не ошибся ли Нам? – спросил Нао.

– Нам не ошибся, он видел человеческие тела среди деревьев. Их было двое, – ответил молодой воин.

Вождь больше не сомневался. Сердце его затрепетало от радостной надежды. Он сказал совсем тихо:

– Мы в стране уламров. Ты видел охотников или разведчиков, посланных Фаумом.

И он выпрямился во весь свой рост. К чему прятаться? Ведь люди – кем бы они ни были, друзьями или врагами, – отлично понимают значение огня. Его голос разбудил тишину ночи.

– Я – Нао, сын Леопарда! Я завоевал для уламров огонь! Пусть покажутся посланцы Фаума.

Но кругом было тихо и пустынно.

– Пусть покажутся посланцы Фаума! – повторил вождь. – Пусть посмотрят сюда, они узнают Нао, Нама и Гава. Они будут желанными гостями у костра.

Все трое встали перед красным огнем, их освещенные силуэты были видны издалека, воины испустили призывный клич уламров.

Ни звука в ответ. Это молчание предвещало опасность. Нао сердито воскликнул:

– Это – враги!

Нам и Гав и сами догадались об этом. Радость, только что наполнявшая их сердца, рассеялась, как дым. Новая опасность казалась особенно грозной в эту ночь, когда цель была уже близка. И эта опасность могла исходить только от людей. В этих местах, по соседству с Большим болотом, воины не могли встретить никого, кроме людей своего племени.

Быть может, на уламров напали победители Фаума? Может быть, уламры уже более не существуют?

Нао представил себе Гаммлу побежденной или мертвой. Он заскрежетал зубами и погрозил своей палицей противоположному берегу реки, затем, удрученный, присел на корточки у костра, размышляя и выжидая...

Завеса туч раскрылась на востоке. В глубине саванны показалась луна, в последней четверти, красная, окутанная дымкой. Хотя свет от нее был очень слаб, все же он разрывал глубины мрака. Бегство, о котором помышлял вождь, становилось невозможным, тем более если те люди, что спрятались на другом берегу, многочисленны и расставили засады.

Нао услышал шорох. Пригнувшись к земле, он рассмотрел фигуру человека. Сердце его вздрогнуло, как под ударом дротика. Сомнений больше не было. Спрятавшиеся люди были из племени уламров.

Но Нао предпочел бы встретиться с пожирателями людей или рыжими карликами. Он узнал волосатого Аго.

Глава X Волосатый Аго

С сильно бьющимся сердцем Нао вспомнил, как Аго и его братья восстали против Фаума и поклялись завоевать огонь.

Угроза сверкала тогда в их круглых глазах, сила и жестокость сопровождали их жесты.

Все племя трепетало при звуке их голосов. Каждый из них мог соперничать в силе с Фаумом. Аго и его братья с их крепкими телами, волосатыми, как у серого медведя, с их огромными руками, крепкими, как ветви дуба, с их хитростью, ловкостью и храбростью стояли десятерых воинов. И при мысли о всех тех, кого эти люди убили или кому поломали кости, Нао охватил безграничный гнев.

Как победить их? Он, сын Леопарда, считал себя равным Аго...

После стольких побед его уверенность в себе была непоколебима. Но Нам и Гав – разве их можно сравнить с братьями Аго.

Нао не замедлил принять решение: оно было столь же быстрым, как прыжок оленя, наступившего в убежище.

– Нам спустится первым, – приказал вождь, – затем Гав. Они захватят с собой копье и дротики, я сброшу им палицы, когда они будут у подножия скалы. Я один понесу клетки с огнем.

Несмотря на таинственные камни, полученные от ва, Нао не решался расстаться с завоеванным огнем.

Нам и Гав поняли, что надо опередить Аго и его братьев и раньше их попасть в становище уламров.

Они поспешно собрали оружие. Нам стал спускаться с крутого откоса; Гав следовал за ним на расстоянии двух человеческих тел.

Теперь их задача была более трудной, чем при подъеме на скалу, – обманчивый свет, внезапные тени затрудняли спуск; приходилось спускаться в пустоту, отыскивать невидимые углубления, прилепляться прямо к скале.

Когда Нам уже почти спустился с берега, раздался крик совы, затем крик оленя, завывание выпи. Наклонившись, Нао среди тростников увидел Аго. Он примчался, как молния; сейчас же появились его братья – один с юга, другой с востока.

Нам был уже на земле. Сердце Нао наполнилось скорбью и волнением. Он не знал, что делать, – бросить ли Наму палицу, или позвать его обратно.

Молодой воин был более подвижен и ловок, чем сыновья Зубра, но так как они все устремились к скале, то Нам должен будет проскользнуть мимо них на расстоянии полета копья. Нао недолго колебался, он крикнул:

– Я не брошу палицу Наму. Она обременит его бег! Пусть он бежит. Пусть предупредит уламров, что мы ждем их здесь с огнем.

Нам повиновался, дрожа от страха перед грозными братьями. После нескольких прыжков он оступился, но снова выправился и побежал. Нао, видя, что враг уже близко, приказал Наму вернуться.

Один из братьев Аго, что был попроворней, метнул копьё. Оно проткнуло руку молодого воина, когда он начал влезать на скалу, другой с криком набросился на Нама, чтобы его растерзать. Нао был начеку. С необычайной силой бросил он камень. Описав в полумраке дугу, камень раздробил бедро нападающему, тот упал. Прежде чем сын Леопарда поднял второй камень, раненый с гневным рычанием исчез в кустарнике. Затем наступила тишина. Аго направился к брату, осмотрел рану. Гав помог Наму взобраться на утес. Нао стоял, освещенный двойным светом – костра и луны, – держа наготове обеими руками тяжелую глыбу гранита.

Он заговорил первый:

– Разве сыновья Зубра не из того же племени, что Нао, Нам и Гав? Почему же они нападают на нас, как на врагов?

Волосатый Аго вышел из засады. Издав воинственный клич, он ответил:

– Вы станете друзьями Аго, если дадите ему огонь, если же – нет, он поступит с вами, как с оленями!

Ужасная усмешка раздвинула его челюсти; его грудь была так широка, что на ней могла бы улечься пантера.

Сын Леопарда воскликнул:

– Нао завоевал огонь и отнял его у пожирателей людей! Он разделит с вами огонь, когда придет в орду!

– Мы хотим получить огонь теперь же... Аго получит Гаммлу, а Нао – третью часть охоты и добычи.

Сын Леопарда задрожал от гнева.

– Почему Аго получит Гаммлу? Разве он завоевал огонь?! Все племя будет смеяться над Аго!

– Аго сильнее Нао! Он распорот копьём ему живот и переломает кости палицей.

– Нао убил серого медведя и тигрицу, он убил десять человек из племени пожирателей людей и двадцать рыжих карликов. Нао убьет Аго!

– Пусть Нао спустится на равнину.

– Если бы Аго пришел один, Нао сразился бы с ним!

Раздался смех Аго, похожий на рев.

– Никто из вас не увидит Большого болота!

Оба замолчали. Нао сравнивал тонкие торсы Нама и Гава со страшными, сильными телами сыновей Зубра. Но разве он уже не одержал первую победу? Если Нам и ранен, то ведь один из трех братьев тоже не способен преследовать врага?!

Кровь текла из руки Нама. Вождь приложил к ране пепел и покрыл ее травой.

В то время как глаза его наблюдали за врагом, он обдумывал план действий. Трудно обмануть бдительность Аго и его братьев. У них хорошее зрение и слух, они неутомимы и обладают большим дыханием, хотя в быстроте бега уступают Наму и Гаву. Только сын Леопарда равен им по выносливости.

Мысли Нао были отрывочны, но инстинкт, собрав их воедино, придал им связность.

Таким образом, Нао легко представил себе все подробности бегства и битвы, он был уже опять весь в действии, хотя оставался еще неподвижным, сидя на корточках в медном свете огня; наконец он поднялся, хитрая улыбка скользнула по его лицу; в нетерпении он рыл землю ногой, как будто вместо пальцев у него было копыто.

Прежде всего надо потушить костер, дабы сыновья Зубра, если они и победят, не могли бы получить ни Гаммлу, ни третью часть добычи.

Нао бросил в реку самые большие головешки; с помощью товарищей он убил огонь землей и камнями, оставив в живых лишь маленькое пламя в одной из клеток, затем уламы начали спускаться с утеса. На этот раз первым спускался Гав. На высоте двух человеческих тел от земли в скале имелся выступ, достаточно широкий, чтобы там можно было встать и, сохраняя равновесие, метать оттуда копья. Гав должен был занять этот выступ.

Молодой уламыр тотчас же это выполнил. Когда он достиг указанного места, он негромко крикнул, чтобы известить вождя.

Сыновья Зубра приготовились к бою. Аго с дротиком в руке повернулся лицом к скале, раненый воин стоял, опираясь на куст, держа наготове оружие, а третий брат, Рук, находясь ближе всех, ходил взад и вперед. Стоя на краю утеса, Нао следил за действиями противника. Выбрав момент, когда Рук подошел поближе, он метнул дротик. Дальность его полета удивила сына Зубра, но все же дротик не долетел до цели на несколько локтей. Камень, который Нао затем бросил, упал еще дальше от цели. Рук закричал насмешливо:

– Сын Леопарда слеп и глуп!

Полный презрения, Рук погрозил ему своей палицей. Ловким движением Нао схватил то странное оружие, владеть которым он научился у ва, и стал быстро вращать его над головой. Рук, уверенный в том, что это простая угроза, не обратил на нее внимания, продолжая расхаживать под скалою. Он даже отвернулся от Нао и потому не заметил дротика. Еще мгновение – и его рука оказалась пронзенной между большим и указательным пальцами. С яростным криком он выронил палицу. Косматые братья были поражены. Они не понимали, как мог Нао бросить дротик на такое большое расстояние.

Чувствуя страх перед этим таинственным оружием, все трое отступили. Рук мог держать теперь палицу только левой рукой. Между тем Нао воспользовался их замешательством, чтобы помочь Наму спуститься. Шесть человек очутились на равнине, друг против друга, настороженные, полные ненависти. Сын Леопарда повернул вправо, где проход был шире и удобнее. Аго преградил ему путь. Его круглые глаза следили за каждым движением вождя уламыров. Он прекрасно умел увертываться от копий и дротиков и поэтому смело надвигался на Нао, уверенный в том, что тот непременно промахнется и тем даст возможность подоспеть Руку. Но Нао, сделав неожиданный поворот, устремился к третьему брату, который стоял, опершись на копьё.

Это движение вынудило Аго и Руку броситься на запад, открывая проход: уламыры воспользовались этим и пустились в бегство. Окружение было прорвано!

– Огонь не достанется сыновьям Зубра! – крикнул вождь звонким голосом. – Нао получит Гаммлу!

Все трое бежали по пустынной равнине. Путь к становищу уламыров был открыт. Но Нао отлично понимал, что дело не обойдется без решительной битвы. Двое волосатых были ранены. Отказаться от сражения – значило дать им время оправиться, и тогда одолеть их будет труднее.

Несмотря на рану, Нам не отставал от товарищей.

Все трое опередили неприятеля больше чем на тысячу шагов. Здесь Нао остановился, передал огонь Гаву и сказал:

– Бегите не останавливаясь на запад, пока я вас не догоню!

Уламры продолжали бежать с прежней скоростью. Вождь замедлил шаг. Вскоре он повернул на волосатых братьев, угрожая им своим новым оружием. Затем обогнул их справа и направился обратно к реке. Аго понял его намерение. Он издал рычание льва и бросился с Руком на помощь раненому. Отчаяние придало ему силы, он почти не отставал от Нао. Но ему мешал его рост. Сын Леопарда, как будто созданный для бега, опередил противника на триста шагов и скоро очутился лицом к лицу с третьим братом. Тот поджидал его, угрожающий, разъяренный. Он бросил в Нао дротик, но, плохо сохраняя равновесие, не попал в цель. Нао набросился на него.

Сила и ловкость волосатого были таковы, что, несмотря на свою рану, он легко мог бы подмять под себя Нама и Гава. Чтобы сразить Нао, который был выше его ростом, он с такой силой замахнулся палицей, что едва удержался на ногах. Оружие противника ударило его по голове и уложило на месте, второй удар раздробил ему позвоночник.

Аго был еще в ста шагах: Рук, ослабевший от потери крови, которая текла из руки, отставал от брата. Оба бежали к цели, как носороги, увлекаемые глухим инстинктом, даже забыв об осторожности.

Поставив одну ногу на побежденного, сын Леопарда ждал их, подняв палицу. Подбежав ближе, Аго сделал прыжок. Нао уклонился в сторону и кинулся на Рука. Сильным движением он выбил оружие из левой руки противника и ударом по черепу уложил второго брата.

Затем, отступив перед Аго, он крикнул:

– Где твои братья, сын Зубра? Я убил их так же, как убил серого медведя, тигрицу и пожирателей людей! Нао теперь свободен, как ветер! Его ноги легче твоих, его дыхание, как у оленя!

Отбежав немного, он остановился и снова крикнул:

– Нао не хочет убегать! Этой ночью он возьмет твою жизнь или отдаст свою.

Уламар прицелился дротиком в сына Зубра, но тот пригнулся; оружие просвистело над его головой.

– Нао умрет! – прорычал Аго.

Он не спешил: он знал, что противник волен принять или отказаться от боя. Он шел крадучись. Каждое его движение выдавало в нем зверя, его копье и палица несли смерть. Несмотря на поражение братьев, он не боялся своего ловкого и сильного противника. Он был сильнее своих братьев и до сих пор не знал поражений. Ни человек, ни животное не уходило от него живыми. Подкравшись к Нао, он метнул в него копье.

Он сделал это потому, что надо было так сделать; его не удивило, что Нао избежал удара. И он сам тоже с легкостью увильнул от копья уламра. Теперь у обоих остались только палицы; они поднялись разом; обе были из дуба. На палице Аго было три сучка, от долгого употребления она хорошо отшлифовалась, блестела при свете луны; палица Нао была более круглой.

Аго первый нанес удар. Но не со всей силой: он рассчитывал превзойти сына Леопарда иным путем. Нао без труда отразил удар и в свою очередь ударил наотмашь. Палицы стукнулись друг о друга и затрещали. Тогда Аго сделал прыжок вправо и нанес удар необычайной силы, но промахнулся; Нао успел увильнуть. Его ответный удар был таков, что сам Фаум покачнулся бы на месте, но ноги Аго точно вросли в землю; он только слегка откинулся назад.

Противники снова стояли лицом к лицу, оба невредимые, будто они вовсе и не сражались. Но внутри у них все клокотало! Теперь каждый из них знал силу своего противника, знал, что каждое пропущенное мгновение или неосторожный жест может его погубить.

Аго снова вступил в борьбу. Вся сила его сосредоточивалась в руках: он без всяких уловок рубанул палицей сверху.

Нао отвратил удар, но сучковатая дубина противника успела провести на его плече широкую царапину. Хлынула кровь и обагрила его руку; Аго, уверенный в том, что его победа теперь обеспечена, размахнулся с удвоенной силой.

Издав зловещий крик, Нао дал отпор. Череп Аго зазвенел, как будто он был из дуба, волосатое тело покачнулось; второй удар поверг Аго на землю.

– Гаммла не достанется Аго! – закричал победитель. – Аго не увидит больше своего племени, не увидит Большого болота и никогда не согреет своего тела у огня!

Аго встал на ноги. Его крепкая голова была окровавлена, правая рука висела, как сломанная ветвь, ноги ослабли. Но упорная жажда жизни светилась в его глазах. Подняв палицу здоровой левой рукой, он в последний раз взмахнул ею над головой, но прежде чем она опустилась, Нао выбил ее из рук врага, и она упала в десяти шагах от него.

Аго ждал смерти. Он уже считал себя мертвым, ибо знал, что поражение – это смерть. Он с гордостью вспомнил всех, кого он убил, прежде чем погибнуть самому.

– Аго не щадил своих врагов! – сказал он. – Он никогда не оставлял в живых тех, кто оспаривал у него добычу. Все уламы содрогались перед Аго!

Он не просил пощады и даже не застонал, когда первый смертельный удар обрушился на его голову. Его сознание погасло, оставалось живым только его теплое тело, последние вздрагивания

которого второй удар Нао погасил навсегда.

Покончив с Аго, Нао добил двух его братьев, казалось, будто сила сыновей Зубра вселилась в него. Обернувшись к реке, он слушал, как бурно колотится его сердце.

Глава XI Во тьме веков

Каждый вечер уламы со страхом ждали захода солнца. Когда в небе оставались одни лишь звезды или луна пряталась в облаках, они чувствовали себя слабыми и жалкими.

Сбившись в кучу, в сумраке пещеры или под выступами скал во мраке и холоде, они думали об огне, который питал их своей теплотой и отгонял от них хищных животных.

Дозорные все время держали оружие наготове; их изнуряли постоянная бдительность и страх. Они знали, что могут быть застигнуты врасплох, прежде чем успеют нанести удар. Недавно медведь задрал одного воина и двух женщин, волки и леопарды похитили нескольких детей. Много мужчин было ранено во время ночных схваток.

Наступила зима. Северный ветер метал свои копыя; мороз кусал острыми зубами. Однажды ночью вождь племени Фаум в битве со львом потерял способность владеть правой рукой. Искалеченный, он лишился уважения уламов. Среди племени возникли раздоры. Гум не хотел больше подчиняться Фауму. Му требовал себе первенства среди племени. Каждый из них имел своих сторонников, лишь немногие оставались верными Фауму. Однако до кровопролития дело не дошло, ибо все устали. Старый Гун упрекал уламов в слабости; в ней был корень всех зол. Слова его находили сочувственный отклик. В часы сумрака уламы жестоко сожалели об ушедших воинах. Прошло уже много лун, они отчаялись увидеть когда-нибудь Нао, Гава и Нама или сыновей Зубра! Много раз племя посылало разведчиков, те возвращались, не найдя никаких следов. Отчаяние сжало сердце уламов: шесть воинов погибли в когтях хищников, под топорами людей или умерли с голоду. Уламы не увидят больше спасительного огня!

Только женщины сохраняли еще смутную надежду; выносливость и терпение поддерживали в них бодрость. Гаммла была одна из наиболее сильных и смелых. Ни холод, ни голод не разрушили ее молодости. За зиму ее волосы отросли еще больше, они спадали с плеч, как грива льва. Дочь Фаума умела хорошо распознавать растения. На лугу, в зарослях, в лесу или среди камышей она быстро находила съедобные корни, вкусные плоды, грибы. Не будь ее, великий Фаум умер бы от голода во время своей болезни, когда он лежал в глубине пещеры, совсем ослабевший от потери крови. Гаммла легче других обходилась без огня. Однако она желала его страстно и по ночам спрашивала себя: кто же его принесет – Аго или Нао? Она готова была подчиниться любому из них из уважения к победителю, но знала, что жизнь с Аго будет тяжелой.

Наступил вечер. Сильный ветер прогнал тучи. С протяжным воем пролетал он по увядшей траве и по черным деревьям. Красное солнце, как холм, еще возвышалось на западе. Племя собралось в кучу, с тревогой ожидая наступления ночи. Скоро ли вернутся те дни, когда пламя, ворча, поедало поленья? Когда запах жареного мяса разносился в сумерках, теплая радость разливалась по телу, когда волки, медведь, лев и леопард убегали от сверкающей жизни огня?

Солнце потемнело; на обнаженном западе замер свет. Ночные животные вышли на охоту.

Старый Гун, которого лишения состарили сразу на несколько лет, простонал, полный отчаяния:

– Гун видел своих сыновей и сыновей своих сыновей. Огонь всегда был среди уламов, теперь больше нет огня! Гун умрет, не увидав его!

Расщелина скалы, где укрылось племя, была вроде пещеры. В хорошую погоду это было неплохое убежище, но теперь северный ветер бичевал незащищенную грудь старика.

Гун продолжал:

– Волки и собаки с каждым днем становятся все более смелыми и дерзкими.

Он указал на крадущиеся тени, число их увеличивалось с наступлением темноты. Вой становился более протяжным и более угрожающим. Последние сумеречные отсветы держали их еще в отдалении. Дозорные в беспокойстве шагали под холодными звездами, на холодном ветру.

Вдруг один из них остановился и вытянул голову. Другие последовали его примеру. Затем первый сказал:

– На равнине люди!

Все племя взволновалось. Некоторые испугались, сердца других преисполнились надеждой. Фаум, вспомнив, что он еще вождь, выбрался из расщелины, где он отдыхал.

– Пусть все воины возьмутся за оружие! – приказал он.

В эту тревожную минуту было не до распрей, уламры беспрекословно подчинились. Вождь прибавил:

– Пусть Гум возьмет с собой трех молодых воинов и пойдет на разведку!

Гум колебался, недовольный тем, что получает приказания от человека, который уже потерял силу. Вмешался старый Гун:

– У Гума глаза леопарда, слух волка и нюх собаки. Он сразу узнает, кто подходит, – враг или друзья.

Тогда Гум с тремя молодыми воинами отправился в путь. По мере того как они подвигались вперед, хищники бежали по их следам. Воины скрылись из виду. Племя с тревогой и нетерпением ожидало возвращения разведчиков. Наконец в темноте раздался протяжный крик.

Фаум, выскочив на равнину, воскликнул:

– Это идут уламры!

Необычайное волнение охватило всех.

Гун спросил:

– Кто идет: Аго и его братья или Нао, Нам и Гав?

Снова раздался крики под звездами.

– Это сын Леопарда! – радостно прошептал Фаум.

В глубине души вождь боялся свирепого Аго. Но большинство уламов думало лишь об огне. Если Нао принесет огонь, они готовы пасть перед ним ниц; если же нет – гнев и презрение восстанут против его слабости.

Между тем к становищу подкралась стая волков. Сумерки сменились непроглядной ночью. Последние отблески дня погасли, звезды тускло светили в ледяном небе. О! если бы увидеть, как возрождается теплое красное животное, почувствовать его дыхание на своей груди и на своем теле!

Наконец показался Нао. Его могучая фигура чернела на серой равнине. Фаум закричал:

– Огонь! Нао несет огонь!

Орда заволновалась. Многие замерли на месте, как оглушенные ударом топора, другие по-

вскакивали с неистовыми криками:

– Огонь! огонь!

Сын Леопарда держал его в своей каменной клетке. Это был маленький красный огонек, слабая жизнь, которую без труда могло задуть детское дыхание. Но уламы знали, какая огромная сила таится в этом слабом огоньке; задыхающиеся, безмолвные, страшась, что он исчезнет, смотрели они на огонь.

Затем поднялся такой шум, что даже волки и собаки испугались. Все племя столпилось вокруг Нао с жестами покорности, обожания, радости.

– Осторожно, не убейте огонь! – крикнул старый Гун.

Все отступили. Нао, Фаум, Гаммла, Нам, Гав, старый Гун образовали в толпе ядро и направились к скале. Уламы бросились собирать сухие травы и ветки. Когда костер был готов, сын Леопарда поднес к нему дрожащий огонек. Сначала он скользнул по сухим сучьям, потом со свистом и ворчаньем стал пожирать сучья и ветки. Увидев пламя, волки и собаки убежали, охваченные страхом.

Тогда Нао, обратившись к Фауму, сказал:

– Сын Леопарда выполнил свое обещание! Сдержит ли свое слово вождь уламов? – Он указал на Гаммлу, освещенную багряным светом.

Девушка тряхнула длинными, пышными волосами, трепеща от гордости при виде Нао.

– Гаммла будет твоей женой! – покорно ответил Фаум.

– И Нао станет вождем племени! – смело добавил старый Гун.

Он сказал так вовсе не для того, чтобы высказать презрение к Фауму, но чтобы уничтожить соперничество, которое он считал опасным. В этот торжественный момент никто не посмел бы ему противоречить. Все племя радостно приветствовало его предложение. Но Нао видел только Гаммлу: ее длинные волосы, ее прекрасные глаза. Глубокая жалость поднималась в его сердце к человеку, который отдавал ему в жены свою дочь. Тем не менее он понимал, что ослабевший, искалеченный вождь не может больше управлять племенем. И он воскликнул:

– Нао и Фаум будут вместе управлять племенем уламов!

Все в изумлении замолчали. Жестокий Фаум впервые почувствовал смутную нежность к человеку, который не был ему родственником по крови.

Между тем старый Гун, самый любопытный из всех уламов, спешил узнать о приключениях, пережитых тремя воинами. Память о них была так свежа в уме Нао, будто все происходило накануне.

В те времена люди не обладали большим количеством слов, речь их была отрывочна, но выразительна.

Храбрый воин рассказал о сером медведе, о льве-великане, о тигрице, о пожирателях людей, о мамонтах и рыжих карликах, о людях без плеч, о людях с синими волосами и о пещерном медведе. Однако осторожный Нао не раскрыл уламам тайны камней, которую он узнал от ва. Треск огня сопровождал его рассказ. Старый Гун воскликнул:

– Не было воина, равного Нао, среди наших отцов и не будет среди наших детей, среди детей наших детей.

Наконец Нао произнес имя Аго. Все вздрогнули, как деревья в бурю, ибо все боялись сына Зубра.

– Когда сын Леопарда видел Аго в последний раз? – спросил Фаум, бросив испуганный взгляд в темноту.

– С тех пор прошли две ночи, – ответил Нао. – Сыновья Зубра перешли реку. Они появились у скалы, где были Нао, Нам и Гав. Нао бился с ними.

Наступило глубокое молчание. Слышно было лишь потрескивание костра, завывание северного ветра и отдаленный крик какого-то хищного зверя.

– И Нао их победил! – объявил гордо уламы.

Мужчины и женщины переглянулись. Радость и сомнения боролись в их сердцах. Му выразил их неясные чувства, спросив:

– Нао убил всех троих?

Сын Леопарда ничего не ответил. Он погрузил руку в складку медвежьей шкуры, которая была на нем, и бросил на землю три окровавленные руки.

– Вот руки Аго и его братьев!

Гун, Му и Фаум осмотрели их, им хорошо были знакомы эти огромные толстые руки, покрытые шерстью, как у зверей. Нельзя было не узнать их. Все вспомнили тот ужас, который навели на племя эти руки. Соперничество погасло в сердцах завистливых и сильных; слабые соединили навсегда свою жизнь с Нао; женщины почувствовали, что род их не умрет. И Гун Сухие Кости провозгласил:

– Теперь улаграм не страшны враги!

Фаум, схватив Гаммлу за волосы, простер ее грубо перед победителем и сказал:

– Вот! Она будет твоей женой! Я снимаю с нее мою власть. Ты ее господин! Она будет отыскивать и приносить на плече добычу, которую ты убьешь на охоте. Если она ослушается тебя, ты волен убить ее.

Нао опустил руку на плечо Гаммлы и нежно поднял женщину.

